

СЕРГЕЙ ОБДУЧЕВ

33-3

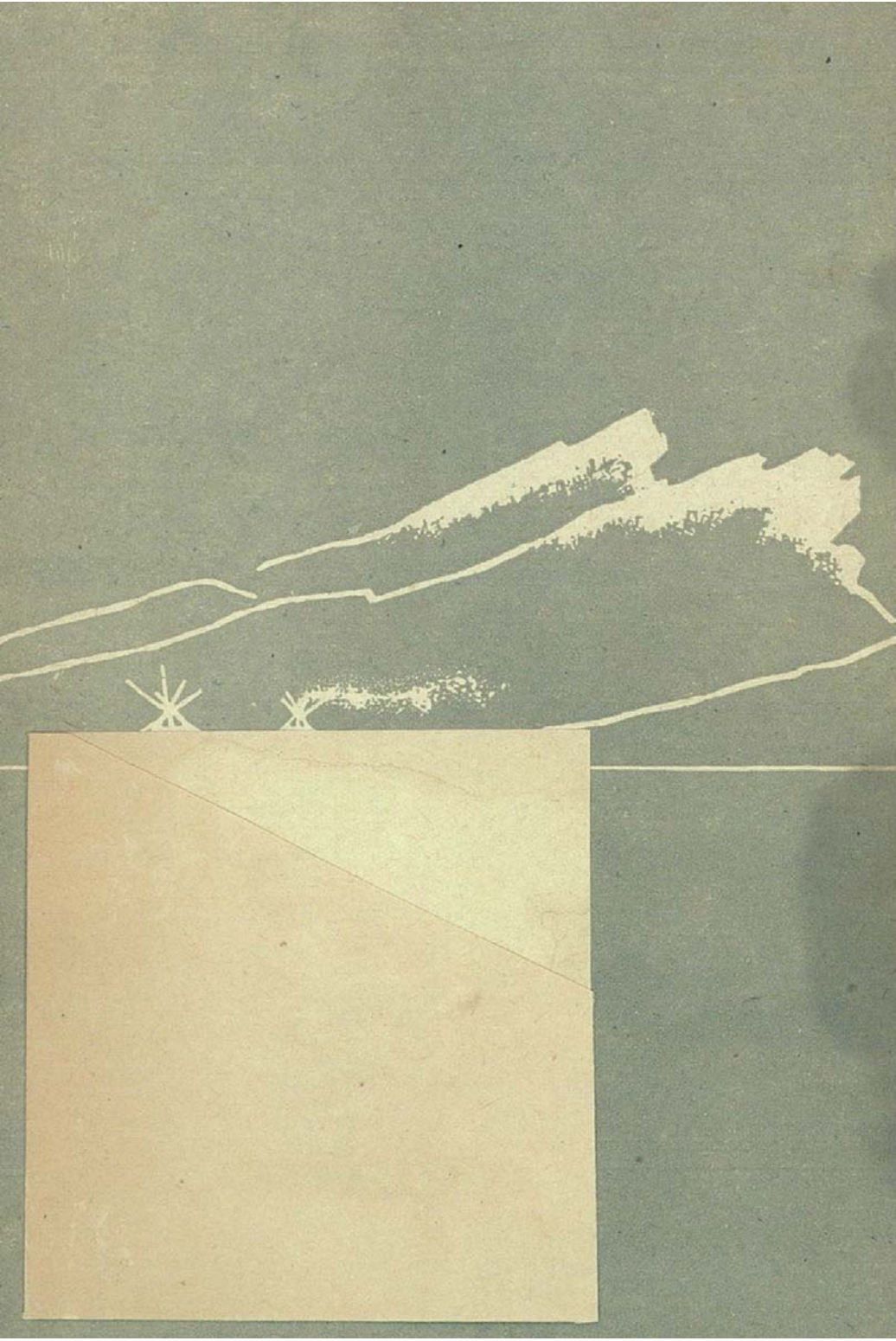
248a

КОЛЫМСКАЯ
ЛИЦА

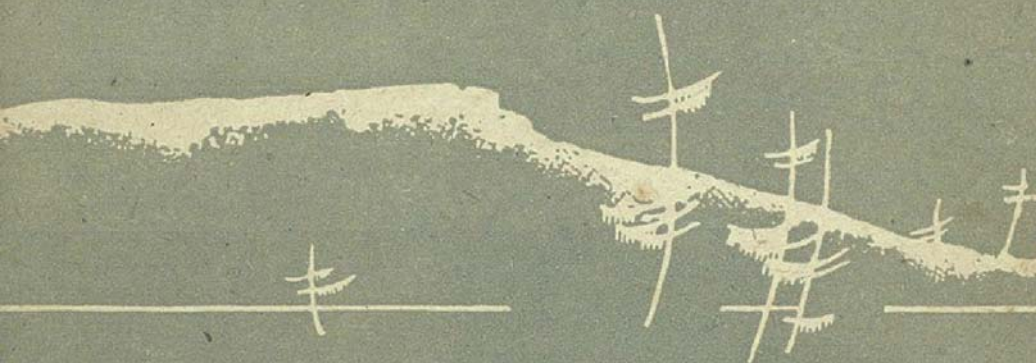

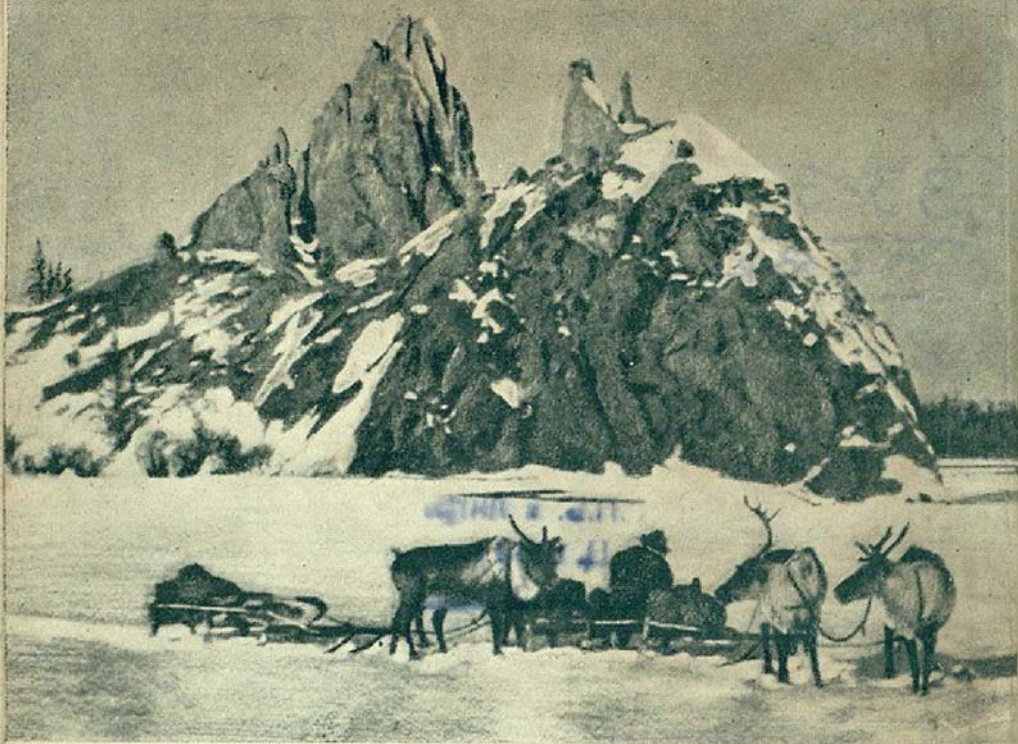
МОСКВА 1933

СОВЕТСКАЯ АЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОВЕТСКАЯ АЗИЯ

М О С К В А
1 9 3 3

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОЙ АЗИИ

33-3
248a

П.Б. в Ленингр.
Ц. 1933 г.
АНУ № 396

С Е Р Г Е Й   О Б Р У Ч Е В

КОЛЫМСКАЯ ЗЕМЛИЦА

ДВА ГОДА СКИТАНИЙ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ П. Г. СМИДОВИЧА

Редактор А. А. Краковецкий
Техн. редакт. Е. Ривес
Обложка, форзац, титул
худ. И. И. Фоминой

33-3
548

Сдано в произв. 8/IX 1932 г.
Подписано к печати 20/II 1933 г.
^{1/10} 62×88 11 п. л. 464 т. зн.
Уполном. Главлита В 34967
Тир. 7000. Н. 900.
Типо-литография им. Воровского
ул. Дзержинского, 18.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже в середине семнадцатого века русские казаки «открыли» колымские, юкагирские и чукотские земли — бассейны рек Колымы, Анадыря и Чукотский полуостров вплоть до Берингова пролива, — открыли для эксплуатации местных богатств, в первую очередь пушнины, для эксплуатации, которая привела постепенно к истощению этих богатств, к оскудению громадных пространств, к обнищанию и вымиранию туземного населения.

До начала двадцатого века о населении указанных земель, об их географии, геологии, о природных богатствах было известно, пожалуй, меньше, чем об арктических странах. Систематическое научное изучение населения этих земель, его экономики, быта, религии, языка произвели сосланные туда царским правительством В. И. Иохельсон, В. Г. Богораз-Тан и Л. Я. Штернберг. В их книгах и монографиях на английском, а частью на русском языке, относящихся к первым годам нашего века, мы имеем кроме того общее описание края, его фауны и флоры. Однако до последнего времени у нас не было даже сколько-нибудь точного его географического изображения.

Неудивительно поэтому, что автор этой книги, изучая Индигирско-колымский край в 1926 г., мог открыть в нем высокий хребет Черского длиной более 1000 километров. Новая экспедиция 1929—30 г., о которой рассказывает в этой книге ее автор, является продолжением предыдущей. Ее задачей было изучить восточную, еще неизвестную половину хребта Черского и дать соответствующее действительности географическое изображение обширного бассейна Колымы и его геологию. Эти задания выполнены.

Одновременно с экспедициями С. В. Обручева в этих же краях работал ряд других экспедиций Академии наук, Геологического комитета, Наркомвода и др. Результаты всех этих экспедиций уже к настоящему времени создали научно проверенную основу для планомерного развертывания хозяйственного строительства и на этой отдаленной окраине.

Описанная в этой книге экспедиция прошла от Якутска до Оймякона зимним путем, отсюда весною вышла к верховьям Колымы и, прорвавшись по знаменитым порогам ее верхнего течения, за лето прошла до низовий и вернулась к зиме в Средне-

колымск. Отсюда экспедиция прошла зимним путем по реке Коркодону, перевалила к весне 1930 г. на верховья Омолона, спустилась на построенной лодке по всей длине Омолона и на пароходе «Колыма» прошла вдоль северного побережья Чукотки через Берингов пролив во Владивосток.

На страницах этой книги разворачивается кинолента длинного пути по неизведанным берегам, перевалам и рекам. Мелькают люди, картины их жизни и промысла, олени, птицы и звери, снега и льды, деревья и цветы, горы и камни, опять горы и камни, опять люди, никогда не отходившие от своих диких мест и не встречавшие культурного человека. Оленные тунгусы, «в симбиозе» с оленем преодолевающие суровые природные условия, и безоленные юкагиры, погибающие в этих условиях. Длинный ряд новых деталей, оттеняющих по-новому, как бы застывшую жизнь отдаленных окраин...

А рядом просветы ворвавшейся и сюда советской жизни, будущей и расталкивающей застывшую старую жуть, открывающей и здесь новые возможности и широкие горизонты... Бредовые выкрики шаманов гаснут навсегда, — звонко звучат голоса ребят в советской школе...

Такова эта книга.

Прилагаемая карта представляет копию карты К. Салищева, напечатанной в журнале «Новости картографии» и в изданиях Академии наук. Из помещенных фотографий большая часть снята автором книги, а остальные К. Салищевым.

И. Салищев

1. Москва,
26 февраля 1933 г.

I. НА САМОЛЕТЕ

Как обычно, начало экспедиции проходит под знаком спешки — только к последнему моменту удастся собрать деньги, снаряжение, освободиться от городских обязанностей, написать и сдать отчеты по предыдущим работам. Ведь легко сказать — мы уезжаем на два года, а перед отъездом нужно привести в порядок все дела.

25 января уезжают из Ленинграда мои помощники — геодезист К. Салищев и радист В. Бизяев. Из Иркутска вместе с двумя рабочими, там нанятыми, они выезжают по Лене с тяжелым грузом инструментов, на саних, по старому «государеву тракту». Я выезжаю на несколько дней позже, но мне удастся обогнать их: из Иркутска в Якутск только что установлено воздушное сообщение. Первый самолет вылетел в Якутск 5 февраля, а 14 вылетает второй. Это новая машина, только 13 декабря вышедшая из мастерских Юнкерса. Накануне отлета закончена ее сборка, и я присутствую при ее испытании на берегу Ангары.

Утром в день отлета в конторе—избушке на берегу Ангары—набивается множество народа. Строгая предварительная процедура — взвешивание багажа и самих пассажиров. Для Дობролета зимние пассажиры явно невыгодны: на каждом по крайней мере 15—20 кг меховых вещей, которые надо везти бесплатно. Я влезаю на весы в дохе и двойных рукавицах (мохнатки) и к ужасу пилота перетягиваю за 100 кг. Кроме пяти человек пойдет еще до 200 кг груза, и самолет будет перегружен.

С большим трудом упикиваемся в кабину, уже полную вещей; кажется, что наши меха наполняют ее всю. Начальник станции закрывает дверцу, повторяя главные правила — не курить, из кабинки ничего не выбрасывать, — и затем мы слышим, как по крылу тяжело взбираются два медведя — пилот М. Слепнев и борт-механик И. Эренпрейс. Я знал, что пилоты на этой линии одеваются тепло, но в первый момент все же опешил — настолько необычен был их вид. Представьте себе медведя на задних лапах — медведя в бараньих шкурах. На лице шерстяная маска с прорезами для глаз и рта, и кажется, что это не лицо, а страшная звериная морда. На пилоте надето столько мехов, что он едва может двигаться. Кроме шубы мехом вверх (брюки и полушубок вместе) внизу надеты еще ме-

ховые брюки, жилет и свитер. Удивительно все же, как и в таком костюме пилот выдерживает перелет в 3-4 часа на 40—60-градусном морозе при скорости в 200 км в час.

Медленно выползаем на середину реки, затем поворот вправо — и мы легко и быстро отрываемся от земли. Вот уже на белом поле внизу игрушечный Иркутск а затем с высоты 2 000 м открывается обширный вид — на юге Тункинские белки, а на востоке, между черными хребтами, белая полоса Байкала. Под нами плоские возвышенности, отделяющие Ангару от Лены; аэроплан забирает все выше, чтобы пересечь отроги Березового хребта. Сначала все жадно смотрят в окна, но вскоре три наших спутника, члены комиссии, едущей в Жигалово, начинают читать — один уткнулся в роман, другой в журнал. Я невольно почувствовал к ним уважение — вот это опытные путешественники!

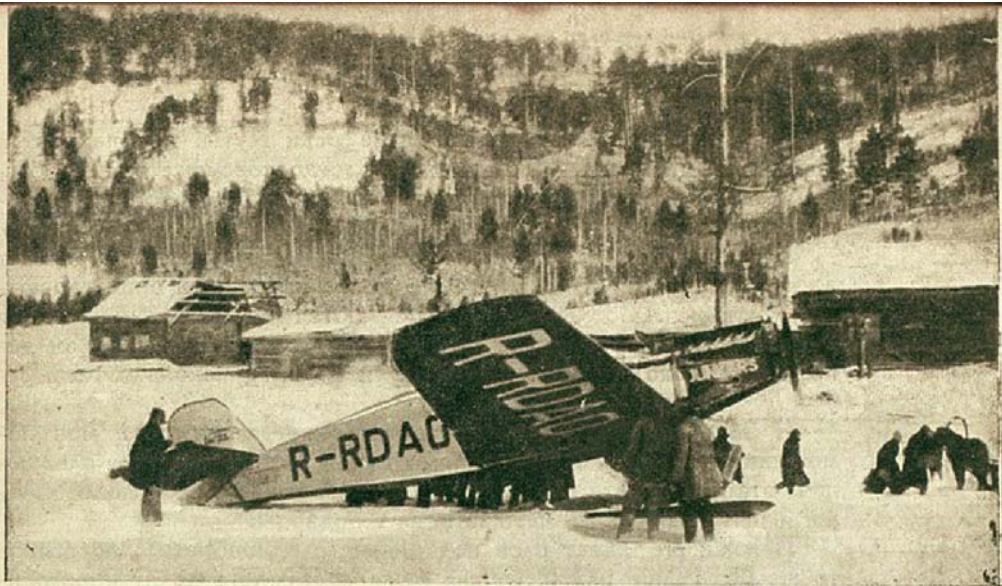
А между тем, несмотря на некоторое однообразие зимнего пейзажа и плоских гор, зрелище изумительное. Чего стоит одна полоска хребтов у Байкала. Под нами среди белых полей бурятские деревни; среди обширных изгородей с трудом можно различить людей и животных.

Самолет скашивает путь и минуя Качуг прямо идет к городку Верхоленску. Перед ним лесистые отроги Березового хребта, и быстро снижаясь мы, как кажется, почти задеваем вершины деревьев. Сразу в долине появляется город, в сущности деревушка, и окружив над ним самолет мягко садится на Лену. Сейчас же сбегаются жители — в валенках, в ушастых шапках. Через пять минут, сдав мешочек с почтой, мы летим дальше вдоль Лены; сверху она кажется еще узкой речонкой, да и действительно она еще очень мала. Самолет пересекает мысы, летит над плоскогорьем, в котором прорезана узкая долина. Через 40 минут Жигалово — начальный пункт водного ленского пути (в вышележащий Качуг мелководье часто не пускает пароходы).

Ниже Жигалова, у Тихого плеса, сделан аэродром в узкой щели, и когда самолет снижается, кажется, что он задевает крыльями за склоны гор.

Из-за мыса дует встречный косой ветер, и, несмотря на все усилия пилота, машина утыкается носом в борт площадки — снежный вал с елочками. Надо довести самолет до склада бензина, и борт-механик выскакивает, чтобы тянуть за крыло. Но самолет засел в снегу прочно, пилот стучит в окошко: приглашение выйти помогать. Я выскакиваю — для меня это еще ново и интересно; вдвоем мы раскачиваем машину, она заворачивает и идет. Теперь задача — вскочить на ходу. Мне кажется, что это просто; я бросаюсь к кабине, но ветер от пропел-

Самолет на аэродроме в Жигалове.

лера срывает с меня шапку, сбивает с ног, и я падаю в снег. Механик к моему утешению тоже остался, и мы бредем по дороге вдоль реки целый километр.

Здесь народу мало — деревня далеко. Несколько проезжих крестьян с сеном останавливаются, и начинаются обычные расспросы. Удивляются, что так скоро долетели: шутка ли, около 400 км в 2½ часа, а на лошадях надо ехать день и ночь двое-трое суток. Больше всего интересуются тем, сколько весит самолет, сколько поднимает груза, как скоро летит, не страшно ли, сколько стоит билет и... сколько зарабатывает пилот.

Между тем мохнатая лошаденка подвезла на дровнях бочку с бензином, и его наливают ведрами в баки.

Все готово — снова в кабину, на этот раз только вдвоем: ученые члены комиссии слезли в Жигалове. Со мной еще одна женщина, едущая в Якутск к больному сыну. Только материнская любовь вероятно победила в ней боязнь такого полета по линии еще неизвестной, в сущности рекогносцировочной.

Опять по Лене, текущей в извилистой долине, прорезанной в том же однообразном плато. На юго-востоке видны еще цепи Прибайкальских гор, но скоро они скрываются в облаках и метели, окутывающей белой пылью весь пейзаж. Солнце уже не одно на небе — вокруг него виден круг и по кругу три солнца, а внизу, по углам мысленно проектируемого квадрата, еще два. Внизу мелькают деревни, иногда видна двойная точка на льду — воз и лошадь. Через два с небольшим часа следующий большой

пункт — Усть-Кут, селение на устье реки Куты, где находится солеваренный завод. Отсюда пароходство совершается уже беспрепятственно, и поэтому сюда предположено провести железнодорожную ветку, соединяющую Лену с Сибирской магистралью.

В Усть-Куте та же встреча: толпа любопытных обступают аэроплан. Пилоту и механику это давно надоело, и они стараются скрыться. Любопытные набрасываются на меня, и приходится опять рассказывать то же самое. Но здесь есть спец — он допрашивает, сколько сил в машине и наконец «сколько газу берет».

Я пользуюсь случаем расспросить, когда проехали мои помощники. Два дня назад они миновали Усть-Кут, и на следующем этапе перелета в каждой цепочке точек на белой полосе Лены я пытаюсь узнать четыре наших подводы.

Пейзаж сохраняет свое подавляющее однообразие: до вечера то же безмерное плато. Серые крылья самолета делят пространство прямой линией — это единственное реальное; кажется, что картина внизу — это только карта, игрушечная модель, и крыло — часть рамы, обрамляющей это видение. Следишь по одному крылу, как оно упирается в Прибайкальские горы, а по другому видишь долину Нижней Тунгуски. Неужели мир становится таким тесным?

К закату солнца прилетаем в Киренск, центр округа. На аэродроме горят костры, площадка для руления вычищена, охрана не пускает толпу к самолету — вид почти европейский. Киренск за последнее время вообще сильно изменился, появилось много новых лиц совершенно московского облика. В клубе водников, недавно отстроенном, где мы обедали, хороший театральный зал, фойе, электричество, новые для Киренска разговоры — об аэропланах, о необходимости доставки кинофильм авиопочтой, чтобы они не устарели, — это в Киренске, где недавно двухлетняя фильма считалась свежей.

В крупных пунктах, где предполагается ночевка, Добролет арендовал дома с помещением для пассажиров, летного состава, канцелярии; пассажирам дают даже постельное белье.

Следующий день летим по самым интересным местам — мимо Витимского нагорья. Оно возвышается сияющим белым щитом к юго-востоку от Лены с безлесными гольцами и изрезанными склонами. Витим — мощная река, почти равная Лене, — глубокой долиной прорезает западную часть нагорья. На север и восток попрежнему тянется безбрежное плато Тунгусского бассейна, прорезанное узкими долинами притоков Лены. На водоразделах это плато белое — леса покрыты инеем; здесь холоднее, чем внизу.

А у нас еще холоднее. Пилот и механик замерзают. Пере-

леты сегодня долгие — за день только одна остановка в Витимске. Туго приходится и нам: хотя кабинка герметически закрыта и лицо не мерзнет (повидимому внутри кабинки около 20—25° мороза), но от металла ноги стынют. Мне еще ничего — я оделся так, как одевался для поездок на оленях в самые лютые морозы, но спутницу, выехавшую в валенках, спасает только мой спальный бараний мешок, в котором она сидит.

Юнкерс наверное не предполагал, что его машина будет летать в таких условиях: не только нет обогревателя для кабинки, но многие существенные части машины не предохранены от замерзания, и их пришлось в Иркутске обернуть. А такие нежные инструменты, как указатель уровня бензина! Они просто замерзли, и пилоту приходилось определять количество оставшегося бензина по времени перелета. Вероятно скоро начнут изготавливать самолеты для полетов и при таких температурах, ведь авиолинии на севере СССР по плану второй пятилетки должны быть широко развиты.

Вторая половина дня очень плохая — постоянно налетают метели, туман, плохо видно, машина трепещет от встречного ветра. Но полет необыкновенно спокоен: нет резких вертикальных токов воздуха, «ям», которые так мучительны для пассажиров. На протяжении всего пути мы ни разу не ощутили этого внезапного падения, при котором кажется, что внутренности поднимаются ко рту.

Пилот во что бы то ни стало хочет пролететь сегодня до Олекминска — около 1100 км за день — и, несмотря на метель и туман, мы летим без остановки.

За нами все время видно солнце со своим кругом и венцом ложных солнц. Невольно вспоминаю П. Драверта:

Три солнца сегодня на небе,
Но холодно в сердце моем...

и думаю: сердце что — пустяки, а вот если бы ногам было по-теплее!

А внизу — сурово и мрачно. Сквозь пелену снега мерещатся горы вправо — это Патомское нагорье; слева все время так же ровно на сотни и тысячи километров тянется плато Тунгусского бассейна. Лена разветвляется все шире и шире; перед Олекминском разлив с островами километров на десять ширины, и пилот на всякий случай кружит над поймой — не здесь ли Олекминск. Но город дальше, за мысом, — маленький (особенно с высоты 2 км), вытянут вдоль реки. Аэродром у другого берега кажется совсем рядом с городом, но когда мы завязаем в рыхлом снегу, город скрывается: Лена здесь 3 км шириной, и в белесом вечернем снегу ничего не видно.

Олекминская станция Добролета пока еще имеет вид почтовой станции старых времен; одна комната, огромная печь и за перегородкой кровати, но также с бельем. По стенам однако вместо прежних генералов — плакаты Добролета, и в углу на століке вместо образов — пачка спортивных журналов. В Витимске, где станция организована позднее, имеется даже читальный зал.

Только в половине первого мы вылетели из Олекминска. С нами еще один пассажир — якут. Здесь полеты уже приобрели популярность — первый самолет увез членов Всеякутского съезда советов. Теперь просят прислать машину к женскому дню — надо отправить 25 делегатов в Якутск.

Стало еще холоднее, днем градусов до 40. На остановке в Иситской у Слепнева и Эренпрейса совсем замерзший вид, и горячий чай в избушке очень кстати. Здесь избушка замечательная: стены обиты пестрым ситцем, пол чистый, крепко оббитый. Мы обновляем ее: наш аэроплан в Иситской — первый.

До Якутска (считая от Олекминска) еще полпути — 300 км. Три часа дня, но жители говорят, что до заката еще три часа, и Слепнев решает лететь — день ясный. Лена совершенно изумительна — с островами и заливыми лугами «от горы до горы» она достигает 18 км, и вы видите, как эта гигантская полоса уходит на север на сотни километров мощными изгибами. Острова в извивах кустов, отмечающих старые берега; по лугам дома, якутские юрты, расположенные изолированно среди обширных изгородей. Берега — такое же плоское плато, но все более низкое и от Синской представляющее замечательное зрелище — все усеяно сыпью мелких озер и сухих впадин с лугами. Это «аласы», вероятно следы обширнейшего ледника, покрывавшего когда-то всю страну.

Темнеет все быстрее и быстрее. Самолет начинает кружить над маленькой деревушкой: Слепнев решил, что опасно лететь до Якутска, и выбирает площадку для спуска. Три круга — все ниже и ниже, последний как-будто по самым крышам. Во дворах — все население, со страхом смотрят, не упадет ли самолет на них. Но он уже на площадке и, пролетев в 2-3 м над изгородью, садится на выгон в глубокий снег. Раскат — мотор остановлен, ход замедляется. Но площадка мала — впереди уже дома, пилот рулит вправо. Снег не дает повернуть, и вот в последнее мгновение в окно самолета видно, как левое крыло наводится на забор.

Я выскакиваю на крыло и поздравляю Слепнева с посадкой. Он мрачен и зол: «Сейчас застрелюсь». И неудивительно: его стаж — 12 лет полетов, 450 000 км, из них 300 000 на службе Добролета. Поэтому для него утешительнее была бы настоящая катастрофа, чем такое глупое сиденье на заборе. А самолет дей-

Авария при перелете в Якутск. Самолет на заборе.

ствительно сел на забор — левое крыло пробито в трех местах бревнами, левая лыжа смялась и попортила правую. А самое печальное — на пропеллере выбоина, совершенно выводящая из строя эту необыкновенно точную часть машины. Надо ждать, пока из Иркутска привезут новый пропеллер (лыжа есть в Якутске).

Население уже сбежалось — и ребятишки, и старики, и сам предсельсовета. Оказывается мы сели в Улаханском, всего в 65 км от Якутска — меньше чем в получасе полета. Но в темноте вряд ли удалось бы сесть там — уже и сейчас темно. Слепнев летит по северной половине линии в первый раз и не мог бы найти среди обширной поймы аэродром Якутска.

При деятельном участии предсельсовета перевозим багаж и почту, мотор закрывают чехлом и затем подпирают подставками, чтобы не осел ночью на забор. Посылаются нарочные с телеграммами — телеграф в 18 км к югу. Но о нас не забыли — в Якутске очень обеспокоены отсутствием самолета, и всю ночь не дают спать посланные на розыски представители соседних улусных исполкомов и нарочные с приказами сельсовету искать самолет.

Утром на подводах отправляют пассажиров в Якутск, а пилот и борт-механик остаются караулить машину. Я задерживаюсь до света, чтобы сфотографировать со всех сторон аэроплан на заборе. Затем мне поручают доставку авиопочты в Якутск на сани.

Как странно ехать по узким протокам и вместо широкой полосы Лены видеть только кусты по берегам. За три дня я перенесся уже совсем в другой мир: якутские юрты, морозный воздух, туман, полоска дороги с глыбами навоза. И само население здесь особенное, русские якуты — русские, уже плохо говорящие по-русски. Днем на остановке для выкормки лошадей я с изумлением наблюдал, как русская женщина, вместо того чтобы целовать ребенка, нюхала его, прикладывала нос к его щеке и с шумом втягивала воздух, шепча ему что-то по-якутски.

Снова в сани; это все же опасный способ передвижения — каждую минуту они грозят опрокинуться.

В Якутске с нетерпением ждали прилета аэроплана — уже многие записались в очередь на полеты. Воздушная линия совершенно меняет положение Якутска — вместо месяца езды до Москвы всего дней 8-9, а после организации воздушного сообщения Москва — Иркутск при удаче можно попасть в Москву через 5 суток. Для Якутска это целый переворот в психологии жителей: они уже не в медвежьем углу, до которого «три года скачи», а почти в Европе, и могут приобщиться к жизни страны, к темпам современности.

II. НА БЫКАХ

Вряд ли нужно описывать мои хлопоты в Якутске по снаряжению экспедиции — это обычные поиски масла, бидонов, веревки, гвоздей и т. п. Они представляют для участника множество сервнейших вопросов, мало интересных для постороннего: например, можно ли бидоны для масла делать из оцинкованного железа или это вызовет медленное отравление.

При этих хлопотах я встретился с интересным человеком — изобретателем вечного двигателя. Нам нужно было заготовить вар для будущих лодок, и вот мои якутские доброжелатели вызвали спеца по этому делу, некоего Упрышкина. На вид простоватый, маленький и коренастый, заросший до глаз черными спутанными волосами, Упрышкин после долгих уговоров согласился выварить немного вара. Разговор неминуемо сошел на любимую идею Упрышкина — машину для вечного движения *perpetuum mobile*. Как и всякого приверженца этой идеи, его нельзя было переубедить, и он повторял упрямо: «У меня подходящих материалов не было, а то я давно изготовил бы».

Хлопоты о снаряжении разнообразились заботами о продвижении отряда — ведь мои спутники должны были целый месяц тащиться на саних по Лене. Сначала довольно свободно можно было нанимать вольных лошадей, но ниже Олекминска все кре-

На лошадях от Якутска к Алдану.

стьяне заняты извозом для алданских приисков, и здесь пришлось применить всю энергию, авторитет Академии наук и бесчисленные телеграммы, чтобы продвинуть отряд на почтовых лошадях к началу марта в Якутск. Надвигавшаяся весна требовала, чтобы мы выступили из Якутска в первых числах марта, и к этому времени были наняты подводы. И вот за день-два до условленного срока начали прибывать один за другим поодиночке мои спутники, закутанные в дохи, заиндевшие и полные впечатлений о преодоленных препятствиях.

4 марта, к нашему удивлению почти без опоздания, пришли подводы — десять тощих лошадей и три быка. Судя по ним, первый этап пути вряд ли сулил нам много удовольствия: подвод было слишком мало для обусловленного груза, а быки обещали тягучее, скучное передвижение по 3 км в час. Подрядчик — вернее брат подрядчика, так как последний уехал вперед на Алдан заготавливать оленей, — убеждал нас, что быки гораздо лучше: сейчас на пути бескормица, лошади обессилели, а быки крепче.

6 марта я отправил вперед большую часть груза — восемь тяжело нагруженных саней — с одним из рабочих, иркутянином Василием. В тяжелой собачьей дохе, с винтовкой он с соответствующим серьезности момента лицом сел на последнюю подводу. Больше до Алдана мы с этой партией не встречались, только иногда на снегу у дороги попадалась подпись Василия и жалобы на медленное передвижение.

8 марта на оставшихся пяти лошадях выехали и остальные —

кроме научных сотрудников, нанятый в Иркутске рабочий-золото-промывальщик Михаил (участник моей экспедиции 1926 г.) и взятый из Якутска переводчик Аггей. В первый день выезжают всегда поздно, отъезжают недалеко, все не ладится, но все довольны, что наконец двинулись в путь. Мы довольны, что наши лошади идут хотя бы шагом (даже на спуске к реке не ускоряя его), но все же вперед, к Алдану.

Со следующего дня начинается непрерывная борьба за скорость, за темпы. Борьба с ямщиками, с лошадьми, с дорогой со всей инертной и медлительной якутской жизнью. Ямщики были правы — действительно вся область вдоль тракта охвачена недородом, сена для лошадей купить трудно. На ночлегах, повинаясь обязательным на севере правилам гостеприимства, дают на ночь на пять лошадей один пуд сена, но только после долгих уговоров, чаепитий и рассказов о цели экспедиции.

У лошадей на все несчастья один ответ — они худеют и слабеют. На второй день уже одна из пяти отказывается везти, половина груза с нее перекладывается на других, и мы идем часть дороги пешком. На следующий день удается нанять быка — и как мы рады, что нашелся сговорчивый якут и дал нам это медлительное животное. Оно идет 3 км в час, но наши лошади идут не скорее. Зато бык везет терпеливо и более вынослив.

Так с каждым днем становилось все хуже — лошади устают все больше и больше; приходится постоянно идти пешком, перекладывать груз с одной подводки на другую, помогать лошадям.

Мальчик-ямщик верхом на быке

Нанимать быков трудно — почти весь скот угнан из этого района в другие, более обеспеченные сеном, и часто удаётся достать только на короткое расстояние маленького быка, который может везти не более 150 кг. В день проходим иногда 15 км. В нашем караване постоянно новые лица: то громадный якут в мохнатой шапке, то совсем маленький мальчик-школьник, который везет с собой учебник и на ночлеге учит уроки.

16 марта, подъезжая к улусному центру Уолбе, от которого было еще более 50 км до Алдана, мы убедились, что на лошадях подрядчика Сыроватского до Крес-хальджая нам не добраться. Двух лошадей пришлось совсем бросить, а с трех других снять большую часть груза. В Уолбу мы все уже дошли пешком — пришлось наши тяжелые собачьи дохи сложить на подводы и брести за обозом.

В школе, большом плоском здании без крыши, мы нашли временный приют.

В Уолбе в улусном исполкоме меня встретил долгожданный и не раз уже проклинаемый Сыроватский — молодой стройный якут с энергичным и жестким лицом. Он прервал мои жалобы на скверных лошадей сообщением, которое заставило сразу забыть обо всем остальном: «Знаешь, я ведь оленей не нашел». Действительно, оленей для пересечения Верхоянского хребта не было.

Чтобы понять всю трагичность нашего положения, надо знать, что оленей непосредственно на Алдане достать нельзя, нужно заранее сговориться с оленеводами тунгусами и якутами, держащими свои стада в 300—400 км от Алдана, чтобы они привели подводы к назначенному сроку. К концу зимы свободных ездовых оленей вообще нет — они или уже заняты транспортированием грузов, или истощены гоньбой. Во второй половине марта ехать в центральные части хребта и искать оленей — дело почти безнадежное; поэтому не только становилось невозможным достижение по зимнему пути Колымы, а даже было неизвестно, дойдем ли мы до Оймекона. Нам угрожало сидение до лета на Алдане, затем организация вьючного каравана и выход к Колыме осенью — повторение печального опыта 1926 г., когда нам с таким трудом удалось вырваться из Крес-хальджая. А по плану работы я предполагал достигнуть верховьев Колымы к весне, использовать весеннюю распутицу на постройку лодки и затем все лето посвятить изучению Колымы.

Как выяснилось потом, Сыроватский никогда не занимался перевозкой грузов на оленях. Узнав о выгодном подряде, он явился наисканье в базу Академии в Якутске и предложил более низкие цены. Другие соискатели — памятный нам по 1926 г. крес-хальджаец Иннокентий Сыромятников и другой подрядчик, оленевод Колодезников, коварно отступились и по-

советовали ему обязательно взять подряд: «Не беспокойся, в феврале приедешь на Алдан и найдешь оленей; в это время там всегда есть обратные нарты». Они даже обещали ему достать 25 нарт к условленному сроку и взяли под них задаток. Сыроватский, заключив договор 19 декабря, до 21 февраля безмятежно жил в Якутске, играл в карты (он завязанный картежник) и затем наивно поехал на Алдан за оленями. Тут начался второй акт комедии: обязательные подрядчики Колодезников и Сыромятников вернули задаток (весьма предусмотрительно прямо в улусный исполком) и сообщили, что оленей они найти не могли. Расчет их был ясен: кроме них оленей на Алдане ни у кого нет, и экспедиция будет принуждена нанять оленей по любой цене.

А с Сыроватского ничего не возьмешь — хотя у него есть ручательная подписка 12 домохозяев, в которой «показан таблично» «крупный рогатый» и «крупный конный» скот в количестве 42 голов, но вряд ли суд присудит с них неустойку. Полученный задаток Сыроватский проиграл. Невольно пожалеешь, что здесь не был применен новый закон о картежной игре: недавно для искоренения азартных игр (представляющих одну из якутских язв) был введен закон, по которому по заявлению проигравшего отбирается у счастливого игрока выигрыш и возвращается потерпевшему, — закон, поистине делающий совершенно невозможной какую-либо азартную игру.

Следующие дни в Уолбе мы провели в очень оживленной деятельности, и вместе с тем в крайне подавленном настроении: если не удастся достать во что бы то ни стало оленей, вместо двух лет придется провести на Колыме целых три.

Но в Уолбинском улусном исполкоме мы встретили самое сердечное отношение и полное понимание задач экспедиции, поэтому удалось избежать ловушки, уготованной нам подрядчиками. В Уолбе в это время были представители годниканского тунгусского рода — председатель Гаврила Баишев и писарь, молодой якут Александр Егоров, — прибывшие для урегулирования вопроса о выходе тунгусов на поселение. Годниканский род, в настоящее время обнищавший и лишившийся постепенно большей части оленей, предполагается постепенно перевести на оседлую жизнь. Ему отводятся участки на устье Амги на Алдане и дается на первое время мука и небольшое денежное пособие. Вот эти годниканцы и должны были спасти нас — у них надо было постараться достать оленей. В этом отношении большую энергию проявил председатель Уолбинского исполкома И. Винокуров. Зато Гаврила Баишев целыми днями сидел на столе в исполкоме покуривая трубку и совсем не хотел браться за такое ответственное и сложное дело, как сбор оленей у соплеменников. Обычно организаторами транспорта и даже ямщиками являются якуты, а

тунгусы только пасут их оленей в своих стадах. Для верхоянского тунгуса перевозка груза, связанная со срочностью, кажется большой неприятностью.

К счастью Уолба соединена с Якутском телефоном и телеграфом. И вот в течение нескольких дней тихая почтовая контора получала необычайную нагрузку: десятки телеграмм, некоторые по 200 слов, 40 писем, телефонные разговоры — весьма утомительное занятие, кстати сказать. Голос вашего собеседника не громче мушиного жужжит в трубке, потом вдруг раздается громкое: «Теперь он вас не услышит» — это почтовый сотрудник из промежуточной Татты вежливо предупреждает о перерыве. Потом вмешивается боковая Амга, и ей кричат: «Амга, не подслушивай». Вообще кричать надо все время.

Наконец, прокричав и протелеграфировав четыре дня, мы получили от комитета Севера, от окружного исполкома и от Совнаркома Якутии разрешение собрать у тунгусов оленей на основании добровольного найма.

Пока я вел переговоры с центром, мои спутники уехали в Крес-хальджай на новых быках, с радостью распрощавшись с Сыроватским. Я жил в просторном зале школы, обширное помещение которой, еще не вполне достроенное, было наполнено днем шумной толпой детей. Иногда дверь в мою комнату отворялась, и в пролет выставлялась целая пирамида черных круглых головок с блестящими глазами, громко шептавших: «нучча (русский) Обручев». 18 марта меня попросили потесниться: в зале давался вечер в память Парижской коммуны («Казнь коммунара» и декламация). Дети старались играть с достоинством и серьезностью. «Парижане» были конечно в русских костюмах; парижский мэр в сапогах бутылкой, в черной рубашке и пиджаке, в картузе и с цепью на груди. Называли его «гражданин голова» (спектакль шел по-якутски, но некоторые «технические слова» остались русскими). Когда увели на казнь коммунара, его жена, розовощекая девочка в платочке, упала в обморок — и вдруг весь зал рассмеялся: по якутским понятиям для женщины смешно и непристойно так афишировать свои чувства. Декламация сошла очень бойко, особенно понравился мне одич пухлый мальчик, который вышел, засунув руки в карманы.

Из Уолбы я уехал 21 марта в большой компания на трех легких маленьких санках. Исполком командировал для сбора оленей в Верхоянский хребет самого председателя Винокурова, а с ним должны были ехать Баишев и Егоров. Им предстояло заехать в горы на 200—300 км, посетить ряд стойбищ и к 12 апреля прислать оленей к устью Амги. В Крес-хальджае к ним присоединился еще Голиков, стройный и ловкий тунгус средних

лет, также должностное лицо в Гондиканском наслеге — товарищ председателя.

В Крес-хальджае, где мы провели в 1926 г. памятные томительные дни в поисках проводника, нам снова предстояло ждать и бесцельно терять время. Я нашел здесь в школе всех своих спутников, включая Василия, который пришел с грузом почти одновременно с другими. Бизяев уже успел наладить радио и с восторгом слушал на коротких волнах Японию, Филиппины, Австралию, Сан-Франциско, Мексику. Все Тихоокеанское побережье слышно здесь очень хорошо, и можно уловить даже Англию и Францию (у нас были с собой и коротковолновые, и длинноволновые приемники, последние для сигналов времени, необходимых при астрономических работах). Мы могли вечером слушать русские передачи из Хабаровска, непонятное японское пенье, фокстротт и испанские романсы из Маниллы, а утром богослужение и биржевые бюллетени из Америки. По вечерам послушать Хабаровск собирались к нам учителя, которых вероятно наше нашествие совсем выбило из колеи. Нельзя не вспомнить еще раз с благодарностью то радушное гостеприимство и предупредительную помощь, которые мы встречали в якутских школах и в 1926 г. и теперь.

30 марта был прощальный вечер перед роспуском школы на каникулы, и мы поразили школьников 50-свечной электрической лампой, питавшейся от нашей походной динамомашины. В школе давалось длинное театральное представление, на этот раз драма из якутской жизни.

После драмы, конечно, декламация — лучшая ученица прочла по-русски «Жук-учитель», потом были басни, между прочим инсценированная «Демьянова уха». Вечер закончился диспутом: учитель провел доклад на тему «Виновен ли Дубровский», стараясь доказать, что виновен. К глубокому огорчению докладчика юная аудитория, прельщенная романтикой Пушкина и разбойничьими похождениями Дубровского, такими привлекательными для всякого школьника, единодушно вынесла оправдательный вердикт.

В Крес-хальджае в прошлый наш приезд функционировала церковь. Теперь она закрыта — ближайшие наслеги отказались содержать причт и платить налоги. По рассказам жителей церковь построена в 1860 г., но архитектура ее несколько более ранняя, и внутри сохранился довольно любопытный ампирный иконостас.

6 апреля мы расстались с крес-хальджайской школой и отправились вниз по Алдану, к устью Амги, где у нас была назначена встреча с оленями. Снова на быках — на этот раз уже почти без участия лошадей. Медленно, но по крайней мере надежно!

Быки очень нежные животные, среди дня им обязательно надо отдохнуть, а ночевать в тепле, в хотоне (лошадь можно пустить и в снег добывать копытами траву). И вот мы останавливаемся постоянно в юртах, долго пьем чай, ведем бесконечные разговоры. На переходах быки идут медленно и степенно, равнодушно пережевывая жвачку; иногда вся вереница завертывает к проруби; ямщик прорубает свежий лед пешней, очищает прорубь особой лопатой, сплетенной из веток, и быки так же медленно и степенно тянут морды к воде.

III. НА ОЛЕНЯХ ЧЕРЕЗ ВЕРХОЯНСКИЙ ХРЕБЕТ

Через три дня после выезда из Крес-хальджая мы дошли до Ынги. Это небольшое поселение якутов у устья Амги, левого притока Алдана. Здесь нас должны были встретить нарты с оленями, но к нашему приезду в Ынги явился Александр и заявил, что олени еще не готовы и будут ждать нас в лесу на устье Хандыги. Снова возник очень сложный вопрос о том, как нам перебросить груз на Хандыгу. Старые ямщики не хотели везти дальше, утверждая, что в лес ведет только нартовая оленья дорога, неудобная для быков, и к тому же в лесу быкам негде ночевать, если запоздаешь в пути. Поэтому и местные якуты долго не соглашались везти нас к устью Хандыги. Наконец после долгих уговоров удалось нанять новую партию быков. Когда мы вышли на Алдан, началась метель, дорогу быстро занесло, и передняя часть каравана скрылась в вихрях снега. Только иногда во мгле мелькала рогатая голова, уныло опущенная навстречу ветру.

В лесу на маленьком озере нас ожидал Голиков с нартами. Оленей еще не было, их собирали в течение следующих двух дней, и все это время мы стояли на озере и подготавливали нарты. 12 апреля наконец удалось двинуться в путь.

Я уже описывал путешествие по Хандыге в 1926 г. Мы тогда проходили ее зимой, в самые сильные холода. Теперь пейзаж был гораздо более радостный — нестерпимо яркое апрельское солнце освещало блистающую поверхность реки, а склоны Верхоянского хребта, видневшиеся вдали, блестели как головы сахара. Снег начинал уже таять, и местами поверхность реки начала покрываться водой. Это не были зимние тарыны, занимающие сравнительно небольшие участки, не более 2-3 км длины; вода шла сплошной полосой по снегу на протяжении десятков километров. Дорога, — вернее след проехавшего каравана, занесенный снегом, — была проложена по самой реке, и нам приходи-

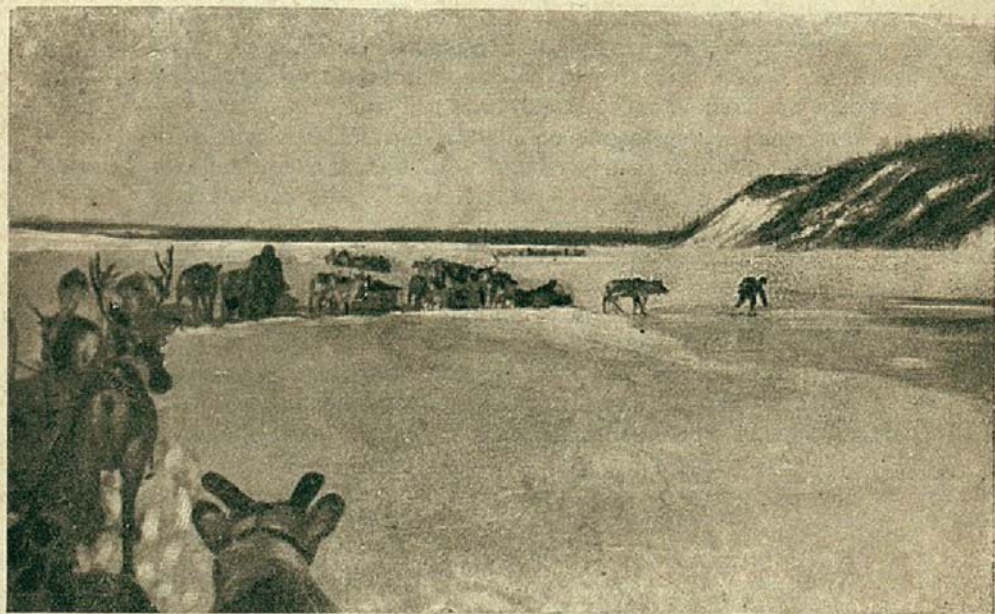

лось ехать почти все время по воде. Иногда Голиков, который вел наш караван, пытался выбраться на береговую террасу, но это было еще хуже: на самой кромке берега мокрый снег вместе с водой образовал густую кашу, в которой тонули олени и завязали нарты. После нескольких попыток ехать по берегу мы снова возвращались на реку и мирились с тем, что вода заливала не только полозья наших нарт, но нередко и самый груз.

По мере того как мы приближались к Верхоянскому хребту количество весенних наледей все увеличивалось. Мои русские спутники начинали приходить в отчаяние, казалось, что впереди предстоит бесконечная борьба, что мы никогда не дойдем до Оймякона. Мы должны были достигнуть его самое позднее в начале мая; между тем сейчас, еще не войдя в Верхоянский хребет, мы делали в сутки иногда не больше 10—15 км, проводя большую часть дня в вытаскивании нарт из снеговой каши и отыскивая проходы через опасные места. Олени выбивались из сил; проводники бродили все время по колена в холодной воде (по ночам морозы были до 40°), и даже Александр, привыкший к здешним дорогам, начал унывать. На своем оригинальном русском языке он говорил: «Один олень сила кончил. Много олень сила кончил. Все свалом помирать будем — проводник, олень свалом». Но на тунгусов эти наледи не производили никакого впечатления. Голиков в самые трудные моменты так же весело пел песни, прыгал и танцевал, как он это делал на хорошей дороге.

Через три дня после выезда от устья Хандыги мы вступили наконец в окраинную цепь Верхоянского хребта. Долина Хан-

В низовьях Хандыги. Переход через наледь.

Проводник Голиков верхом.

дыги здесь сразу суживается и идет то между цепями, параллельными окраине хребта, то пересекая их. Вскоре после вступления в горы можно было заметить на склонах следы ледниковой деятельности. Сначала это были холмы, «бараньи лбы», на склонах долин, а затем ригели — пороги, перегораживающие дно долины; через эти ригели когда-то круто спускался ледник, образуя ледопады. Теперь река проложила в ригелях узкие эпигенетические ущелья.

Одно из таких ущелий, знаменитое Юн-кюрме, выше устья Куранаха, все залито водой, покрывающей лед на 20—30 см. Зимой оно еще более опасно; нередко глубина воды, текущей по наледи, достигает более полуметра, и здесь были случаи гибели тунгусов с нартами, проваливавшимися сквозь тонкие прослои льда. В 1926 г. три наши нарты провалились здесь в воду в самые сильные шестидесятиградусные морозы, но все кончилось благополучно.

В самой середине ущелья на маленьком взлобке стоял большой чум (ураса), коричнево-желтый в лучах солнца. Баишев, выехавший заранее из Томпо для заготовки оленей, встретил нас за несколько километров до Юн-кюрме. В чуме собрались тунгусы — хозяева оленей. Вместе с ними были их жены и дети, игравшие возле чума в снегу.

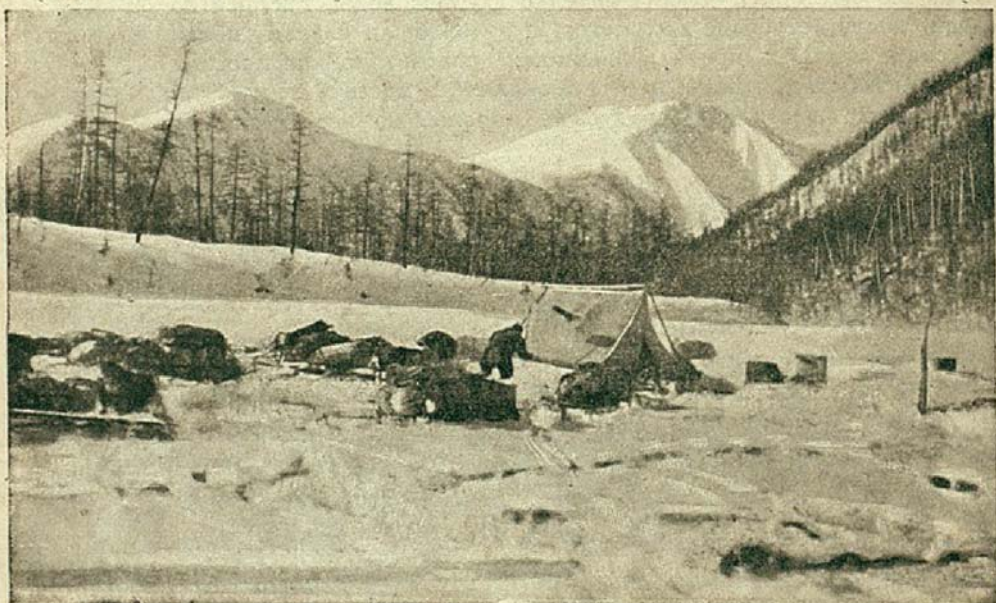
Обычно сбор оленьего каравана продолжается очень долго, только часам к 11 удастся найти всех оленей и запрячь их в нар-

ты. Но после Юн-кюрме эта операция продолжалась еще дольше. Дело в том, что у годниканских тунгусов было слишком мало ездовых оленей, они привели нам не только важенок, но и диких, т. е. неезженных, оленей. В это утро диких оленей нужно было в первый раз запрячь в нарты. Олени были отпущены пастись с большими бревнами, привязанными к шее (чанкай), но все-таки поймать их было очень трудно. За некоторыми из них, самыми дикими, тунгусы гонялись на лыжах в течение всего утра. Окружив оленя, тунгусы бросали свою «мамыкта», длинный ремень, нечто вроде лассо с костяным кольцом на конце. Когда дикий олень был пойман, его привязывали к дереву в ожидании отправки. Я пробовал подходить к такому привязанному оленю, чтобы его сфотографировать, но он тотчас начинал храпеть, биться и дико поводить своими красивыми выпуклыми глазами. Наконец все олени были пойманы и запряжены. Как только караван двинулся в путь, дикие олени стали снова биться и опрокидывать нарты.

В этот день нам нужно было пройти верхнюю часть ущелья, также покрытую водой на протяжении нескольких километров; к счастью вода нигде не достигала настла нарт. Выше лежал большой тарын. Как можно было видеть по деревьям, мощность льда в этой наледи достигала нескольких метров. Выше тарына мы снова остановились, и здесь тунгусам хотелось провести два дня. Они вообще смотрели на нашу экспедицию как на что-то вроде пикника: проводники ехали со своими семьями, и им совсем не хотелось торопиться. Единственный, кто сознавал необходимость попасть во-время по санному пути в Оймекон, это се-

Ночевка в окраинной цепи Верхоянского хребта.

Ущелье Юн-кюрье, залитое водой.

кретарь (суруксут) Александр. Но в этом месте для стоянки были серьезные основания: у важенок, которые шли с нами, начали рождаться оленята, и как раз здесь в Юн-кюрье появилось на свет три олененка. Надо было дать отдых важенкам, тем более, что до сих пор они чрезвычайно добросовестно исполняли свои обязанности. Важенки до самых родов терпеливо везли нарту, и только некоторые из них, самые слабые, которых мы сменили в Юн-кюрье, начали иногда падать на дороге к концу перегона.

Оленята почти тотчас после рождения, хотя и не могли есть мха, но начинали уже копытить снег. Обычно они на стоянках лежали свернувшись возле матери, иногда вставая на свои тонкие ножки и оглядывая людей мутными и бессмысленными глазами. Важенки сердито охраняли своих детенышей и с яростью бросались на самцов и собак, которые приближались к ним. Самцы уже потеряли свои рога, и у них начинали расти новые — нежные, пушистые и толстые. Важенки в этот период сохраняют рога, необходимые для защиты детей, и теряют их позже.

Две маленькие тунгусские собаки и наш громадный Чонка трусливо убегали, как только к ним приближалась важенка с опущенной рогатой головой. Чонка, большой пес из якутских лаек, родом с р. Чоны (приток Вилюя), жил в базе Академии наук в Якутске и пристал к нашему каравану. Он очень оживлял наше путешествие — весело бежал то впереди каравана, то сбоку.

Мы могли наблюдать и семейный быт тунгусов. С Баишевым

Чум тунгусов в ущелье Юн-кюрме.

Выше Юн-кюрме, в долине Хандыги, нет больше ригелей. Это древняя ледниковая долина, уже измененная речной эрозией, с плоским дном, покрытым мощной толщей аллювия. На ее склонах хорошо видны террасы, а кое-где, на высоте 300 м, сохранились остатки плеча, указывающего на ледниковое происхождение долины. Тарынов стало меньше, и наше передвижение значительно ускорилось.

Совершенно незаметен переход из долины Хандыги к перевалу, который представляет также широкую ледниковую долину с рядом моренных холмов. На самом перевале мы встретили маленький караван, который возвращался из Оймекона. Наши тунгусы немедленно остановились, начали расспрашивать о новостях. Только с большим трудом их удалось заставить идти дальше. Это был уже третий караван, который мы встречали. В пер-

ехала жена, а с Голицыным — жена, свояченица и маленькая двухлетняя дочь Лидия. Взрослые женщины, «Аннушки», как их звали наши рабочие, правили оленями, ставили палатки (а жена Баншева — чум), готовили пищу. Все это входит в женские обязанности. Мужчины заняты мужским делом — охотой. Лидия ехала закутанная в меха, но на стоянках она выползала в своем легком костюмчике, в кожаных штанах с широким разрезом, который открывал весь зад, и сиделась играть в снег. Лидия забавно подражала взрослым: раз как-то у костра она хотела выдернуть палочку, воткнутую в снег, и когда та не поддавалась, вытащила из чума тяжелый топор и стала рубить палочку под самый корень.

Важенка с новорожденным олененком.

вом, встреченном нами среди тарынов, ехала жена оймеконского учителя, храбро путившаяся с маленьким ребенком в путь в самую распутицу.

Индигирский склон Верхоянского хребта резко отличается от Алданского. В то время как последний представляет типичную альпийскую страну с острыми вершинами, с глубокими ущельями и мрачными скалами, со следами ледниковых цирков, долины Индигирского склона сравнительно плоски и широки. Дно их также занято перемытыми ледниковыми отложениями, морен почти нет, и о присутствии здесь когда-то ледников можно судить только по многочисленным террасам и висячим долинам.

Тотчас после перевала мы вышли на реку Кёбюма (или Хара-тумул). Когда-то Сарычев, проезжавший здесь в конце XVIII века зимой верхом из Якутска в Оймекон, описал ее под именем Амуг-умог-тага. Она идет почти прямолинейно среди широкой долины в округлых горах. На четвертый день нашего пути река внезапно свернула в узкое ущелье. Это опять эпигенетическое ущелье, а древняя широкая долина идет все прямо на восток. В то время, когда она была занята ледником, и позже, когда ледник исчез и большая долина была загромождена моренами, вода должна была прокладывать себе путь через хребты левого берега.

Перед выходом из этого ущелья, носящего название Кюнг-кюняс, нас захватила пурга. Извилистое узкое ущелье имело очень мрачный вид со своими черными скалами, которые время

В верховьях Хандыги. Древняя ледниковая долина с террасами.

от времени появлялись среди вихрей снега. Когда мы остановились вечером по выходе из ущелья, мы не досчитались одного олененка. К этому времени число новорожденных достигло уже шести; часть их бежала за нартами, а более слабые ехали на нартах, закутанные в шкуры.

В няньки им был назначен Баишев. Бедный олененок отстал в пурге, его мать напрасно кричала — никто не мог догадаться, что случилось несчастье. Баишеву пришлось возвращаться обратно за потерянным олененком.

К счастью нам можно было здесь расстаться и с оленятами и с важенками, так как нас встретили тунгусы, у которых мы их и оставили на попечение жены Баишева — сухопарой и мрачной тунгуски в островерхой меховой шапке и сборчатом кафтане. Она сурово управляла мужем, и он отводил душу только у нас в палатке, где, разомлев от жары и выпитого чая, долго рассказывал о своих подвигах и предстоящей дороге, тыкая пальцем в грудь и восклицая по-якутски: «Мин, Баисев, белем» (я, Баишев, знаю).

Вскоре после Кюнгкюняса Кёбюма сливается с Суантаром и Ючюгей-юряхом, образуя вместе с ними большой левый приток Индигирки — Кюентя. Дальше дорога идет по широкой долине Ючюгей-юряха; долина считается благодатным местом из-за обилия корма на кочковатых лугах, поэтому река и носит это название (ючюгей — хороший), но для нас она не была хороша.

Новорожденные олениа на нарте.

Наступило уже 1 мая, становилось жарко, и наши сильно уставшие олени едва могли итти. В середине дня они начинали падать один за другим. Сначала олень спотыкался и падал в упряжке, его поднимали, заставляли итти дальше, он падал опять, и так раза два-три. Наконец олень отказывался итти, его выпрягали, привязывали сзади к последней нарте, он шел так некоторое время, потом начинал качаться, как пьяный, и падал опять, причем не поднимался, несмотря ни на какие крики и побои, даже если щекотали его нежные весенние мохнатые рога. Тогда его отвязывали и тащили за ноги к нарте проводника с тем, чтобы везти его пассажиром до ближайшей стоянки. Несколько оленей нам пришлось оставить, так как они слишком ослабели: тунгусы должны были захватить их на обратном пути. Падали даже самые крупные олени из диких, — как говорил Александр, — «самый дикий олень сила кончал».

Это производило сильное впечатление только на нас, тунгусы находили это нормальным и не унывали. На первой стоянке, на Ююгей-юряхе, они заметили на склонах дальних гор стада оленей местных тунгусов. Вечером купили оленя, ночью стали его обдирать и к 2 часам ночи сварили обед. Пир продолжался всю ночь.

4 мая мы наконец дошли до Оймекона. Здесь было мало снега, и в самом селении пришлось тащить нарты по земле. Было совершенно тепло, и повидимому наша мечта — дойти по зимнему пути до Колымы — была совершенно неосуществима.

IV. СНОВА В ОЙМЕКОНЕ

В 1926 г. мы приехали в Оймекон зимой. После тяжелой и долгой экспедиции он показался нам очень приятным местом, почти земным раем. Но в сущности это довольно унылое место, хотя и другим путешественникам он иногда казался очаровательным. Англичанин-спортсмен Кохрэн, который приехал в Оймекон в начале прошлого века, после верхового переезда из Верхне-колымска через хребет Черского весной по глубоким снегам, пишет: «Это самая живописная и прелестная долина в мире».

Оймекон весной все-таки очень хорош. На северо-востоке возвышается громада хребта Тас-кыстабыт, еще покрытого снегом. Дно долины пестреет от пятен снега, и начинают появляться крупные фиолетовые пострелы, которые здесь называют тюльпанами. С колокольни старой церкви открывается обширный вид на долины Куйтугуна и Индигирки.

Нам отвели помещение старой церкви, которая превращена в клуб. В Оймеконе при четырех юртах постоянных жителей-якутов — две церкви, построенные местным богачом Кривошапкиным, который когда-то организовал караван для Черского.

При нас снимали кресты и купола и со второй новой церкви. В ней должны были поместить больницу, которой тесно в ее нынешнем здании. Уже несколько лет, как в Оймеконе есть фельдшерский пункт и больница, на дверях которой висит бумага со стихами:

Вытирайте чище ноги,
Прежде чем к нам в дом войти:
Много пыли на дороге,
Много грязи на пути.

Перевозка уставшего оленя на нарте.

Внутри чисто, есть ванна, отдельная палата для больных трахомой. А еще всего 20 лет назад, по сообщению врача Афонина, ездившего в Оймекон для выяснения вопроса о вымирании населения, последнее лечилось самыми необыкновенными способами. Он собрал очень много местных рецептов, из которых приведем несколько наиболее красочных:

«Уретрит: 1) пьют настой нашатыря; 2) привязывают кусочек сернокислой меди (медный топорик); 3) настаивают на воде пуговицы, пилюли стрихнина, употребляемого для отравления лисиц; 4) заваривают как чай траву огускутурук — бычий хвост; 5) привязывают живую лягушку или ящерицу».

«Хронический ревматизм: 1) при простуде больную конечность перетягивают воловьей жилой; 2) то же делают, взяв конец шкуры от постели старой вдовы; 3) с этой же целью употребляют конец веревки, при помощи которой опускали в молигу мертвеца».

«Глаза лечат различными средствами: 1) заставляют смотреть на зажженную венчальную свечу (обязательно от первого брака), сев против порога, закрывшись шубой; 2) дымом от ладана; 3) церковным маслом; 4) втирают в глаза крупный песок; 5) привязывают стрихнин к затылку; 6) берут столовую ложку листовичной смолы, подогревают ее и вливают в глаза; 7) привязывают к глазу ночную бабочку со вскрытым животом».

«При головной боли: 1) делают кровопускание коровьими рожками; 2) привязывают к голове мокрый коровий кал; 3) бровая струя».

Снятие колоколов с церкви в Оимеконе.

Возле больницы индигирский отряд Якутской экспедиции Академии наук, бывший здесь в марте 1929 г., установил метеорологическую станцию.

В 1926 г., во время моего первого посещения Оймякона, я обратил внимание на то, что зимняя температура здесь ниже, чем в Верхоянске — этом признанном полюсе холода. Тогда у нас не было с собой спиртовых термометров, и кроме того мы были в Оймяконе только до конца ноября, так что точных сведений о климате Оймякона мы дать не могли. Но тем не менее некоторые кесвенные указания дали мне возможность утверждать, что Оймякон является соперником Верхоянска. Метеорологические наблюдения, производившиеся в Оймяконе в 1929 и 1930 гг., показали, что температура зимних месяцев здесь в среднем на $3-5^{\circ}$ ниже чем в Верхоянске. Минимальная температура иногда на 9° ниже, а максимум в феврале ниже на 17° . Таким образом в Оймяконе несомненно гораздо холоднее Верхоянска, и область низких температур, которая раньше ограничивалась Верхоянской впадиной, теперь должна быть протянута на юго-восток и достигнет более 1000 км длины. Само собой понятно, что окончательно вопрос о климате Оймякона может быть решен только после многолетних наблюдений. Но уже теперь можно утверждать, что мировой полюс холода находится здесь, значительно южнее полярного круга, на $60^{\circ}16'$ северной широты.

Оймякон является одним из самых глухих углов в мире, и здесь процветают очень беззастенчивые и предприимчивые дельцы. Компанию таких дельцов я описал в 1926 г. Подъезжая к Оймякону, мы их встретили в сопровождении милиционера: их вывозят в Якутск. После нашего отъезда из Оймякона здесь побывала специальная комиссия из Якутска, которая должна была произвести чистку местного аппарата.

По первоначальному плану предполагалось, что еще по зимнему пути мы дойдем до Колымы. Когда мы приехали в Оймякон, исполком старался достать нам оленей, но было уже поздно, и тунгусы, которые еще задержались в Оймяконе и должны были вернуться к себе в горы на восток, категорически отказались везти на Колыму. Надо было налаживать вьючный транспорт. Для нашего груза было необходимо до 50 лошадей. Такое количество обычно в Оймяконе достать можно, но в этом году должны были послать много лошадей для доставки продовольствия из Охотска, которое не успели привезти по зимнему пути; поэтому исполком не мог разрешить нам нанять и увести с собой так много лошадей.

На наше счастье в это время в Оймяконе производилась закупка лошадей для новых приисков Союззолота в Сеймчанском районе (верховья Колымы). Из Оймякона должны были пойти порожняком в Сеймчан до 80 лошадей. После долгих переговоров

с уполномоченным Союззолота нам удалось убедить его дать нам этих лошадей с тем, чтобы перевезти наш груз до Колымы; при этом я должен был взять на себя обязательство, что я доставлю лошадей целыми и невредимыми до Сеймчана и буду отвечать не только за павших, но даже за похудевших лошадей, или, как здесь говорят, за «тело» лошади. Материально от этого выиграли все участники этой операции кроме меня. Местный кооператив, который должен был доставить лошадей в Сеймчан и там сдать, освобождался от риска, которому подвергался табун при таком длинном и тяжелом пути, а приисковая контора получала с меня плату за провоз груза на лошадях, которые все равно пошли бы порожняком.

В течение нескольких дней мы производили приемку и клеймение лошадей. В ограде кооператива были выстроены длинные ряды лошадей со свалывшейся зимней шерстью, которая вылезала клочьями. Я должен был осмотреть всех лошадей, выявить их болезни, определить, какая из них в полном теле, какая в среднем и какая в плохом, и занести все это в акт.

Наконец лошади были отобраны, заклеены, все приметы их записаны, выяснено, у какой резаные, у какой стриженные уши, акт об их приемке составлен. Весь табун был перегнан на другой берег Куйтугуна. На следующий же день лошади разбежались, и прошло два или три дня, пока их собрали опять.

Пока мы жили в Оймеконе, Бизяев установил здесь радио, но мы тщетно отпраивали день за днем радиотелеграммы «всем, всем, всем...». За две недели не удалось ни с кем связаться. Зато ежедневно мы могли слушать широкоэвещательную станцию из Хабаровска и угощать местных жителей концертами.

Долгое ожидание в Оймеконе мы употребили на перепакровку нашего груза. Нужно было превратить его в 60 хорошо связанных выючных тюков, нужно было заготовить 60 выючных седел и столько же потников. У нас не было с собой кошмы, и мы должны были заказывать якутские потники (бото), которые делаются из сена, покрытого мешком. Нужно было сделать верховые седла, для которых в Оймеконе мы достали только арчаки (деревяги). Нужно было привести в порядок наблюдения и прожить многочисленные снимки.

V. ВЕРХОМ К ИСТОКАМ КОЛЫМЫ

Во время моего предыдущего пребывания в Оймеконе я тщетно пытался узнать, проходимы ли верховья Колымы на лодке. По рассказам, недалеко от истоков Колымы находятся страшные пороги, по которым никто никогда не мог проплыть. В этом году удалось найти якута, который в молодости был на Колыме и не-

сколько раз сплыл на плоту через эти знаменитые пороги. По его словам, весной по большой воде через пороги можно проплыть на плоту, но он думал, что на лодке этого сделать невозможно — валы очень большой высоты, и всякая лодка будет залита. Другой оймеконец, который проезжал по верховой тропе вблизи порогов, рассказывал, что в узком ущелье вода падает со страшным шумом и в русле видны громадные камни. Таким образом никто не мог сказать, можно ли плыть со всем грузом в самых верховьях Колымы. Пришлось организовать наш переезд таким образом, чтобы караван вышел к устьям Дебина или Таскана, больших левых притоков Колымы, находящихся в 500—600 км от Оймекона. Я предполагал, если удастся, как только мы достигнем такого места Колымы, где будет возможно плавание на лодке, отправить караван с Салищевым, а самому поплыть вниз на складной резиновой лодке — байдарке, которую мы везли с собой.

Верховья Колымы до Верхнеколымска изображались на картах до нашей экспедиции только по расспросным сведениям. Они были нанесены очень схематично: река имела почти прямолинейное направление, и этим ее очертаниям доверять нельзя было совершенно. В 1926 г. мы получили в Оймеконе от местного жителя Малкова карту, составленную им вместе с бывшим псаломщиком оймеконской церкви Шариным. Шарин в течение 8 лет, покинув церковную службу, торговал с тунгусами в верховьях Колымы и благодаря этому мог составить очень интересную карту, которая, как выяснилось потом, очень близко изображала действительное расположение рек и хребтов. Судя по этой карте, мы предполагали, что хребет Таскыстабыт, лежащий к северо-востоку от Индигирки, пересекает Колыму в ее верховьях и вероятно здесь-то и находятся знаменитые пороги.

В Оймеконе трудно было найти проводников, знающих дорогу к устью Дебина, и достаточное количество погонщиков для нашего большого каравана, но наконец к концу мая был нанят почти полный комплект.

Нам хотелось выступить возможно раньше, но долго пришлось ждать, пока пройдет лед и затем спадет вода. Наконец в конце мая вода в Куйтугуне упала настолько, что можно было перегнать лошадей вброд. 30 мая перевозчик, который состоит при казенном перевозе через Куйтугун, прибежал к нам в страхе и сказал, что вода в Куйтугуне начинает подниматься и необходимо переехать реку сейчас, иначе течение будет слишком бурным, и переправа станет невозможной.

Вечером 30 и 31 мая мы перевезли груз через Куйтугун и затем на другом берегу стали ждать, пока соберут всех лошадей. Вода в Куйтугуне быстро и непрерывно падала; закончив ра-

боту, перевозчик поспешил скрыться, потому что с этого дня можно было смело уже переезжать реку вброд, и если бы не его хитрость, то ему не пришлось бы взять с нас перевозную плату. Постепенно собрали лошадей, привели их на берег Куйтугуна и с грузом отправили на 15 км на восток, к следующей переправе через Индигирку.

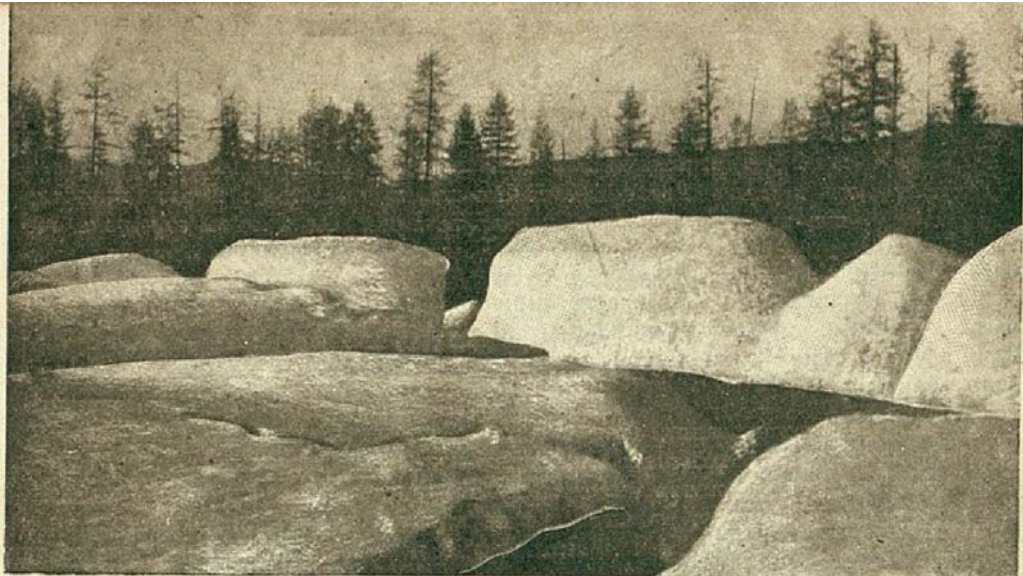
Долина Индигирки у Оймекона шириной до 14 км. Она покрыта большими кочковатыми лугами и перелесками лиственницы, а возле самой реки — зарослями тополей и тальников. Зеленая трава только что начинала пробиваться, и чтобы очистить луга от прошлогодней сухой травы, якуты их зажигали, так что со всех сторон были видны столбы дыма и было трудно найти нетронутое пастбище. В прошлом году во время таких пожаров сгорела старинная часовенка, которую я описал в своей книге «В неведомых горах Якутии». Часовенке этой было около 150 лет, и слюду для ее окон доставили с хребта Черского из месторождений, известных только тунгусам. Индигирка у места переправы против Оймекона уже большая река с очень сильным течением. Весь груз надо было перевезти в ветках — маленьких якутских лодках, сшитых из трех тонких досочек. Лошади были перегнаны вплавь, и утром 2 июня мы уже стояли на правом берегу Индигирки.

Следующие 100 км нужно было пройти вдоль Индигирки в пределах Оймеконской долины, в которой кое-где раскиданы редкие якутские юрты. Мы шли по обширным лугам между приречными лесами Индигирки и подножием хребта Тас-кыстабыт. С самого же начала громадные размеры нашего каравана причинили нам много хлопот. Лошади на стоянках все время убегали, и поиски их продолжались весь день, так что мы могли выступить иногда только в 6 час. вечера и идти ночью. Иногда один из проводников оставался на старой стоянке, для того чтобы отыскать убежавшую лошадь.

На второй день пути по Индигирской долине мы достигли устья Хатыннаха, небольшого правого притока Индигирки, вытекающего из хребта Тас-кыстабыт. По этой речке когда-то поднимался на хребет Черский, чтобы перевалить в бассейн Неры. Мы здесь сделали дневку, — надо было дожидаться еще одного ямщика, отставшего для розыска лошади, которая во время выпаски табуна в Оймеконе скрылась неизвестно куда. Я воспользовался этой стоянкой, для того чтобы съездить вверх по Хатыннаху. Эта река, как и все почти реки этого района, с обеих сторон закрыта зарослями тополей и лиственниц, и между ними и склонами гор лежат луга и болота. Сейчас эти болота еще не оттаяли, и можно было проехать всюду.

Индигирский склон хребта сложен новейшими изверженными

Ледяной бугор на тарыне (р. Хатыннах).

породами, и на береговых утесах можно было видеть превосходные потоки андезитов, чередующихся с туфами и песчаниками. У самого подножия одного из утесов, у входа в горы, лежал большой тарын, средняя часть которого поднялась в виде больших ледяных бугров. Бугры эти лопнули и образовали нечто вроде громадной короны, или, если применить более точное сравнение, вроде булки, надрезанной сверху рядом поперечных надрезов и одним продольным.

Уже ночью мы перешли на другой берег Хатыннаха и повернули домой. Здесь в лесу мы вышли на старую, заросшую, глубоко протоптанную тропинку. Это та самая тропа, по которой 40 лет назад проходил Черский.

На устье Хатыннаха мы так и не дождались хитрой кобылы; потом оказалось, что не так была хитра кобыла, как наши ямщики: эта лошадь понравилась им, и они решили ее оставить себе, выплатив мне полную ее стоимость по оценке сдаточного акта.

В верхнем конце Оймеконской долины находится громадный тарын, до 5 км в поперечнике. Здесь Индигирка делится на несколько рек, из которых главная, Хастах, уходит далеко на юг к водоразделу Охотского моря. Нам предстояло подняться по правым истокам, выходящим из Тас-кыстабыта. Выше тарына находится одинокая якутская юрта — это так называемый «последний житель». В Индигирском и Колымском крае, где якута-

ми населены только долины крупных рек, а пространство между ними, шириной в несколько сот километров, посещается только бродячими тунгусами, каждая жилая избушка приобретает большое значение. От одной жилой юрты, где можно остановиться дальнему путнику, до другой расстояние иногда достигает 500 км. Последний житель Оймеконской долины был очень беден, несмотря на то, что он жил среди чудесных лугов.

Отсюда мы двинулись на юго-восток, пересекая наискось широкую долину речек, вытекающих из Тас-кыстабыта. Сам хребет тянулся на северо-востоке высокой стеной, покрытой еще остатками зимних снегов. Снова нам попадались большие тарыны, которые летом уже не являлись таким препятствием, как зимой, потому что лошадям было легко переходить их, в то время как путь по речным галечникам для неподкованных лошадей часто довольно мучителен. Главные трудности при передвижении по тарыну представляют русла рек, которые промывают в тарыне глубокие щели с отвесными стенками и голубыми пещерами.

На первой же стоянке, у подножия Тас-кыстабыта, мы утром опять не досчитались шести лошадей. Они убежали обратно в Оймеконскую долину, где трава была им больше по вкусу. За ними поехали проводники и вернулись только к полудню. Но уже с 10 часов утра мы увидели в той стороне, куда они уехали, густые клубы дыма. Это загорелись от брошенной ими спички сухие луга. Сначала мы ждали спокойно, думая, что речка Эгестыр, отделяющая нас от пожара, остановит огонь. Но вскоре загорелся лес вблизи самой реки, и затем пожар начал перекидываться на наш берег. В густом дыму пришлось спешно выючить кара-

Переход каравана через тарын в хребте Тас-кыстабыт.
На склонах гор лесной пожар.

ван, и к счастью удалось выйти из приречного леса до того, как он занялся. Когда мы перевалили в долину следующей речки, было видно, что пожар охватил уже всю широкую долину между холмами перевала и передовой цепью хребта Тас-кыстабыт.

Проводники-поджигатели вернулись часа через два после начала пожара, объехав его кругом. Для них это было самое обыкновенное и скучное происшествие.

Мы перевалили в долину большой реки Баягап-юрях с рядом тыранов. Здесь уже ясно были видны морены, баряньи лбы и другие следы древнего оледенения. Совершенно неожиданно верховья этой реки перешли в плоскую долину, лежащую на противоположном склоне хребта. Оказалось, что Баягап принимает часть речек, текущих по другому склону хребта, и выходит своими верховьями уже на северо-восточную его сторону. Я думал, что после перевала мы попадаем в бассейн Колымы, но оказалось, что перед нами расстилаются верховья Неры, большого правого притока Индигирки, впадающего в нее значительно ниже Оймекона.

Северо-восточное подножие Тас-Кыстабыта ограничивает плоский пьедестал, полого падающий к широкой долине, за которой на горизонте тянется обширное очень низкое и плоское плато. Только километрах в 200 за ним видна в дымке цепь снеговых вершин, уходящих на северо-запад. Это передовые цепи хребта Черского.

Таким образом здесь, так же как и в верховьях Эльги, хребет Черского отделяется от южных цепей обширным низким плоскогорьем. В широком понижении у подножия Тас-кыстабыта лежит несколько мелких озер, о которых рассказывали Майделю тунгусы, сообщавшие, что Колыма и Индигирка вытекают из одного озера.

Но не только Баягап захватывает часть бассейна верховьев Неры — с другой стороны к ней подходит один из истоков Колымы, Аян-юрях, и похищает у Неры и озеро на перевале, и целую большую долину, в которой мы остановились на ночлег. Эта речка называлась Борочук, в честь какого-то легендарного топографа, который проезжал здесь когда-то и поставил столб. Ни в одном из отчетов о прежних экспедициях нет упоминания об этом топографе. Единственный, кто сообщает об этой дороге, это сотник Березкин, который в 1901 г. проехал с Охотского побережья в верховья Колымы и отсюда в Оймекон в поисках путей для снабжения края. Березкин описывает бесконечные болота, по которым ему приходилось идти, и широкие болотистые долины между горами. Он жалуется, что иногда целые десятки километров не находилось места, чтобы поставить палатку, — так было везде толко.

В хребте Тас-кыстабыт — водораздел Колымы и Индигирки.

Несмотря на раннюю весну, уже и сейчас начинали появляться кое-где болота, и когда мы поехали вверх по Борочуку, чтобы проникнуть в среднюю группу хребта Тас-кыстабыт, наши лошади при переправе через ручьи часто проваливались на топких берегах.

Речка Борочук идет прямо на юго-запад к углу средней альпийской группы хребта. Выше границы леса эта группа вся была покрыта снегом, но ниже между пятнами снега уже появились первые цветы, и мы нашли тут маленькие, низкорослые желтые рододендроны. С моим постоянным спутником Аггеем мы поднялись на правый склон Борочука и увидели на юго-востоке расчлененное мелкогорье — это и были верховья Колымы.

К вечеру мы спустились в верховья Аян-юряха и двинулись по следам каравана, который оставил после себя широкую полосу разбитой ногами лошадей болотистой почвы. Тут нас догнал самый энергичный из наших проводников — Василий Скрыбыкин. В этот день, как обычно, утром мы не досчитались нескольких лошадей, и он остался их искать. Но когда он нашел последнюю лошадь и собрался гнать ее вслед за караваном, к покинутому стану подошел медведь, и они долго сидели друг против друга, не решаясь двинуться. Скрыбыкин был без оружия, с одной только нагайкой, а медведь, наверно, был очень любопытен.

Аян-юрях — большой левый исток Колымы. Мы вышли к самым истокам этой реки, где она начинается в виде маленького ручья среди болотистой долины. В течение нескольких дней мы

шли по ней среди мелкогогорья, лежащего у северо-восточного подножия Тас-кыстабыта. Долина реки все больше расширялась, и скоро река приняла значительные размеры, так что брод через нее становился опасен.

В 60 км от истока в Аян-юрях впадает справа большой приток Элик. Здесь, на краю большого веселого луга, у речных зарослей стоит первая юрта якута Николая Сивцева. Старик Николай принял нас очень радушно и после долгих переговоров согласился сопровождать нас в своей ветке на протяжении 100 км до большого якутского поселения Оротук. Через пороги он не проходил, но говорил, что внизу мы встретим опытного проводника Степана, который спускался по ним.

VI. В РЕЗИНОВОЙ БАЙДАРКЕ ЧЕРЕЗ ПОРОГИ

На следующий день мы расстались с караваном. Он под начальством Салищева пошел по левому берегу Аян-юряха, а я остался со стариком Сивцевым и нашим переводчиком Аггеем. В ветку Николая мы нагрузили более объемистый груз, а сами поплыли в немецкой складной байдарке — «клеппере». Эта байдарка, сделанная из прорезиненной материи, предназначена для двух гребцов. Нос и корма закрыты брезентом, точно так же может быть закрыто резиной все остальное открытое пространство, и в этой лодочке не страшны никакие волны. На носу есть даже петля, в которую можно ставить флаг, и нередко мой спутник втыкал в нее букетик весенних цветов. Эта байдарка оказалась очень прочной, и мы проделали на ней не только плавание этого года, но и проплыли в следующем году весь Омолон. Лодка все время служила предметом удивления и местных якутов и русских колымчан.

Мы поплыли со стариком — он впереди на своем кривом челноке, мы сзади. Он называл нам все реки и долинки, причем когда у него не хватало названий, придумывал новые в честь своих родственников. Вскоре на нашей карте появились Андруска-юрях, Дарья-юрях и другие (юрях — по-якутски река).

От Элика Аян-юрях уже довольно большая река, но все еще с мелкими протоками, быстрым течением и карягами, торчащими из воды. На нашей легкой лодочке мы быстро неслись вперед и несколько раз встречались с караваном, который шел вдоль левого берега. Первая встреча была у отвесных утесов, выше устья Эмтегея, у «капчагая», как его называют якуты (капчагай — ущелье). Весной этот капчагай для путников представляет непреодолимое препятствие: высокая вода не дает пройти у подножия утесов, и приходится ожидать, пока вода не спадет. К сча-

На байдарке в верховьях Колымы.

стью в этот раз вода уже спала, и наш караван прошел это место легко.

Вблизи Эмтегея на левом берегу и ниже его на правом Сивцев показал нам рощи лиственниц, где когда-то строились лодки для сплава по Колыме. Нижнее из этих мест носит название Ыстан-нах (искаженное «станок»). Колыма в сущности не является совершенно неизвестной рекой. В XVIII в. здесь плавали казаки, но сведения об этом сохранились только в архивах, а жители верховьев Колымы помнят только, что когда-то сплавляли по Колыме два паузка с хлебом и что они разбились на порогах. После этого сплав был прекращен.

На старых картах в верховьях Колымы значится «плотбище», а у Черского показаны здесь «хлебные магазины». Но нигде в литературе нельзя найти сведений об этих плаваниях, и даже Майдель подвергает сомнению существование плотбища и предполагает что оно — домысел досужих картографов. Экспедиции НКПС 1928—1929 гг. удалось в архивах Якутска, Колымска и Иркутска собрать сведения об этих древних перевозках. Они начались в половине XVIII в. и продолжались до начала XIX в. Хлеб и другой провиант завозился выюками из Якутска в верховья Колымы через Оймекон. Сюда приезжали из Нижнеколымска казаки, строили паузки и сплавляли их вниз. Казаки ездили сначала через Зашиверск и вверх по Индигирке до Оймекона. Потом стали ездить более прямой дорогой через Верхнеколымск, минуя Оймекон. Они привозили с собой железные части,

необходимые для постройки судов. Ежегодно для постройки и сплава трех-четырех судов требовался приезд до 40 человек. Вместе с зимним путем сплав занимал больше полугода. Это настолько тяготило колымских казаков, что они постоянно старались избавиться от скучной повинности, и поэтому когда установился выючный путь через Верхоянск, то путь по Колыме (к тому же из-за повторяющейся на порогах гибели судов очень опасный) забросили настолько, что даже перестали сплавать грузы по судоходной части реки, от Средне- до Нижнеколымска. Кроме старика Сивцева на Аян-юряхе почти никто и не слышал о прежних плаваниях.

В верховьях Аян-юряха на расстоянии 20—30 км одна от другой раскиданы якутские юрты. Это большей частью бедные и убогие жилища, несмотря на то, что пастбища здесь обширные и можно было бы разводить довольно много скота.

Якуты появились в верховьях Колымы сравнительно недавно, лет 100 тому назад. Сначала они поселились в урочищах Оротук и Таскан, а потом уже из этих двух центров стали расселяться вверх и вниз по течению.

На устье р. Лошкалах (от русского «ложка») мы в последний раз встретились с нашим караваном, отдали собранные камни и поплыли дальше. Сразу же после Лошкалаха с нами произошло неприятное приключение. У ближайшего утеса Сивцев свернул в сторону, в мелкую протоку, а мы, не желая перетаскивать клешер через перекааты, обдирающие его дно, поплыли прямо к утесу. Тут в быстрине нас подхватила крупная волна и моментально залила клешер, не зятнутый сверху резиной, почти до края. К счастью берег был недалеко, нам удалось выбиться к нему и вылить воду из лодки.

Несколько ниже Лошкалаха в Аян-юрях слева впадает большой приток Берелех. Он идет к хребту Черского и сходится верховьями с Нерой. От устья Берелеха видны были на востоке отдельные высокие горные группы и передовые цепи хребта Черского, который нам предстояло пересечь. Аян-юрях все уходил на юго-восток. Немного ниже Берелеха находится его слияние с Кулу (Кулу — тунгусское название Колымы; когда-то, до появления здесь якутов и русских, вся река называлась Кулу). Таким образом истинные верховья Колымы, если придерживаться старого названия, уходят к югу. Но в настоящее время название Колыма постепенно распространяется все выше к истокам, и часто якуты называют этим именем даже весь Аян-юрях. Кроме того Кулу и меньше Аян-юряха. По моим измерениям на месте слияния ширина Аян-юряха 120 м, а Кулу 80 м. Можно считать, что эти две реки — почти равноправные истоки, и от них собственно начинается Колыма.

От устья Кулу долина Колымы все более расширяется и в ней еще больше островов и протоков. Но здесь уже возможно плавание на небольших судах, самые мелкие перекаты имели во время моего проезда глубину 0,80 м. Поселения якутов все еще редки — до Оротука я насчитал только четыре юрты. Якутские юрты почти никогда не бывают расположены на берегах рек, они стоят в стороне, где-нибудь около озера или среди лугов, и с реки вы их никогда не увидите; поэтому о существовании этих юрт можно было судить только по рассказам Сивцева.

Ежедневно к вечеру мы останавливались на отмелях и ставили маленькую палатку из коричневой шелковистой материи. Эта норвежская палатка, так же как немецкая лодка, казалась игрушечной среди суровой природы Колымы. Казалось, что в них нужно внести какой-то корректив. И действительно, чтобы не продавить тонкого каркаса лодки, вскоре пришлось настилать на дно ее брезент и куски фанеры. Норвежская палатка во время продолжительных дождей стала протекать, и так как к ней был пришит наглухо пол, то вода в большом количестве скопilas внутри, на наших постелях; пришлось во время дождя натягивать над ней брезент. Но палатка имела одно большое преимущество: у нее был круглый вход, наглухо затягивающийся шнурком. Уже появились комары, которые очень мучили нас, поэтому мы благословляли судьбу, когда можно было залезть в палатку, задернуть и завязать входное отверстие.

20 июня мы доехали до Оротука. Это главный центр всей верхней Колымы, здесь имеется 20 юрт. Все они расположены также в стороне от реки, на значительном расстоянии, и я видел только одну юрту казенного перевозчика. Перевозчик этот оплачивается местным обществом и должен перевозить в своей ветке груз путников, едущих из Оротука на север.

В Оротуке Сивцев нас хотел оставить, и поэтому вместе с Аггеем он отправился в самую богатую юрту искать нам проводника через пороги. На наше счастье как раз в это время сюда приехал Степан Дягилев, плававший через пороги. К вечеру он пришел к нам на берег. Это был очень черный и мрачный якут высокого роста. По его словам он спускался по порогам только один раз по весенней воде на плоту и не знал, можно ли пройти их на лодке. Он посоветовал нам лучше сделать плот и спуститься на нем, а если это будет невозможно, то объехать пороги верхом. Мы должны были плыть с ним вместе до его юрты, находившейся немного выше порогов, и там выяснить окончательно, как мы двинемся дальше.

Кроме Степана я нанял в Оротуке еще одного молодого парня, Михаила Протопопова, который брался провести нас от порогов до устья Таскана и дальше до Сеймчана.

Плот лоцмана Дягилева на Колыме возле Оротука.

На следующий день мы отправились дальше, мы двое по-прежнему на клепере, а Степан с Михаилом и третьим спутником на плоту. Степан вез с собой покупки — продовольствие и какие-то железные предметы. Он — кузнец и приезжал в Оротук за 200 км, чтобы сдать и получить заказы. Через несколько месяцев для сдачи заказов он вернется в Оротук. Его плот был настолько мал, что пассажирам приходилось стоять.

Тотчас ниже Оротука Колыма вступает в извилистое ущелье. Она прорезает здесь одну из первых цепей хребта Черского. Это ущелье состоит из гранитных гор с громадными осыпями; лишь кое-где на склонах сохранились гранитные столбы причудливой формы, так называемые кигляхи (от слова кити — люди). Берег реки завален громадными глыбами гранита. Здесь нет еще порогов, встречаются только небольшие стремнины, камни у берегов и течение быстрее.

На второй день мы вышли из этого ущелья на юг, к расширению у устья правого притока Колымы — Тянка, где находится еще одно якутское поселение — четыре юрты, раскиданные в пойме между продолговатыми озерами.

Здесь я еще раз поднялся на высокую вершину, чтобы увидеть западную окраину хребта Черского. Хорошо было видно, что в верховьях Тянка, юго-западнее, между хребтами Черского и Тас-кыстабыт, лежит обширное плоскогорье не выше 1 500 м, а Тянка течет в широкой долине среди мелкогорья. Болота уже

Пороги Колымы.

совершенно оттаяли, и поэтому подъем на горы не был особенно приятен. Сначала надо было подниматься по крутому склону, который тем не менее также был покрыт глубоким мохом, в котором вязнет нога. При этом кругом густой тучей летали комары и слепни, и нужно было идти в сетке и перчатках. На вершине горы можно было найти между камнями кустики брусники с сохранившимися прошлогодними ягодами.

Тотчас ниже впадения Тянка Колыма уходит на север, опять прорезая тот же гранитный массив. Здесь уже появляются первые шиверы, предтечи будущих порогов, пока еще не очень опасные. Ниже ущелья — новое расширение с более низкими горами. Здесь опять несколько якутских юрт в урочище Санга-талон (новая долина). Отсюда ведут самые короткие зимние дороги на Охотское море: одна прямо на юг (если дорогой можно назвать направление, по которому раз в несколько лет проедет одна нарта) по Дедрину, притоку Колымы, другая — на юго-восток.

И на юге и на севере от Санга-талон возвышаются отдельные горные массивы. Это цепи хребта Черского с гранитными ядрами, которые благодаря длительной эрозии отделены друг от друга и высятся в виде отдельных групп. Более низкие из них с округленной поверхностью, а самые высокие, достигающие 2 000 м, сильно расчленены и представляют настоящие альпийские формы. Самая красивая из них — это Большой Ангачик, тянувшийся в виде гребня, расположенного перпендикулярно к

реке. Это одна из самых красивых горных цепей, которую я когда-либо видел. К сожалению время не позволило пробраться к ней поближе и сфотографировать ее изумительные пики и скалы. Не только в крутых цирках между вершинами, но даже на пологом подножье этой цепи лежал еще снег.

Ниже Большого Ангачика Колыма идет по узкой долине, часто по ущелью, окруженному обрывами глубоких террас. Эти террасы — обычное явление на Колыме; начиная с самой нижней, около 10 м высоты, их можно насчитать несколько на высоте 20, 40, 80, 100 и даже 200—250 м. Самая верхняя из них, на высоте 400 м, отмечает древний уровень эрозии, ту поверхность, по которой когда-то текли реки и двигались древние ледники.

В одном из маленьких расширений этой узкой долины, на террасе среди лиственниц расположена юрта Дягилева. Здесь мы остановились ночевать и условились о дальнейшем плавании. Скрепя сердце Дягилев согласился везти нас вниз через пороги не на плоту, а на лодке с условием, что лодку он сплавит пустую под берегом. Он продал нам одну из своих долбленых душегубок, конечно самую плохую, немножко кособокую.

До начала порогов Колыма идет в мрачных ущельях. Их мрачность еще увеличивалась тем, что начались дожди, тучи спустились низко и закрыли всю верхнюю часть гор. Нам пришлось остановиться перед началом порогов (Степан не решался начинать спуск во время дождя), на устье маленького ручья, который носил многообещающее название Юкон. Наискосок выше лежала речка с не менее пышным названием—Конго. Может быть когда-нибудь эти Юкон и Конго станут не менее знамениты, чем их случайные тезки, — ведь вся эта часть Колымы принадлежит к новому золотоносному району.

На следующее утро дождь не прекращался, и наша палатка постепенно наполнялась водой, которую мы выливали через патентованный выход при помощи тарелки. Только в полдень Степан решился выступить дальше. В нескольких километрах ниже Юкона началось ущелье порогов. У входа в него высятся на одной стороне гранитные башни, носящие название «Ампар-тас» (амбар-камень), а напротив, у устья бурного ручья, с пеной скальвающегося по крутому руслу, лежит большая наледь.

Ниже первого порога Степан решил заночевать — все еще шел дождь, и он не решался идти дальше. Весь вечер мы сидели у костра, греясь и просушивая одежду, а Степан рассказывал нам о своих приключениях. Особенно живо он передал рассказ о встрече с медведем. Медведь напал на него, когда с ним был только нож, который якуты никогда не оставляют. Медведь схватил его за плечо, но Степан догадался захватить медведя левой рукой за морду, затем вытащил нож и заколол его. В дока-

зательство Степан завернул рукав рубашки и показал глубокий шрам на левом плече.

На следующий день мы начали проходить остальные пороги. Степан с Михаилом и третьим помощником переносили груз по берегу и затем осторожно проводили челнок между прибрежными камнями. Ущелье порогов — в сущности не совсем ущелье в точном смысле этого слова. Так же как и предыдущие гранитные ущелья Колымы, оно состоит из крутых гранитных гор с большими осыпями, и лишь кое-где среди осыпей торчат кигилихи. Подножие гор у воды завалено громадными глыбами гранита, но все же всегда можно пробраться вдоль реки пешком.

Порогов всего пять, и между ними несколько шивер. Они расположены на протяжении 10 км, так что промежутки со спокойной водой очень незначительны. Самые опасные из этих порогов — первый и пятый; здесь река очень узким потоком, в несколько десятков метров ширины, ударяет о правый берег и затем поворачивает вдоль него, образуя громадные валы. Вдоль левого берега большая часть ширины реки занята гранитными глыбами, торчащими из воды. Эти два порога для больших лодок опасны тем, что вдоль левой стороны на лодке пройти нельзя, а в правой части течение тащит на утесы, и отгрезиться от них очень трудно. В маленькой же лодке плыть по большим валам опасно.

Мы проводили лодку Степана вдоль левого берега, клепшер же я постарался спустить в некоторых порогах по главной струе. Но так как на них были слишком большие валы, которые могли перевернуть байдарку, я проскользнул на краю струи, там, где она образует покатую поверхность к каменистой части. В первом и пятом порогах пришлось держаться все же ближе к левому берегу, среди камней. Ниже последнего порога мы заночевали. Впереди оставалась одна шивера, и Степан должен был нас провести через нее назавтра. Но утром, когда мы проснулись, оказалось, что Степан и его спутник, маленький старик якут, исчезли. Михаил так же проспал, как и мы, и ничего нам не мог объяснить. Повидимому Степану надоело возиться с нами, и он решил лучше оставить недополученную часть условленной платы, чем терять еще день.

Ниже порогов Колыма выходит из последнего гранитного массива в широкую долину, в начале которой справа впадает ее большой приток Бохалча. Эта река уходит на юг к верховьям Олы, и по ней проходит зимняя дорога к Охотскому морю. На устье Бохалчи мы увидели дерево, стесанное с одной стороны, на котором было письмо для меня, вернее не письмо, а надпись от экспедиции Геологического комитета под начальством Билибина. Он просил, чтобы мы определили здесь астрономический

пункт, так как устье Бохапчи является началом судоходного участка Колымы и здесь начались работы партии Геологического комитета. Рядом на галечнике стояла ветка. Думая, что это знак для меня, я выдернул эту ветку и бросил. Только значительно позже, на Таскане, я встретился с якутом, который был специально послан из Средникана отвезти письмо к устью Бохапчи для одной из партий Билибина. Эта ветка служила опознавательным знаком, что письмо находится поблизости, а самое письмо было заложено в искусно свернутый кусочек бересты и засунуто под кору соседнего дерева.

Река Колыма у Бохапчи, так же как и последняя, прорезает свое русло в десятиметровой террасе, образуя широкое дно долины. Терраса эта в нижней части состоит из отвесных утесиков, сложенных пластами сланцев, и песчаников, поставленных на голову, а в верхней части из галечников. К этой террасе приурочены золотые россыпи в Колымском районе. Золото находят как в нижней части галечников над коренной породой, так и в самих сланцах, верхняя часть которых подобно щетке задерживала крупинки золота.

Ниже Бохапчи долина Колымы расширяется до десяти километров. Дно ее покрыто болотами, и кое-где, где терраса обнажена от леса и мха, видно, что на галечнике лежат громадные валуны гранита, принесенные недавно ледниками из гранитных массивов ближайших частей хребта Черского.

В сущности у Бохапчи кончается самый суровый горный участок Колымы, потому что восточные цепи хребта Черского, которые пересекает дальше река, разделены широкими плоскими долинами больших притоков Колымы. Сами цепи расчленены уже эрозией на отдельные, сравнительно короткие гранитные гряды с острыми вершинами. Человеку, плывущему по реке и плохо ориентирующемуся в окружающей местности, трудно будет понять, что он все еще пересекает хребет, тянувшийся в юго-восточном направлении. Общая ширина хребта в том месте, где его прорезает Колыма, равняется 250 км — его можно скорее назвать даже горной страной.

От устья Бохапчи Колыма течет в одном русле, без островов, имея то по левую, то по правую сторону низкие и длинные утесики-террасы в виде многочисленных каменных стенок. Только от устья следующего большого притока, Дебина, начинаются снова острова, покрытые строевым лесом, сосной и тополем. До сих пор, начиная от самого Оротука, в узких ущельях Колымы мы не видели другого леса кроме плохой горной лиственницы, растущей на склонах. Редко, редко попадался белый ствол ик березы.

Дебин течет в такой же широкой долине, как и Колыма. Когда мы выезжали из Оймекона, предполагалось, что наш караван выйдет к устью Дебина. Но потом выяснилось, что сеймчанская тропа, единственная здесь существующая, пересекает Дебин в слишком далеком расстоянии от устья и пройти по нему вниз почти невозможно из-за больших болот. Другой вариант — пройти по тропе вдоль левого берега Колымы, огибая пороги по боковым долинам, представлялся не менее трудным из-за ряда тяжелых перевалов и большого удлинения маршрута; поэтому пришлось отнести место встречи с караваном еще далее на восток, к устью следующего большого притока Колымы — Таскана.

Устье Таскана должен был нам показать наш новый проводник Михаил Протопопов, которого мы взяли с собой из Оротука. Это был маленький, очень медлительный и флегматичный якут, который уже от самого устья Бохачи стал обнаруживать полное незнание местности. Между тем найти устье какой-нибудь реки здесь бывает часто довольно трудно из-за множества островов: никогда не знаешь, что это — река или только протока. У нас была с собой карта Шарина и Малкова, и мы надеялись, что с ней мы как-нибудь отыщем устье Таскана, так как против него находится длинный узкий хребет Басаканья. Во время обеденного привала у подножия Басаканьи, когда я предлагал перейти на левый берег и идти по самым крайним левым протокам, Михаил успокаивал меня, говоря, что до устья Таскана еще далеко — не менее 10 км. Но вскоре после того мы все-таки по моим настояниям подошли к левому берегу, и поплыли вперед, отыскивая левую протоку. Михаил, плывший на своей ветке отдельно, стал вдруг кричать, что из протоки выходит другая вода и что может быть Таскан остался позади. Он попробовал выйти на берег и пройти немного влево, но там была непроходимая болотистая тайга.

Мы проплыли еще немного дальше, пока река не подошла опять к подножию Басаканьи, и я взобрался на несколько сот метров по ее склону, чтобы увидеть Таскан. Передо мной открылась широкая плоская долина Таскана, уходящая на север. Далеко на северо-восток лежала высокая скалистая гряда, отделяющая Таскан от Сеймчана, последняя восточная цепь хребта Черского — Тоннах. Перед ней тянулась широкая полоса предгорий, разделенных на плоские увалы долинами притоков Таскана и Колымы, а уже западнее, кое-где среди тайги, в широкой долине блеснули изгибы Таскана.

Левый берег Колымы за пределами прибрежных лесов был покрыт пестрыми болотами.

Надо было возвращаться обратно; мы понуро впряглись в бичеву и потащили свои лодки вверх по течению. Пришлось прой-

Проводники оймеконцы пьют чай.

ти 6 км, пока мы дошли до той протоки, из которой выходила светлая вода. Только что мы остановились передохнуть, как неподалеку раздался стук топора. Аггей несколько раз выстрелил из ружья. Сейчас же в ответ раздались совсем близко выстрелы, и через несколько минут из-за тальников показалась ветка. Но это были не наши спутники. В лодке сидели уполномоченный Союззолота В. (от которого мы принимали лошадей в Оймеконе) и два незнакомых якута. Оказалось, что наш караван не мог дойти до устья Таскана из-за отсутствия дороги и болот и остановился на нем в 20 км выше. Один из местных якутов был послан к устью Таскана, чтобы караулить нас здесь и показать дорогу до стоянки.

Мы провели с В., который собирался на следующий день плыть на плоту в Средникан, весь вечер, и он рассказал нам последние новости Оймекона и Таскана. Утром его спутники сделали плот из сухих тополей, и В. вдвоем с одним из якутов отплыл в Средникан, а мы потянули свои лодки вверх по Таскану.

После Колымы Таскан показался нам очень маленьким, но это довольно большая река, достигающая 300 км длины. Подниматься по ней было очень трудно — все время встречались мелкие острова, покрытые тальником, быстрые протоки, завалы, мешающие подниматься бичевой и толкаться шестом. За весь день мы не прошли даже 20 км, которые отделяли нас от стоянки каравана, и заночевали.

Караван остановился вблизи последних юрт тасканских якутов. Главное поселение якутов, заключающее до 14 юрт, расположено в нескольких десятках километров выше, где есть большие луга. Здесь же в глухой тайге поселилась семья братьев Сивцевых. Возле их юрт Салищев и расположился для определения астрономического пункта.

Путь нашего каравана по Сеймчанской тропе, которая срезает большое колено Колымы к югу между устьем Берелеха и Таскана, был очень труден. Попрежнему приходилось все время отыскивать лошадей — ямщики ни за что не хотели треножить лошадей, да это было почти и невозможно: в Оймеконе мы не могли достать достаточного количества волосяного аркана для пут, а делать веревочные путы в болотах очень опасно, так как в воде путы стягиваются и портят лошадям ноги. Поэтому проводники предпочитали отпускать лошадей на свободу и утром отыскивать их по следам. Кроме того до 15 худших лошадей шли без груза и их гнали маленьким табуном, который все время разбегался по сторонам в поисках за лучшим кормом или за легкой дорогой. Иногда часть этого косяка убегала совсем. Большой частью караван выступал в дорогу только после полудня, и кто-нибудь из проводников еще оставался позади, чтобы отыскивать убежавших лошадей. К тому же начали оттаивать болота. Когда мы вышли из Оймекона, они были еще крепки и легко проходимы, а к началу июля растаяли совершенно. Пошли дожди, и передвижение день-от-дня становилось труднее. Наконец появились в большом количестве комары и слепни. Несколько сухих выдержек из журчала экспедиции, который вел на этом пути Салищев, будут лучшей иллюстрацией той борьбы, которую пришлось вести ему и его спутникам.

«23/VI. От р. Джебыласкалар до стана на р. Дебин (20 км). Выступили только около двух часов, так как половина лошадей из-за худшего, чем обычно, корма ушла обратно в долину р. Сусумана, больше чем за 10 км. Одна лошадь не найдена. Искать ее оставлен Василий Скрыбыкин».

«24/VI. К утру возвратился Скрыбыкин. Пропавший конь не найден. Утром же опять отправились на поиски Скрыбыкин и Полатырев...».

«25/VI. Утром вернулись Скрыбыкин и Полатырев. Конь найден в верховьях Сусумана (около 40—45 км от стоянки на Дебине).

Поимка лошадей начата в 6 час. утра, выступление около 11, так как опять потерялись пять лошадей. Последние две найдены после ухода связок. В пути этого дня — перевал с Дебина на притоки Таскана. В начале подъема на перевал тропа лепится по осыпи склона одной из гор; на этом участке у Платона Его-

Брод в долине Таскана.

рова оборвалась и скатилась вниз, в русло пересохшего ручья, половина связки. Лошади целы. Содержание ящиков не просмотрено. Вторая половина подъема — по пологой долине, где серьезные бадараны чередуются с горами валунов. Спуск — более крутой, чем подъем — представляет собой сплошной бадаран».

«26/VI. От ур. Чачаг-уйета до стана на р. Мылгы у устья Кресь-юрюя (23 км). Выступление в одиннадцать часов. Тропа, идущая вначале по долине речки Негаях, вскоре сворачивает в долинку ручья, впадающего в Негаях справа, где и начинается подъем на перевал к Тарын-юрях, считающийся одним из худших участков пути. Подъем крутой, но сухой, пройден легко. На спуске же, где тропа долгое время лепится по склону горы, так как верховье долины Тарын-юрюя сплошь завалено крупным валуном, опять сильно побит ряд выюков: они на крутых спусках слезали вместе с бото через шею лошади или, где на тропе крупный щебень сменяется промоинами с грязью, падали вместе с лошадьми».

«29/VI. От Болар-толон до ур. Таскан (24 км). Ночью начался сильный дождь, окончившийся только поздно вечером. Путь этого дня, считаемый у местных жителей из-за бадаранов одним из самых плохих, едва проходим после дождя. Многие выюки пострадали. Ящики № 51 и № 66 затонули в одном из бадаранов. Когда их вытащили, они были полны воды. Последний перевал (через гору, подмываемую Мылгы) совершен благо-

получно. Уже в долине Таскана, в одном из бадаранов лошадь сильно поранила себе грудь, во время судорожных прыжков наткнувшись на острый конец упавшего дерева. Возможность удачного перегона ее в Средникан под сомнением».

«30/VI. Остановка на ночлег около 10 часов вечера. Пройдено 10 км. Люди и лошади измучены; все выюки побывали в воде. Ряд якутских ящиков (№ 53 и др.) разбит. Из последнего бадарана у стана сильную лошадь выгаскивали пять человек около часа.

Ночлег на левом берегу р. Хатыннаха. Вспухшая после дождей, она непроходима сейчас в брод. Однако вода начинает спадать, и возможно завтра брод удастся».

«1/VII. От р. Хатыннаха до стана в 2 км выше устья Эльгян (22 км). Брод через реку Хатыннах сделан возможным только в конце дня. Совершен с трудом — на вязком спуске лошади с выюками падали в воду».

«На 10—12-м километре подошли к речке Оссибитэ, представляющей собой узкую канаву с слабым течением. Этот опасный брод с вязким дном и большой водой, достававшей до верха выюков, пройден благополучно. Во втором часу ночи подошли к последним юртам в долине Таскана, лежащим за речкой Эльгян. Брод через нее не удался. Возвратились назад 3 км до ближайшего корма. Проводник заявил, что из-за большой воды брод через р. Ат-юрях, лежащую на нашем пути в 15 км от Эльгяна, в ближайшие дни невозможен».

Путь, по которому проехал караван, представлял много интересного. Отсюда Салищев мог хорошо видеть ту часть хребта Черского, которая лежит к северу от Колымы, и убедиться в том, что она состоит также из ряда параллельных цепей, уходящих на север — северо-запад. Каждая из этих цепей разобщена эрозией на отдельные группы с гранитными массивами в центре, распадающимися на высокие альпийские гребни. Между цепями лежали широкие болотистые долины, по которым когда-то спускались ледники. Пьедестал вблизи цепей нередко был выглажен ледниками, полого спускался во все стороны, и только в нескольких километрах от подножия начиналось мелкоегорье, в котором ледник проложил глубокие и широкие долины, заваленные большими валунами гранита.

Этот маршрут был интересен и в практическом отношении. Удалось выяснить, что, так же как и по нашему южному пересечению, по северному во всех почти речках есть признаки золота.

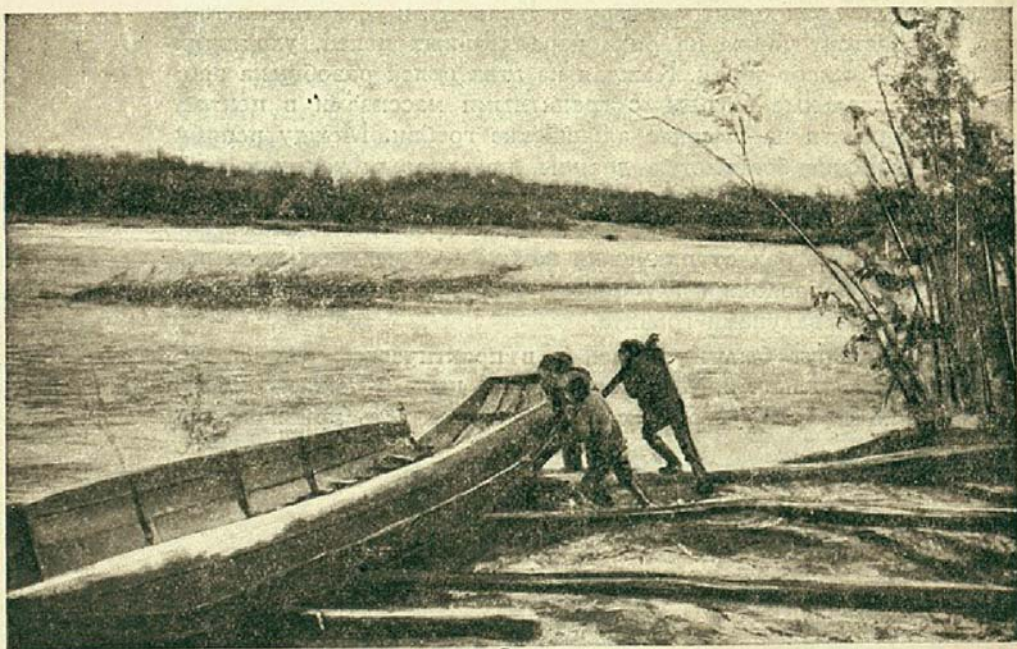

VII. ПО НОВОМУ ЗОЛОТОНОСНОМУ РАЙОНУ

Когда наш караван начал спускаться на юг по правому берегу Таскана, стало ясно, что достигнуть его устья невозможно, — этому мешали разлившиеся многочисленные речки, притоки Таскана, превратившиеся в узкие глубокие илистые каналы, не проходимые вброд; почти непреодолимое препятствие кроме того представляли тайга, особенно густая близ реки, и болота. Поэтому пришлось остановиться 20 км не доходя до устья, у последней юрты поселений Таскана. Нужно было выбрать хорошее место на берегу Таскана, с достаточным количеством строевого леса и удобной площадкой для постройки большой лодки. Место это выбрал Михаил — наш главный судостроитель. Он долго ходил с одного места на другое, проклиная жару, комаров, болота и тайгу, пока наконец не остановил свой выбор на большой лиственничной роще на правом берегу Таскана. Это было довольно унылое и дикое место на крутом обрыве террасы, которую все время подмывала река. Здесь, на покрытом тальником склоне, и была устроена верфь.

Предстояло построить большую лодку, которая подняла бы больше $3\frac{1}{3}$ т груза, привезенного караваном. Михаил остановился на ленском типе лодки — большая плоскодонная посудина с острым носом и кормой; длина ее должна была равняться 10 м, а ширина 3 м. Для лодки предстояло заготовить длинные доски

Спуск новой лодки экспедиции на р. Таскане.

и целый ряд упругов (шпангоутов). Для последних надо было отыскать среди завалов на берегу реки подходящие коры. Для пилки досок мы захватили с собой продольную пилу, но первый же опыт показал, что в это время года пилить лиственницу продольной пилой почти невозможно: дерево слишком вязко благодаря обилию смолы. Можно было пилить только тополя, доски из которых решили ставить вперемежку с лиственничными для облегчения веса лодки. Больше половины досок было добыто первобытным путем: дерево раскалывалось вдоль клиньями, и затем каждая половина обтесывалась в толстую доску.

Вся эта работа сейчас, в самую жаркую пору, была довольно тяжела, тем более что приходилось работать все время в сетках и толстых рубашках — комары не давали нам ни минуты покоя.

Пока строилась лодка, все время стояла сухая погода. Уровень воды в реке падал, и мы каждый день с ужасом думали о том, что до осени может быть нам не удастся выбраться с Таскана из-за его мелководья.

На верфи сначала появился большой толстый кильсон, к которому присоединились вскоре изогнутые коры для носа и кормы. Затем к ним были прибиты поперечные упруги, сделанные из корней лиственницы. После этого остов стали обшивать досками, загибая их жомом, сделанным из двух жердей. Потом появились борта, и лодка была почти закончена. Предстояло ее конопатить. Это было довольно скучное занятие — надо было залезать под лодку и, лежа на спине, забивать паклю плоской конопаткой в пазы. После этого заварили пазы варом и лодку осмолили. Наконец наступил торжественный день 22 июля, когда можно было спускаться. С большой осторожностью, под постоянные окрики Михаила, который боялся, что мы слишком расшевелим лодку и лопнет вар, стягами спихнули лодку со ступеней. Она легко соскользнула и поплыла. Я побежал скорее вниз, чтобы снять, как она выплывет из затона и подойдет к месту, которое мы назначили для пристани.

К вечеру того же дня вар стал вздуваться пузырями — при жаркой погоде он приставал плохо; кроме того Упрышкин сделал его слишком жидким. Все это привело к тому, что вода стала выступать снизу сквозь пазы. Опять пришлось вытаскивать лодку на берег и заваривать ее еще раз. Только через два дня мы наконец смогли покинуть место нашей трехнедельной стоянки.

Отплывали мы опять без проводника, потому что в горячую сенокосную пору никто не согласился сопровождать нас до Средникана, а якута Михаила, нашего горе-проводника из Оротука, не было смысла везти дальше.

Удалось только уговорить Сивцева провести нас до устья Таскана.

До самого устья мы прошли благополучно, сев на мели только три раза, но каждый раз с них очень быстро снимались. К вечеру казалось, что все препятствия Таскана уже пройдены, и мы заночевали в той из протоков Колымы, где Михаил когда-то увидел тасканскую воду. Но утром оказалось, что эта протока после падения воды потеряла связь с Колымой и представляет устьевую и при этом очень скверную часть Таскана. Не проехали мы 1 км от ночевки, как попали на необыкновенно широкий и мелкий перекат. Он тянулся наискосок, и после того как мы благополучно отгреблись от его правой части, мы очень основательно сели на мель у левого берега. Здесь нам суждено было провести весь этот день. Вскоре пошел проливной дождь, и до 4 часов вечера мы всячески старались протащить нашу громадную лодку через мель. Сначала поднимали лодку стягами, потом стали заводить «оплеухи» — большие доски, которые ставятся наискось к течению с тем, чтобы вода бросалась под лодку и поднимала ее. Это не помогало, и мы пробовали прорывать лопатами каналы в гальке для прохода лодки, но быстрое течение сейчас же завалило углубленную часть дна снова. Наконец пришлось прибегнуть к самому решительному способу и начать свозить груз на берег. После того как мы свезли половину груза и совершенно при этом промокли, лодка наконец тронулась; тотчас же пришлось остановиться на ночлег и начать сушиться.

На следующий день мы выплыли на главный фарватер Колымы и двинулись дальше почти без приключений.

От Таскана до Сеймчана, в пределах последних двух восточных цепей хребта Черского, Колыма образует большие колена, подмывая плоское плато в 400 м высоты. Здесь на Колыме довольно много островов, но долина ее сравнительно узка. Сама река течет или одним мощным потоком в 200—300 м ширины, или разбивается на несколько крупных протоков. Острова покрыты хорошим строевым лесом, а на берегах попрежнему то справа, то слева чередуются обрывы террас.

На второй день после Таскана мы увидели на правом берегу реки, на устье небольшой речки, палатку. Когда я приплыл в своем клеппере (мы с Агтем всегда отставали — я останавливался для осмотра всех прибрежных утесов), наши спутники разговаривали с каким-то неизвестным русским. Это был один из рабочих экспедиции Геологического комитета, а начальника этой экспедиции, горного инженера Билибина, я нашел в палатке.

Билибин со своими сотрудниками приехал в прошлом году с Охотского побережья на Колыму в новый золотоносный район.

Приисковая контора на р. Средникане.

Здесь его четыре партии работали зимой, а весной он отправился вверх по Бохалче, для того чтобы доставить продовольствие, недостаток которого зимой остро чувствовался на приисках. Самым тяжелым препятствием для разработки Колымских приисков является пока ненадежность транспорта, в результате чего создается чрезвычайно острое положение с питанием. Особенно тяжела в этом отношении была зима 1928/29 г. Весной благодаря энергии Билибина удалось сплавить по Бохалче около 35 т груза, и прииски были обеспечены на ближайший год. Груз был сплавлен на маленьких паузках, очень грубых утюгообразных посудинах. Сама Бохалча, так же как и Колыма, пересекает гранитные массивы хребта Черского и образует множество порогов, поэтому сплав по ней, даже по весенней воде, довольно труден. Билибин уже кончал свою работу и осенью должен был выехать на Охотское побережье. Я привез ему совсем свежую почту, которой от роду было всего семь месяцев, но это была первая почта, которая вообще пришла к нему с тех пор, как он выехал полтора года назад из Ленинграда.

На следующий день у левого берега показалась тяжело нагруженная лодка с несколькими людьми и двумя собаками. И люди и собаки представляли очень странное зрелище для Колымы: люди были одеты в широкополые шляпы, высокие резиновые сапоги с раструбами, ковбойские рубашки; у одних были завязаны на шеях яркие платки, у других головы были обяза-

ны цветными платками. Они были похожи на приискателей, которые выводятся в калифорнийских и клондайкских романах. Это были рабочие из партий Билибина, которые закончили экспедиционную работу и отправились в качестве первых приискателей на только что открытую этой экспедицией новую золотоносную речку Утиную в нескольких километрах выше по течению Колымы.

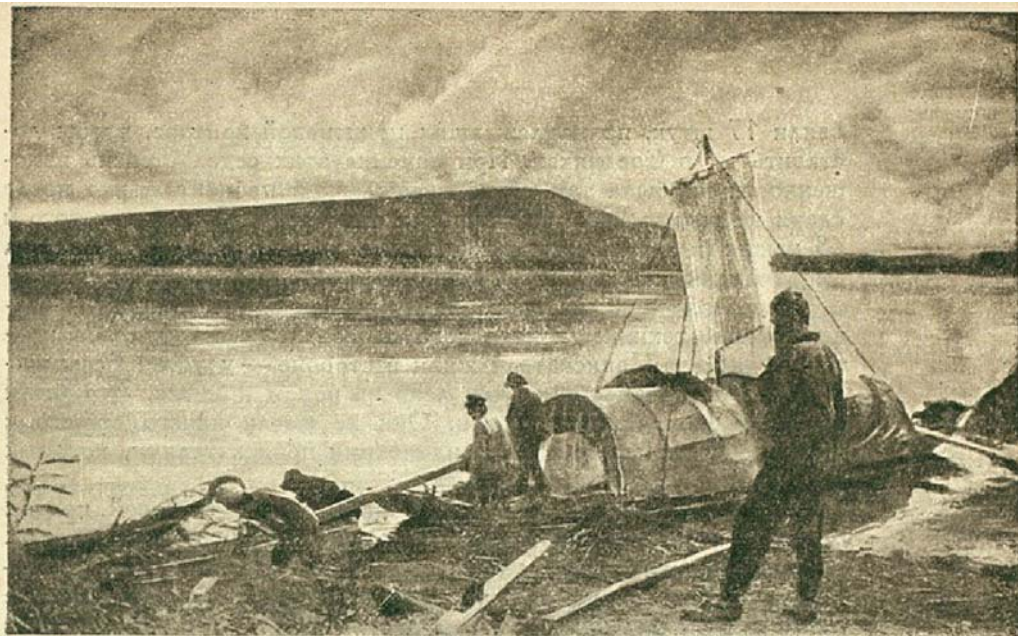
Еще через два дня мы достигли наконец Средникана—этого будущего центра золотоносного района. На устье бурной речки стояли амбар и несколько палаток, а у берега те паузки, на которых недавно приплавляли продовольствие. Самые приiski находятся выше по р. Средникану, в 10 и 16 км от устья. У уполномоченного приисковой конторы мне удалось достать двух лошадей, и с Аггеем мы выехали на приiski. Путь шел по грязной и разбитой тропе, по болотистому лесу левого берега Средникана.

Нижний прииск в 10 км от устья тогда только начинал обстраиваться. В густом лесу стояло несколько бараков с марлей, натянутой в окнах, а в лесу были раскиданы ямы, полные воды, — это шурфы, сулящие груды золотого песка. Немного дальше лес был уже сильно вырублен — здесь была у устья Безымянного ключа более старая приисковая площадь. Тут расположен главный стан — «резиденция», как говорят в Сибири, — несколько домов русской стройки с крышей, несколько палаток и амбары.

Средниканские приiski возникли сравнительно недавно, в 1926 г., когда партия хищников нашла здесь золото. Сначала здесь работало несколько человек, которые сбывали золото в Оле. В 1928 г. было организовано приисковое управление Союззолота, которое и приехало в конце 1928 г. вьючным путем с Охотского побережья. В это время здесь работало 25 человек хищников. Новый управляющий объявил, что прииск считается государственной собственностью и в разработку нужно брать площади у конторы на определенных условиях. С тех пор разработки ведутся уже со сдачей участков через контору.

Старая площадь у ключа Безымянного имеет довольно унылый вид. Здесь множество ям глубиной в несколько метров, из которых выбран галечник и свален вокруг громадными кучами. Золото добывалось здесь с поверхности щетки сланцев, лежащих под галечником, и в сущности эта кустарная разработка не выбрала всего золота, а только испортила площадь. При тех условиях, в которых встречается золото на Колыме, наиболее рациональна была бы разработка больших площадей механизированным путем с очисткой всей площади сразу от верхнего пустого галечника (торфа). Такая разработка и предполагается теперь в связи с проектируемым освоением Колымского района.

Колыма у Сеймчана.

Во время нашего проезда на приисках работало не более 100 человек; в 1930 г. прибавилось еще 60 человек. Вскоре большая часть приискателей перешла на Утиную, где условия работы оказались легче. В ближайшем будущем намечено развернуть исследования района и разработку его полезных ископаемых в широком масштабе. Уже в 1931 г. в этот район под начальством того же Билибина выехало несколько геологопоисковых партий, а в 1932 г. производится новое расширение геологоразведочных работ.

Нас приняли в приисковой конторе очень радушно, угостили чудесным белым хлебом, какого мы давно не ели. Еще в предыдущем году по распоряжению Якутской комиссии Академии наук было завезено в Олу продовольствие для нашей экспедиции. Оно должно было быть переброшено в Средникан или Сеймчан, но его присоединили к общим грузам Союззолота, и частью оно исчезло, а частью осталось лежать в Оле.

В Средникане мне предстояло еще закончить сдачу лошадей. Мы передали их по акту ямщикам еще на Таскане, но окончательно оформили все дело с приездом уполномоченного. Я подписал бумагу, что груз привезен и что Союззолоту, которое ассигновало часть средств на нашу экспедицию, надлежит уплатить за эту перевозку. Контора же составила очень остроумный акт о приемке выючных седел и потников: в Оймеконе кроме выючных седел, которые были заготовлены специально для нас, мы

взяли 17 штук, принадлежавших приисковой конторе, чтобы доставить их в Средникан. При приемке этих седел степень изношенности их была так точно вычислена в процентах, что после сдачи не только всех седел приисковой конторы, но сверх того и 43 наших мы должны были уплатить конторе еще 78 рублей за амортизацию конторского имущества!

Население прииска состояло из нескольких служащих — заведующего, техника, конторского персонала и сотрудников партии Билибина. Приискатели жили в стороне — у устья Безымянного, на старой площади и в лесу на новом прииске. Это были обычные сибирские старатели. Они не имели ничего общего с теми романтическими джек-лондонскими приискателями, которых мы встретили около устья Утиной.

Немного ниже Средникана впадает справа большой приток Колымы — Буянда. Отсюда начинается среднее течение реки. Хребет Черского остается позади, долина расширяется до 10—14 км, река разбивается на множество проток. Это расширение Сеймчана — благодатное место с тучными лугами по местным понятиям и с кочковатыми болотами — по нашим.

Самый Сеймчан — поселение, состоящее, как обычно, из нескольких юрт (около 20), раскиданных далеко в стороне от реки, на лугах и у маленьких озер поймы. Среди них заброшенная церковь и дом священника, служащий теперь складом для кооперативных товаров. Мы остановились в Сеймчане, чтобы поставить на свою лодку брезентовый верх, который избавил бы нас от необходимости терять время на ежедневную постановку палатки. Кроме того мы поставили мачту и наладили парус, чтобы облегчить себе работу в нижней части реки, где предстояло плыть по большим плесам с тихим течением и возможно с сильными ветрами. Уже в Средникане некоторые старожилы пугали нас, что дальше плыть на нашей лодке очень опасно, что нужно иметь борта не меньше 1 м высотой, потому что ветер разводит очень сильные волны, особенно вблизи утесов. Но эти рассказы оказались баснями, и наша лодка превосходно дошла до Среднеколымска.

Из Сеймчана видны на западе высокие гребни Тоннаха. Здесь кончалась страна, для которой можно было дать схему строения на основании имевшихся работ и исследований.казалось, что цепи хребта Черского пошли уже на юг, к Охотскому водоразделу. Что же простиралось на восток — Колымские ли горы, нарисованные на карте, идущие на север между Колымой и Омолоном, или какие-то новые хребты, параллельные Охотскому водоразделу, как я предположил в 1926 г.? Пока на востоке было видно только волнистое плато с округленными вершинами.

VIII. ОТ СЕЙМЧАНА ДО СРЕДНЕКОЛЫМСКА

Мы пробыли в Сеймчане два дня, проведя их в поисках проводников. Опять никто не хотел ехать с нами во время сенокоса: сенокос у якутов продолжается почти все лето, они косят медленно, а накашивают в общем так мало, что сена хватает только для коров; лошади пасутся всю зиму на подножном корму, выкапывая траву из-под снега.

Пришлось плыть дальше снова без проводника. В 14 км ниже Сеймчана вдруг раздался характерный звук мотора. Сначала ничего не было видно ни на реке, ни в воздухе; затем из-за поворота показался моторный катер. Оказалось, что это экспедиция Наркомвода под начальством И. Молодых, работавшая второй год на Колыме и часть сотрудников которой сейчас возвращалась домой через Средникан на Олу. Это был первый катер, который поднялся в среднее течение Колымы, — до сих пор катеры доходили только до Верхнеколымска. Нельзя было конечно упустить такого случая и не задержаться, тем более что у нас была свежая почта для участников экспедиции. Мы провели весь вечер вместе, угостили Молодых и его спутников кашей с компотом, которая, кажется, нашим гостям не очень понравилась, и рассказали все столичные новости, а также в свою очередь услышали много рассказов о Колымске и колымчанах.

Вместе с Молодых ехали колымчанин-моторист и проводник-юкагир с устья Коркодона. Они должны были возвращаться из Средникана в Среднеколымск на моторной лодке, и Молодых обещал, что они присоединятся к нам и будут сопровождать нас в качестве проводников до Среднеколымска.

Ниже Сеймчана на протяжении почти 100 км Колыма идет в северо-восточных предгорьях хребта Черского в узкой сравнительно долине, но у горы Шапка, повернув к востоку, она возвращается уже в окраину лежащего восточнее плоскогорья и поворачивает к северу в широкой и плоской долине. К востоку видны пологий склон плоскогорья и отдельные округлые его вершины. Здесь долина Колымы, при ширине свыше 10 км, занята сложной сетью протоков и стариц.

Все острова и прибрежная часть поймы покрыты густым лиственничным и тополевым лесом. Кроме высоких и стройных бальзамических тополей, обычных для нашего глаза, здесь нередко встречаются большие заросли чосении («корейнка» — один из видов древовидного гальника). Деревья эти достигают высоты 10 м и очень похожи на наши ивы, но с почти совершенно прямым стволом. Кроме того здесь растет несколько видов тальника; особенно любопытен один из них — маленькие де-

ревья с тонкими, прямыми, стройными стволиками, которые растут тесно один возле другого, напоминая бамбуковые заросли. В таких зарослях очень хорошо укрываться всякому зверю. В этой части Колымы медведи попадают постоянно, и за те две недели, что мы плыли от Средникана до Коркодона, мы встретили более десяти медведей. Одни из них пугливо убегали вдоль по берегу, другие с большим любопытством стояли и смотрели на проплывающую лодку — зрелище, которое они видели может быть в первый раз в жизни. Особенно интересна была одна медведица, которая стояла и глазела на нас вместе с двумя своими медвежатами. Когда кто-то из наших охотников выстрелил в нее из винтовки, она сделала изящный пируэт и скрылась в зарослях тальника, а за ней плечом к плечу побежали рыжие медвежата. В другой раз, когда мы с Аггеем подплывали к нашей большой лодке, стоявшей у берега, недалеко от нее на реку вышли два медвежонка, залезли в воду и, стоя на задних лапах, стали поливать друг друга водой. Я хотел их сфотографировать, но мой спутник был настолько взволнован, что мне удалось сделать снимок только на большом расстоянии, а потом опять началась стрельба, и медвежата убежали. Но не всегда встречи проходили с таким веселым настроением. Как-то раз на Михаила, который осматривал поставленные на ночь сети, выскочил из заросли медведь и изрядно напугал его.

На нашем клеппере мы постоянно уклонялись с главного фарватера в маленькие боковые проточки в поисках за обнажениями. Было очень интересно плыть по этим совершенно неизвестным протокам в густом лесу, видеть на отмелях следы медведей и ждать новых встреч за каждым поворотом. Иногда плавание это было не очень приятным. На Колыме очень много заломов — это большие груды леса, которые весеннее половодье натаскивает в разных местах на острова и отмели. Вступая в маленькую проточку, никогда нельзя было быть уверенным, что где-нибудь в середине ее нет залома, перегораживающего ее совсем. Случалось, что течение все ускорялось и наконец вода с ревом устремлялась в извилистый узкий проход между торчащими навстречу острыми бревнами залома, угрожавшими гибелью нашей резиновой лодочке. Как-то раз мы довольно удачно наехали на одно из таких бревен и мигом опрокинули лодку, к счастью не на особенно глубоком месте.

Среди этого лабиринта островов и протоков иногда было очень трудно найти большую лодку, которая поджидала нас дважды в день — к обеду и вечером. Мы условились с нашими спутниками, что встречи будут всегда происходить у утесов, и большей частью нам удавалось благополучно встретиться с ними как раз к обеду.

Впереди предстояла трудная задача: найти без проводника устье большого правого притока Колымы — Балыгычана. Недалеко от его устья Агафоновым, геодезистом экспедиции Наркомвода, было предположено определить астрономический пункт, но дурная погода не позволила это выполнить, и на берегу остались только просека и столб, подготовленные для наблюдений. Предстояло найти этот столб, к которому была привязана съемка реки, и определить здесь астрономический пункт. Нам повезло на этот раз, и неожиданно столб был найден — неожиданно потому, что мы несколько преуменьшили скорость течения и предполагали выйти к устью Балыгычана только на следующий день.

Балыгычан впадает в Колыму среди множества островов. В нескольких километрах от стрелки, у подножия гор, на болотистых дугах, лежит поселение якутов — всего четыре юрты, пожалуй одни из самых уединенных во всей Якутии. До ближайшего населенного пункта, Сеймчана, от них более 200 км, а до улусного (т. е. волостного) центра — Оймекона — 900 км по выючной тропе и 1 200 по реке. Тем не менее жители Балыгычана поддерживают сношения с Оймеконом, и во время нашего пребывания в последнем мы встретили там одного балыгычанца, который приехал сватать себе невесту. Незадолго до нас сюда приезжал инструктор по ликвидации неграмотности и провел там больше месяца. Недавно Балыгычан присоединен к Колымскому краю, от центра которого он также отстоит на 800 км.

Ниже Балыгычана Колыма образует любопытную двойную петлю на протяжении 10 км, прорезая узкую долину в низком и ровном плато. Дальше долина опять расширяется, справа впа-

Астрономический пункт у устья Балыгычана.

дает еще одна большая река — Сугой (Буксунда по-тунгусски и Шоудон по-юкагирски), в такой же широкой долине, как и Балыгычан. Ниже, слева, мы миновали маленькую речонку, которая на старых картах носит название Бобровой. Как мне удалось узнать через полгода, после очень долгих расспросов, у устья этой реки, называемой обычно Бургали, жило когда-то семейство юкагиров с прозвищем Буобра.

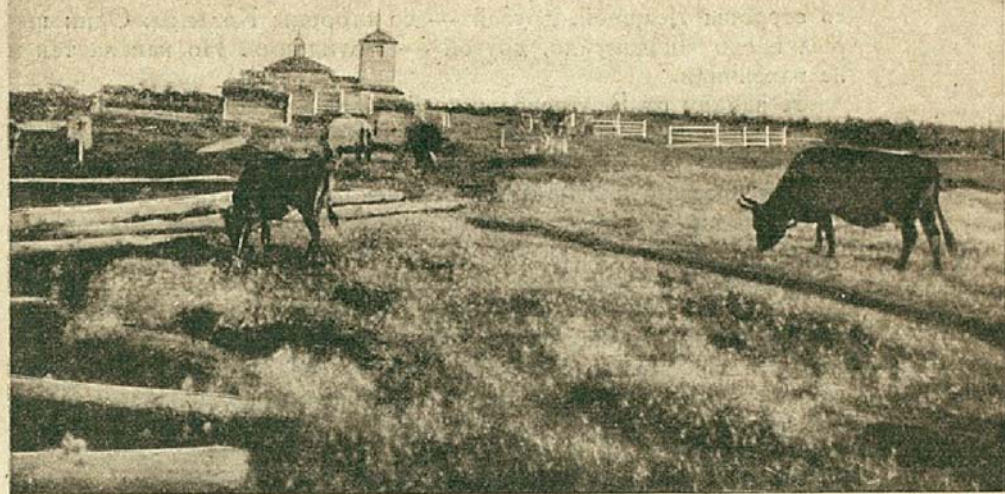
Еще немного ниже впадает справа последний большой приток, орошающий восточное плоскогорье, — Коркодон. Возле него Колыма круто поворачивает на северо-запад и прорезает палеозойскую дугу, отошедшую от хребта Черского на северо-восток. Здесь сначала слева, потом справа расположены красивые утесы известняков и доломитов белого, красного и лилового цветов, а в середине реки лежит остров с острой и высокой скалой, носящей название «Столб». Повидимому когда-то он служил местом для жертвоприношений юкагиров, на его вершине еще можно видеть остатки жертвенной кучи с камнями, рогами оленей и кусками дерева.

По юкагирскому преданию происхождение этого острова таково: «Напротив устья Коркодона есть острая гора, называемая «Большое сердце» (Чомо-чуводзэ). Это на самом деле женщина, имя которой указывает на ее доступность. «Большое сердце» была в связи с юношей Когэлгиэ — утесом на левом берегу Коркодона — и родила от него ребенка. Но другой юноша, Лягаек (утес правого берега), также ухаживал за «Большим сердцем». Тогда начали бороться. «Большого сердца» ребенка Лягаек в реку бросил. Так спустившись, у островного мыса ребенок остановился. Это и теперь Столбовой остров».

Сейчас у подножия утеса на острове стоит маленький дом — фактория Госторга, а рядом живет юкагир Дмитрий Винокуров. Летом он живет в легком чуме на ближайшей отмели, а зимой перекочевывает в избу рядом с домом фактории, которую он охраняет. Недавно ему прибавилась еще одна забота: экспедиция Наркомвода поставила здесь столб, отмечающий астрономический пункт, и поручила юкагиру охранять его. Поэтому, когда мы приехали к острову, Винокуров сейчас же заявил: «Мин караул», и повел к столбу, чтобы показать, что все в порядке. У Винокурова мы встретили еще несколько юкагиров и расспросили их о зимнем пути по Коркодону, куда мы предполагали поехать следующей весной. Эти юкагиры приехали из ближайшего поселения юкагиров, расположенного на Коркодоне.

Юкагиры Колымского края — вымирающий народ, остатки которого живут на некоторых притоках среднего течения Колымы, частью на Омолоне и в западной тундре. О них я говорю подробнее ниже.

Верхнеколымск.

Проводник экспедиции Наркомвода обещал догнать нас у Коркодона. Но мы увидели его только в 50 км ниже, у утеса Чубукалах, где мы остановились для магнитных наблюдений. К вечеру показался катер с красным флагом на носу и пристал ниже нашей стоянки. Однако долгие переговоры с мотористом не привели ни к чему. Он заявил, что ему уже надоело плавать и что он лучше поедет в Верхнеколымск и подождет нас там. Юкагира он нам дать также не соглашался, говоря, что без него ему никак не справиться.

С высоты утеса Чубукалах открывается обширный вид на север. Здесь Колыма прорезает палеозойскую гряду и выходит в Верхнеколымскую впадину. Понижение это является южным концом Колымской низменности, тянущейся вдоль левого берега Колымы до моря на протяжении более 600 км. Колыма сначала прорезает эту впадину на северо-восток, до города Верхнеколымска, и затем отходит вправо, обратно к окраине восточного плоскогорья. В этой впадине Колыма и ее притоки не раз изменяли свое направление, переходя от одного края к другому. Как доказательство недавней миграции рек остались ряды озер, которые соединяют Колыму с ее левым притоком Ясашной. У юкагиров сохранилось предание, что этот ряд озер вырыт двумя знаменитыми колдунами, которые собрались прорыть канал между обеими реками, чтобы облегчить перекочевки. Один копал

со стороны Ясашной, другой — со стороны Колымы. Один вырыл озеро Чичкапуйло, другой — Ялгидонмэ. Но канала так и не закончили.

К западу от Верхнеколымской впадины видны последние северо-восточные цепи хребта Черского — бесконечная гряда Гармычана и узкий крутой гребень гор Арга-тас, которые ограничивают впадину к западу от Верхнеколымска. На востоке и северо-востоке видна только волнистая поверхность восточного плоскогорья.

Несколько выше Верхнеколымска, между Колымой и Ясашной, есть протока — Прорва, как ее называют. Найти ее довольно трудно, но к счастью нам встретились здесь два юкагира, которые и показали вход в эту протоку среди множества других. По ней незаметно мы вышли в Ясашную и приблизились к Верхнеколымску. Повидимому когда-то Колыма в нижней своей части проходила там, где сейчас идет Ясашная. По крайней мере весной крупная рыба, представляющая главный объект промысла здешнего населения, поднимается, по наблюдениям П. Дрягина, по Ясашной на протяжении нескольких десятков километров до урочища Нелемное и совсем не идет по Колыме. Это вероятно воспоминание о недавнем прошлом.

Верхнеколымск вряд ли заслуживает названия города. Когда-то в Верхнеколымске был острог (его и сейчас называют крепостью), и здесь жило много казаков, но сейчас в нем сохранились только семь жалких юрт и разрушающаяся церковь. Из русских в нем жили в этом году только милиционер и две старушки — сестры одного из прежних священников. Вся жизнь давно замерла в Верхнеколымске, как торговая, так и административная.

Верхнеколымск расположен на самом берегу Ясашной, на узкой полосе сухой земли, между берегом и болотами. С одной стороны подходит грязная и топкая речка с неблагозвучным названием Говнюхова. На ее берегу растет кустарник, называемый здесь диким виноградом. Это один из видов смородины с продолговатыми темными и довольно вкусными ягодами, который встречается также и на Охотском побережье; ягоды эти даже вывозятся оттуда в Якутск в замороженном виде и продаются под названием дикого винограда.

Из достопримечательностей Верхнеколымска следует отметить избу, где Черский провел зиму во время своей экспедиции, и маленький огород. Условия для овощного хозяйства и даже для земледелия в южной части Колымского края вполне благоприятны; в то время, когда здесь жили политические ссыльные, в районе Верхнеколымска у некоторых из них были превосходные огороды. Сейчас снова обращено внимание на сельско-

хозяйственные культуры, и опыты хлебопашества производятся в ряде мест (Верхнеколымск, Балыгычан и др.), причем они дают довольно хорошие результаты. В 1930 г., когда мы уезжали из Среднеколымска, оттуда было направлено в Верхнеколымский район специальное лицо для устройства там совхоза.

В Верхнеколымске нам наконец удалось овладеть катером, который так долго нам не давался. Но оказалось, что у него магнето испорчено, а то, на котором он с трудом поднимался вверх по реке, принадлежало экспедиции Молодых и было увезено им в Иркутск.

После того как Бизяев провозился несколько часов с мотором и при радостных криках мальчишек раза три отплывал от берега, мы отказались от всякой надежды воспользоваться механической силой и двинулись дальше тем же порядком, т. е. на веслах и парусах и без проводника.

От Верхнеколымска начинается нижнее течение Колымы. Река здесь идет большей частью одним широким руслом, острова редки, и они гораздо больше по размеру, высоки и сложены отложениями второй террасы. Течение становится все медленнее и медленнее, встречаются часто большие плесы, по которым хорошо идти с попутным ветром и приходится уныло отстаиваться при злых низовках. Мы испытали это уже на следующий день, когда, несмотря на все усилия, нельзя было двинуться вперед против набегавших больших волн.

Начиная от Верхнеколымска долина Колымы, которая была до сих пор безлюдна, населена сравнительно густо, но все это якутское население живет главным образом в стороне от реки, у озер и лугов, а на самой реке селений почти нет. Только изредка встречаются якуты, выехавшие на реку для рыбной ловли.

В 90 км ниже Верхнеколымска на правом берегу стоит амбар фактории, помещающейся в большом селении Родчево, в стороне от реки. После него мы видели постройки только в двух местах. Это были одинокие юрты в лесу. Кроме этих редких населенных пунктов река совершенно безлюдна. Иногда попадались утки, раз мы встретили двух орлов и довольно часто видели горностаев в летней шубке, которые приходили посмотреть, нельзя ли чем-нибудь поживиться.

Несмотря на все мрачные предсказания, которые мы слышали о предстоящей нам поездке по Колыме в нижнем ее течении, это плавание оказалось не таким трудным. Идя то на парусах, то на веслах, мы в течение восьми дней доплыли до Среднеколымска. Несколько выше города начинаются займки, небольшие поселки или отдельные избы, в которых выезжают для рыбной ловли. Сам город расположен в излучине реки на левой стороне, в довольно унылом месте. Уже издали показалась высокая

матча радиостанции, а когда мы подошли ближе, стал виден первый ряд домов, вытянувшихся вдоль берега.

Один метеоролог, который провел два года в Среднеколымске, на мои расспросы сказал мне, что дома там мавританской архитектуры, и действительно они почти все без крыш, и потолок просто посыпан землей. Новые постройки — радиостанция и некоторые казенные дома — покрыты крышами. Радиостанция, стоящая на пригорке, имеет очень элегантный вид — она построена только в 1914 г. и часть ее зданий покрыта волнистым оцинкованным железом.

Среднеколымск разделяется скверной речонкой Анкудиной на две части. Старая часть, так называемый город, лежит ниже по течению, на более низкой террасе, и весной нередко заливается наводнением. Новая часть с исполкомом и клубом расположена несколько выше.

Мы не предполагали задерживаться долго в Среднеколымске. Сюда мы должны были вернуться на зимовку, а сейчас нам предстояло исследовать нижнее течение Колымы до устья Омолона. Было уже 1 сентября, и к концу месяца нужно было поспеть обратно, чтобы не замерзнуть где-нибудь в нижнем течении.

В Среднеколымске я должен был получить мотор и продовольствие. Но большой моторный катер, принадлежавший Ихтиологическому отряду Академии наук и предназначавшийся нам, в виду отъезда отряда был занят Якутгосторгом для работы в Нижнеколымске по перевозке грузов с прибывающих морских пароходов. Подвесной же мотор, который должен был быть отправлен из Владивостока в 1928 г., до сих пор еще не прибыл. Как оказалось, его погрузили на пароход только в этом году. Наше горючее, прибывшее в прошлом году, было использовано Якутгосторгом, а новые запасы его еще не пришли. Наконец продовольствие, присланное для нас сюда Академией наук в прошлом году, частью подмокло во время наводнения, а частью было заимообразно использовано Якутгосторгом в расчете на привоз новых запасов.

Приходилось организовать экспедицию снова своими средствами. Плавание на нашей большой лодке ниже Среднеколымска было бы уж слишком затруднительно, так как течение здесь очень медленное, а возможность встречных сильных низовок и больших волн еще большая. Нам удалось купить лодку, местный карбаз (карбазами называют на Колыме небольшие лодки, которые делают в Верхнеколымском районе юкагиры). К долбленому днищу прибиваются в два ряда доски, и получается довольно вместительная лодка с крутыми бортами, устойчивая на волне. Исполком кроме лодки отыскал для нас и проводника, молодого

Юкагиры с. Колымского выбирают невод с нельмой.

колымчанина Ивана с орлиным носом. Среди русского населения Колымы, которое в значительной мере смешалось с якутами и большей частью обладает монгольскими чертами лица, иногда попадаются лица с атаксистическими чертами, напоминающими о прежних завоевателях края — казаках.

Исполком и горсельсовет (Среднеколымск ввиду его важного значения обладает не сельсоветом, а горсельсоветом) озаботились присканием для нас помещения и дров. Я заключил с ними договор, и к нашему возвращению все должно было быть готово для зимовки.

Вниз по Колыме собирались съехать я с Иваном и Аггеем; остальные оставались в Колымске.

IX. В НИЗОВЬЯХ КОЛЫМЫ

6 сентября, после первого снега, в холодную осеннюю погоду мы втроем выехали вниз. Первый наш привал был в 14 км ниже города у утеса Половинный камень. Выше его в Колыму впадает маленькая речка Лабуя, устье которой представляет прекрасный затон, где отсиживается зимой колымский флот, — несколько катеров и кунгасы (барженки).

Половинный камень в геологическом отношении — одно из интереснейших мест Колымы. Здесь еще Толмачевым в 1909 г.

Займка на нижнем течении Колымы с «быгальницей» для юколы и «веткой».

были найдены интересные окаменелости палеозоя, а при обработке коллекции Черского Куплетским были обнаружены в образцах из этого камня очень редкие изверженные породы — тешениты. Я провел на этом обнажении целые сутки и позже, по возвращении в Среднеколымск, еще раз проехал сюда на моторной лодке, чтобы собрать полтонны окаменелостей.

На левом берегу ниже Половинного камня начинаются займки, и в одной из них — Кульдиной, самой крупной, мы остановились на ночлег. Колымские займки расположены на высокой террасе реки; перед ними обычно лежит пологий илистый пляж, на котором стоят невода и карбазы, а над низкими избами, точно так же «мавританской архитектуры», почти всегда на длинном шесте возвышается крест. В эти займки на лето переселяется городское население для ловли рыбы. Когда-то почти вся река была заселена русскими, которые явились сюда раньше якутов, захватив этот край у юкагиров и тунгусов. Но теперь большая часть реки уже населена якутами. Русские сосредоточены вблизи Среднеколымска и Нижнеколымска и почти все возвращаются на зиму в города. Повидимому городские заработки являются более выгодными, чем зимнее пребывание на займках.

Колымское население кормится главным образом рыбой. Часть ее ловится в озерах, а часть в самой Колыме. По наблюдениям ихтиологического отряда Академии наук количество рыбы, которая вылавливается в озерах, может быть значительно

увеличено — озера переполнены рыбой зрелого возраста. В самой Колыме улов также может быть увеличен, но не так сильно. Колыма обладает превосходными сортами рыб. Главные промысловые рыбы — это сиговые (семейство лососевых): ряпушка (сельдьятка), чир, муксун, омуль, пелядь и сиг. Еще более высокими качествами отличаются громадные нельмы. Кроме того в реке довольно много налимов и щук, но эта рыба идет главным образом на корм собакам. Собаки поглощают большую часть сельдьятки и все рыбы внутренности вплоть до икры, которую люди едят мало. Колымские собаки в общем потребляют не меньше половины всего улова, и задача прокорма собак является для колымчан едва ли не более важной, чем прокорм семьи. Недаром, когда спрашивают о колымчанине, большое ли у него семейство, говорят: «Большое — у него 16 душ», а потом выясняется, что 14 из этих душ — собаки. Рыба для колымчан — это «святая еда», но значительная часть ее тратится очень неумело. Та рыба, которая идет на корм собакам, хранится в очень скверно построенных погребах, просто в ямах, и очень быстро начинает издавать нестерпимое зловоние. Так же плохо сохраняется и рыба, идущая в пищу людям.

Засол рыбы производится очень редко, ее большей частью замораживают, а затем довольно много заготавливается юколы — вяленой и копченой рыбы.

Юкола бывает двух сортов: белая, только вяленая на солнце, и коричневая, которую после вяления коптят в специальных шалашах. Последняя отличается замечательно приятным вкусом. Для изготовления юколы мясо вместе с кожей снимают с костей и потом мелко надрезают с внутренней стороны. В высушенном виде получается пластина с мелкими насечками. После того как снято мясо, остаются кости; если на них почти не осталось мяса, то их называют «собачьи кости», или, как здесь говорят, «кош-ти». Если на них осталось немножко мяса, то они идут в пищу людям и называются «ёдомные кош-ти».

Население Колымы говорит на очень странном наречии, шепелявящем и картавящем, свойственном некоторым северным областям Сибири. Точно такое же произношение я слышал в низовьях Енисея между Подкаменной и Нижней Тунгуской. Кроме того в языке колымчан сохранилось много древних слов, занесенных сюда еще казаками. Этот словарь хорошо изучен на Колыме Таном-Богоразом.

Осенью население заимок начинает возвращаться в город или, как здесь говорят, «кочует». Но сейчас эти кочевки совершаются нередко на моторном катере, и в Кульдине одна старуха жаловалась мне: «Ныне кочующим долго пришлось дожидать катера». С высоких жердей, поставленных для вяления рыбы (бы-

гальниц), уезжающие снимают последнюю юколу, и в займке остается только несколько человек для подледного промысла.

Кульдино — самая большая займка на Колыме. Ниже, на расстоянии 10—30 км одна от другой, главным образом на левом берегу или на островах, нам попадались другие займки. Между займками Петровой и Жирковой впадает справа среди островов значительный приток Колымы Березовка. На ней был найден в 1900 г. труп мамонта. Сюда была послана специальная экспедиция Академии наук под начальством Герца, и мамонт был благополучно извлечен из оползня, в котором он лежал; шкура и часть мяса его были доставлены в Ленинград, где чучело его стоит сейчас в Зоологическом музее. Этим летом на Березовке опять была экспедиция из Якутска геологов Пятовского и Вакара для разведки полезных ископаемых. Местные жители много рассказывали о золоте, которое находили на этой реке, но экспедиция признаков золота нигде не нашла, зато обнаружила несколько жил свинцового блеска.

От самого Среднеколымска до устья Омолона характер Колымы сохраняется один и тот же. Это широкая, мощная река в низких берегах, покрытых лесом и болотами. Время от времени река подходит к западной окраине восточного плоскогорья и подмывает длинные утесы, сложенные молодыми изверженными породами. Ниже начинают появляться большие обрывы четвертичных отложений, как их тут называют — «талы». Они состоят из сероватых суглинков, среди которых иногда можно увидеть глыбы льда. Но большей частью этот лед не является ископае-

Вид с утеса Конзобой на левый берег Колымы в конце сентября.

мым в истинном смысле этого слова, он позднейшего происхождения. Лед находится обычно в двух горизонтах. Верхний из них залегает непосредственно под слоем почвы и представляет инфильтрационные линзы, образованные водой, проникшей через почвенный слой и замерзшей на верхней границе вечной мерзлоты. К этим линзам в обрывах присоединяются надувы снега, скопившиеся под обрывами берега. Внизу, на высоте весеннего уровня воды, река подмывает иногда пещеры, в которых скопляются надувы снега, потом превращающегося в лед. Настоящие ископаемые льды залегают уже значительно севернее, на берегу Полярного моря и на Новосибирских островах. В районах Среднеколымска и Нижнеколымска повидимому есть ископаемые льды только в виде остатков озерного льда, снега и льда наледей, погребенных под новейшим аллювием.

У подножия «тал» обычно в большом количестве попадают кости крупных млекопитающих четвертичного периода — мамонта, носорога, бизона, северного оленя, лошади, лося. Если пройти на протяжении 1-2 км вдоль подножия какой-нибудь большой «талы», то наверное насобирается целый мешок костей. Но трупы мамонта, которыми так славится Якутия, попадают очень редко, может быть один за десять лет. Лет шесть назад по рассказам жителей один такой труп был вымыт Кольмой ниже Омолона, но потом исчез, повидимому захваченный половодьем.

Мы плыли от Среднеколымска в продолжение 12 дней. За это время мы ночевали лишь один раз в займке, а остальное время — в палатке на береговой террасе или под береговыми утесами, иногда на отмелях, которые по мере передвижения к северу становятся все значительнее. Ниже Среднеколымска исчезают галечники, и берег покрыт вязким серым илом, так называемой «няшей». В некоторых местах в низовьях эта няша настолько топкая, что становится опасной для пешехода, и местные жители ставят тут сигналы в виде двойного конуса из прутьев, воткнутого на жердь.

Одна из займок правого берега называется Помазкино. Сейчас тут стоит только одна скверная избушка, но когда-то очевидно здесь было большое поселение. В стороне от берега видно много могил, и некоторые кресты относятся еще к XVIII в. Особенно внушителен один промадный крест, уже наклонившийся. Распространено предание, будто бы сюда приехали первые русские и хотели основать здесь город. В соседней протоке, в которую впадает река Осетровка, они поймали большого осетра, сварили его и съели. Осетр был какой-то ядовитый, и все они в числе 39 человек отравились. Остался только один, который ходил в это время на охоту. После этого город был основан уже выше, на месте Среднеколымска.

Последний утес правого берега это скала Конзобой, повидимому искаженное русское название «концевой». На Колыме много старинных русских названий, которые постепенно превращаются в якутские. Конзобой — это длинная низкая грива, которая высовывается на север в виде туши кита. Колыма поворачивает вокруг его конца на восток и вскоре сливается со своим самым большим притоком — Омолоном. На севере против Конзобоя отходит Стадухинская протока, которая снова сливается с Колымой только в 150 км ниже, уже за Нижнеколымском.

Изолированное положение Конзобоя и его утесы навеяли местным жителям забавную легенду. Рассказывают, что возле этого утеса лесной¹ и его жена бегали по льду реки Колымы. Лесовиха, обгоняя мужа, провалилась сквозь лед, и водяной поймал ее за ноги. Муж стал тянуть за голову, а водяной за ноги, и они оторвали ей голову. Муж обиделся и забросил голову на утес, где она лежит и сейчас в виде большого камня.

Мы остановились под утесами Конзобоя у амбаров, куда привозят иногда продовольствие для окружающих заимок. Далее ехать в этом году мы не хотели — ниже Конзобоя утесов нет до самого Нижнеколымска. Здесь мы решили ждать катеров, которые должны были идти из Нижнеколымска в Среднеколымск с грузом, привезенным морским пароходом. Возле Кульдина мы уже встретили два таких каравана, состоящих из катера с несколькими маленькими барженками-кунгасами. Скоро должен был пройти вверх еще один. Было уже пора возвращаться, на берегах выпал снег, начали появляться маленькие забереги. Горностаи уже сменили свою темную шубку на белую, зимнюю, и нередко приходили по ночам в нашу лодку, чтобы поживиться лежащей там рыбой. Я пробовал фотографировать их во время разбойных вылазок, но горностаи сердито огрызались и так вертелись, что снимки все были неудачны.

С вершины Конзобоя открывается далекий вид на север и запад, громадную низину левого берега Колымы, всю испещренную множеством озер-стариц. Они уже замерзли, а на Колыме белели полосы снега по обоим берегам. Пока мы стояли в Конзобое, начался перелет птиц на юг, и за два дня над нами пролетели буквально десятки тысяч уток и гусей. Иногда с почти человеческими криками летели небольшие стаи лебедей. Очень часто они летели только втроем или вчетвером, очевидно отдельными семействами.

---

¹ У колымчан и реки, и леса, и горы населены различными мифическими существами. В реке по их убеждениям есть водяницы, водяные бабы, в лесах — лесной хозяин. в горах — горный хозяин. Потом еще есть упырь, железнозубый еретик, пужанка, чудинка и суседко.

19 сентября мимо нас вниз по реке прошли катера с кунгасами и неожиданно привезли нам Бизяева с лодкой и с подвесным мотором. Оказалось, что мотор как раз в это время пришел в Среднеколымск, и Бизяеву удалось получить для него лодку и горючее. На следующий день мы двинулись в обратный путь вверх по Колыме. Первая наша ночевка была немного выше Конзобоя, на правом берегу, в уединенной заимке Горнице. Когда-то давно здесь был убит белый медведь, самый южный из всех, забредавших на Колыму. В этой заимке провел свою последнюю ночь 24 июня 1892 г. Черский. На следующий день он скончался немного ниже Конзобоя, у речки Прорвы.

В Горнице мы нашли чистую новую избу, недавно построенную местным якутом, по прозвищу Чампан. Хозяина не было, и мы расположились в ней без разрешения. В амбаре отыскалось продовольствие — к сожалению только «собачьи кошты», отвратительные на вкус. Ночью нас разбудил приезд хозяина с семьей, который только что перекочевал из вышележащей заимки Кресты на рыбную ловлю.

Первые два дня подъема по реке мы наслаждались быстрым ходом моторной лодки и точно рассчитали те немногие дни, которые нам остались до возвращения в Среднеколымск. Но на третий день температура настолько упала, что мотор начал пошаливать. У этой системы (руль-мотор) клапаны для впуска воды находятся в нижней части руля, служащего в то же время осью винта. И вот как только на воде появились льдинки, клапаны эти стали замедлять свою работу и затем совсем остановились. У Помазкина мы стояли несколько часов, всячески исправляя мотор, сокращая и ломая пружины в клапанах, и он провез нас еще некоторое время.

На следующий день мы прошли всего только несколько километров: по реке уже плыло тонкое сало, и мотор совсем перестал работать. Выбрав удобное ровное место на берегу, Бизяев с остервенением набросился на мотор и разобрал его до последнего винтика. При этом общими усилиями мы выломали часть цилиндра, но Бизяев нас уверил, что это даже к лучшему, потому что при этом как-то особенно удачно будут выходить газы. Кроме того ветер во время разборки насыпал в мотор достаточное количество песка. День этот кончился очень печально — ночевкой в 1-2 км выше.

25 сентября надежды быстро дойти до города стали еще более слабыми — местами забереги достигали уже 100 м ширины. Мы решили сделать вид, что забыли про мотор, и итти бичевой. Мотор обиделся и возле заимки Быстрой, в самом опасном месте, где нельзя было итти бичевой и надо было подниматься на веслах по быстрой протоке, вдруг заработал и помог

нам на протяжении нескольких километров, но потом снова замолчал и предоставил нам идти бичевой еще два дня до заимки Жирковой. Тут мы его опять разобрали, но уже в тепле, в заимке. Утром, когда мы хотели заставить его работать, неожиданно снизу подошел караван судов, и мы, не дожидаясь пока заведется мотор, подъехали на веслах. Караван тянули два моторных катера, за ними тащилась вереница маленьких кунгасов, водоизмещением от 10 до 35 т; над прюзом были поставлены брезентовые шатры, в которых ютились пассажиры.

Кроме моторных судов на Колыме есть еще паровой катер «Якут», а на берегу в Среднеколымске стоит довольно большая баржа, которую начали строить, но пока так и не закончили. Между тем по Колыме можно плавать на больших судах: до Среднеколымска доходят иногда даже маленькие морские шхуны, а до Нижнеколымска — большие морские суда. Судоходный участок Колымы начинается от Боханчи, тотчас ниже порогов, и достигает почти 2000 км длины. В верхней части реки до Среднеколымска могут плавать суда с осадкой до 90—100 см, а в нижней — сидящие значительно более глубоко. В 1931 г. на Колыму доставлен с Лены пароход «Ленин» в 500 сил, который должен положить начало будущему колымскому флоту.

Х. СРЕДНЕКОЛЫМСК

29 сентября с караваном судов мы подошли к Среднеколымску. Через несколько дней река стала, и город был отрезан от всего мира, если только вообще современный колымский флот можно считать прочной связью с внешним миром.

Уже прошло более 280 лет, как была открыта Колыма. В собраниях исторических актов опубликовано много любопытных «челобитных» и «отписок», относящихся к истории завоевания Колымско-индигирского края. Эта страна в XVII в. являлась заманчивой для русских казаков, и меньше чем в 15 лет все пространство от Яны до Чукотского полуострова было завоевано казаками и жители обложены ясаком. Что привлекало сюда казаков? О богатстве Индигирки и Колымы ходило много рассказов; и нередко в «расспросных речах» мы находим сведения об этих реках.

«А Колыма де река велика есть, с Лену реку, идет в море так же, что и Лена, под тот же ветер, под восток и под север, и по той де Колыме реке живут иноземцы колымские мужики свой род оленные и пешие сидячие, многие люди и язык у них свой».

Но здесь были не только иноземные мужики, но и замечательный пушной зверь:

«И соболи все добрые черные, и зверь коренной да лисицы все красные да песцы, а иного опрично того никакого зверя на тех реках нет, потому что место студеное; а они де служилые и промышленные люди жили на тех реках и кормились все рыбою, потому что те реки рыбные и рыбы всякой много»².

Иноземных мужиков можно было поймать и обложить яском, а с пушных зверей содрать шкуру.

«И по государскому счастью аманата поймали лутчего мужика именем Чанжу, шамана...» (1651 г.).

«...Да Толмача юкагирскую женку, именем Малья, а та женка ясырка, владеют ею многие люди, кто купит, тот и держит, и по закладным ею владеют»³.

И узнав про эти «землицы» и «новоприисканные реки», «великий государь» посылал туда своих бояр и приказчиков и наказывал им:

«Призывать всякими мерами с великим радением, приводит неоплошно под государеву царскую высокую руку и ясак с них имати на государя ласкою, а не жесточью, и учинить их к нам в вечном холопстве на веки неотступно».

Но, несмотря на эти инструкции о ласковом отношении, царь предписывал выбивать из туземцев возможно больше ясака:

«Чтоб в государевом ясаке и в поминках перед прошлыми годами во 161 году и вперед учинить государю прибыль, которая б прибыль государю была прочна и стоятелна.

А собирать ему государю ясак и поминки соболи добрые с пупки и с хвосты, и шубы соболя, и ожерелья, и наполники, и пластины соболя, и шубы гарносталя, и бобры, и кошлоки черные и чернокарие и карие, выдры же и черные лисицы, и чернобурые, и черночревые, и сиводущатые, и рысьи, и песцы черные и голубые с лапы и с хвосты... и кость рыба зуба.

И собирать ему государев ясак и поминки соболи добрые и неплелые, с пупки и с хвосты, и нецелых и плелых и прелых и дряных соболей и недособолей в государев ясак не имать».

Обращали особое внимание и на моржевую кость:

«Ясак платить тем моржевым зубом большим и средним, и моржевые лавтаки и сала имать же, а моржевый зуб имать большой и средней, а менши гривенки весом рыба зубы не имать»⁴.

И эту моржевую кость надо было по возможности доставлять наиболее выгодно для государя.

«А у промышленных бы есте людей такой кости рыба доро-

² Расспросные речи служилого человека Михаила Стадухина, 1647 г.

³ Отписка казачьего десятника Пантелея Мокрошуба, 1651 г.

⁴ Наказная память пятидесятнику казачью Ивашку Иванову сыну Реброву, 1652 г.

гою ценою на нас покупать не велели, а велели б служилым людям ту рыбью кость добывать на нас ежегодно безденежно»⁵.

Но в такой отдаленной стране, от которой до Москвы надо было ехать несколько лет, приказчики и бояре конечно главным образом соблюдали свои выгоды, и напрасно царь приказывал им: «Никакой хитрости великого государя над собориною казною не чинить». Они были неисправимы. Вот каково было на пример положение на Колыме:

«Промышленные люди наживают по тем ясачным зимовьям нажитков себе... а в нижнем зимовье наживают служилые и промышленные люди себе соболей по штидесят и по семидесят, и на мелкую статью на год по сороку соболей, на свои товары, на железные и медные, с иноземцы торгуют» (1661 г.).

Служилые люди всячески старались выбить из «иноземных мужиков» возможно больше сверх обязательного царского ясака. Они после получения ясака «наметывали» (навязывали) еще свои товары по очень высоким ценам. Вот например красочное описание из воеводского наказа подъячему Семену Аврамову, посланному в 1664 г. на Колыму:

«А будет те соболи прибыльные по десяти сороков соболей в год на Якутский по вся годы присылать не учнешь, и те соболи на тебе Семене велят доправить безо всякие пощади...».

«И они де иноземцы от башлыков и от служилых людей и от промышленных людей от полуказачья от их наметных железных товаров погибли до основания...».

«И Костентин де Дунай с служилыми людьми в нижнем зимовье учал на них иноземцев порознь наметывать железные свои товары: сильно полмишка⁶ по полуаршина по 15 соболей, а которые полмишка в три чети аршина и те по 20 соболей, а прут железный в три чети по 15 соболей, топор по 10 соболей, а прут железный в поларшина по 10 соболей.

После де того⁷ башлык и служилые люди аманатов запрут в баню или в казенку а их де взобьют на баню и учнут имать у них за свои войсковые наметные железные товары в войско соболи. А у кого де из их братии соболей нет или у кого не достанет и они де на них за товары в войско по книгам свои соболи правят и бьют батоги на смерть, и в тех недоносных соболях емлют на них поруки, а с кого платеж не будет и у них в войско емлют силою жены и дочери и сестры с племянницы и те жонки из войска продают промышленным людям на соболи».

Неудивительно, что богатства Колымы, которые вначале, по

⁵ Грамота якутскому стольнику и воеводе Михаилу Степановичю Лодыженскому, 1652 г.

⁶ Железная полоса.

⁷ Уплаты ясака.

прибытии русских, были совершенно баснословными (здесь в год один охотник промысляет от 3 до 6½ сороков соболей, т. е. от 120 до 260 шкурок), через 25 лет, к 1675 г., уже почти совершенно исчезли. «На дальних заморских реках соболиные промыслы стали худы и соболи выпромышлялись». Уже в 1675 г. русские стали уходить в Илим и Киренск, где пушные богатства были гораздо больше.

В 1675 г. вся Колыма управлялась тремя зимовьями — Нижним, Средним и Верхним, на которых в общей сложности было 20 служилых людей при одном приказчике.

Во время своих походов казаки терпели всевозможные лишения, во время переходов по морю от устья Лены к Индигирке они нередко погибали. «Отписки служилого Тимофея Булдакова» в 1651 г. живописно рассказывают об этих лишениях.

«И волею божиею, грех ради наших, с моря вода прибыла и почала лед ломать, а тот лед толщиною был в поларшина, и как понесло в море со льдом вместе, скорей парусного побегу, и к ночи переломало, и носило нас в море пятеры сутки.

И мы с товарищы, не хотя на тех кочах напрасною смертию помереть без дров и без харчу и с соленой морской воды перещинжали, а в море лед ходит по водам без ветру и затирает теми льды заторы болшие.

А в те поры на море лды ходят и досталные кочи ломает и запасы теми лдами разносит и мы на нартах и веревках друг друга переволачивали и с льдины на льдину перепихивались и идучи по льду корм и одежду дорогою на лед метали...

И вышед на землю, поделали нартишка и лыжишка».

Из 90 человек, которые пошли с Семеном Дежневым на Чукотский полуостров, за три года осталось в живых лишь 12, остальные погибли от цынги и голода или потонули в море.

На суше завоеватели терпели также жестокие лишения:

«И ели лиственишную кору и у промышленных людей, у кого выпрошаем, юколишка и рыбенка небольшое место, и тем живучи питались...» (1651 г.).

«По Индигирке реке шли... шесть недель, и едва голодную смертию не померли и многие оцинжали с морского духу и с дальнего нужного ходу» (1651 г.).

Блестящая эпоха Колымского края собственно и окончилась тогда, когда были «выпромышлены» соболи. Позже и до настоящего времени общее количество пушнины, ежегодно вывозимой из Колымского края, не превышает в лучшие годы 1 млн. руб. (в золотом исчислении), в то время как небольшая Иркутская губ. давала более 4 млн. руб. На Колыме в лучшие годы на одного охотника приходится всего до 300 белок, в то время как район Ангара в особенно хорошие годы давал рус-

ским до 500 белок на ружье, а тунгусы набивали до 1 000 белок.

Колыма сделалась известной в последующее время не столько благодаря своей пушнине, сколько благодаря тому, что этот край был местом заточения людей, которых царское правительство считало для себя наиболее опасными. Сюда начали ссылать отдельных лиц еще в XVIII в., но местом массовой ссылки Колыма сделалась в конце XIX в.

Одновременно в Колымском районе жило до 60 политических ссыльных. Некоторые из них проводили тут по десять лет и более. Очень яркие очерки колымской ссылки дали Сорошевский, Цыперович и Тан-Богораз. У последнего есть ряд очерков и рассказов; недавно вышедший его роман «Союз молодых», описывающий историю последних лет на Колыме, не отличается точной передачей фактов.

Во второй половине XIX в. и в начале XX в. Колыма была почти таким же глухим краем, как и в XVII в. Попрежнему сюда ехали летом верхом, а зимой на оленях, причем путь из центра до Колымска продолжался более четырех месяцев. Исправник был здесь конечно полновластным властителем. Из центра время от времени приходили различные циркуляры и инструкции, которых здесь не понимали. Например, как сообщает Тан в своих очерках, сюда приходили запросы о возможности шелководства в округе или запросы для переписи домашнего скота, содержавшие ряд рубрик с названиями животных здесь неизвестных, запросы, на которые местный писарь отвечал добросовестно. Вот одна такая ведомость (по Нижнеколымску):

Ведомость рогатого и иного скота за 1894 г.

Верблюдов	0	Рогатых скотов	22
Ослов и муйлов	0	Рогатых оленей	2.400
Тонкорульных овец	0	Собак всяких	667
Козлов	0	Кошек	1
Конев	6	Птиц	нет

С тех пор состав домашних животных Колымы в общем не изменился. При нас в Среднеколымске кошек было три, но все в одном доме, а птицы, в виде семейства кур, были только у заведующего Якутгосторгом. «Верблюдов» и «муйлов» не прибавилось.

Колыма и в XIX в. служила местом, откуда извлекались значительные богатства. Оживленная торговля велась несколькими купеческими семьями из Якутска и местными жителями и давала очень большие доходы; хотя нельзя было уже так, как это делалось в XVII в., «наметывать» различные товары, но в дело было пущено не менее сильное орудие капиталистической цивили-

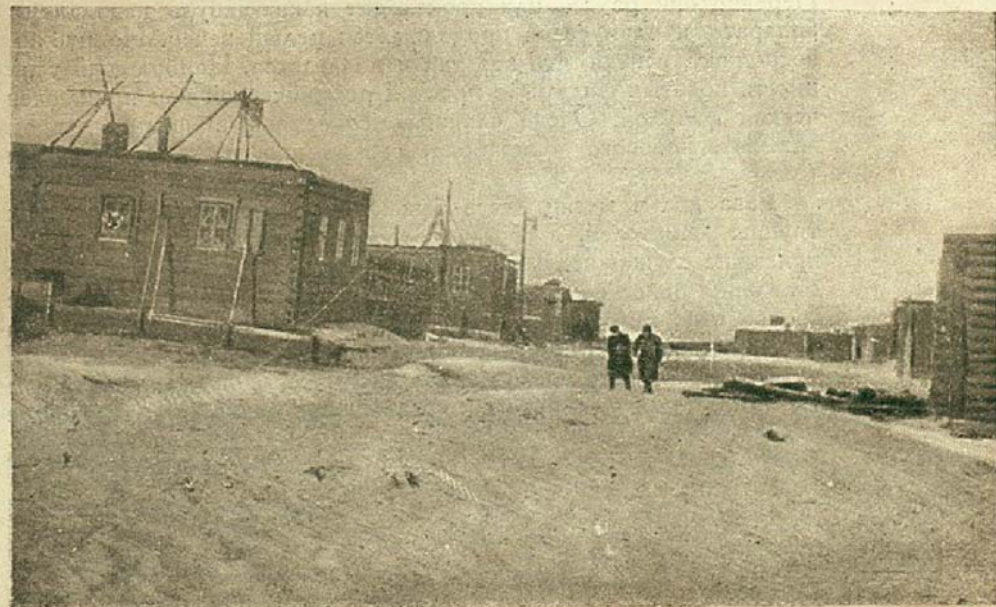

лизации — водка. Колымчане систематически спаивались и попадали в неоплатные долги к купцам. Из года в год долг нарастал, и вся пушина, добываемая охотниками, должна была сдаваться кредиторам. Купцы получали здесь в год несколько сот процентов прибыли на свой капитал. Эта торговля была сопряжена с разъездами по глухим местам края и с постоянными угощениями туземцев. Кроме водки особенно ценился белый хлеб, которого некоторые купцы за год расходовали до 1,5 т. Эти обычаи, установившиеся в местной торговле, с трудом искореняются, и до сих пор еще покупатели требуют, чтобы их прежде всего угостили, и настаивают на том, чтобы получить товары в долг.

Пореволюционная история Колымы знает целый период, когда страна была отрезана от всего мира. В Якутске восстанавливалась советская власть, а с востока проникали в это время белые шайки, которые свободно хозяйничали в безлюдном крае. Но вот уже несколько лет, как здесь установилось полное спокойствие и разворачивается советизация края.

В Колымске сейчас по последней переписи экспедиции Наркомвода около ста домов со 170 отдельными хозяйствами и 727 жителями, из них 476 русских. Город, вытянутый вдоль берега реки, имеет в сущности только одну главную улицу в новой части и несколько коротких переулков в старой. На главной улице находится исполком и недалеко метеорологическая станция с колоколом, в который сын наблюдателя-метеоролога выбивает часы для сведения населения. Во многих домах помещаются учреждения — в Среднеколымске 33 учреждения, количество, которое было бы достаточно даже для большого уездного города.

Главная улица Среднеколымска.

Клуб в Среднеколымске.

Самое большое здание в городе это клуб им. Ленина. Это здание предназначалось для собора, но революция прервала его постройку, и дом был приспособлен под клуб. В нем большой зал для собраний и три комнаты, в которых помещаются музей, библиотека и уголок Осоавиахима. Есть еще помещение для пионеров и для работы среди женщин. В этом клубе проходит вся общественная жизнь города. Раз в два в неделю бывают киносеансы; запасы фильм получают раз в год на пароходе из Владивостока, причем конечно посылаются фильмы довольно старые. Нередко они рвутся или происходят какие-нибудь неполадки в аппарате, и один сеанс продолжается целый вечер. Но публика не ропщет, считая, что это так и полагается. Наибольший успех имеют простые фильмы с простой романтической или приключенческой фабулой. Очень сложные современные фильмы, вроде эйзенштейновского «Октября», совершенно не доходят до зрителя.

Раз в два в месяц здесь бывают театральные представления труппы любителей, в состав которой входят местные жители и приезжие служащие. Есть и якутская труппа, которая дает представления более редко. Русские спектакли не представляют ничего особенно интересного — это обычные любительские представления маленького провинциального города.

При клубе есть превосходная библиотека, она включает свыше 3 000 томов — богатство, чрезвычайно ценное для такого глу-

хого угла. Основное ядро библиотеки перешло в клуб от местных жителей; это главным образом остатки от библиотек политических ссыльных, но сейчас библиотека энергично пополняется, и в 1930 г. было получено свыше 300 книг, так что темную колымскую зиму можно провести не без пользы. Иногда в клубе бывают доклады и различные собрания.

В этом же клубе происходили заседания народного суда. Уголовных дел очень немного, так как местное коренное население почти не совершает преступлений. Воровство известно почти исключительно среди русских. Во время нашего пребывания разбиралось несколько дел, одно из них было о воровстве нескольких шкурок горностая. Другое, более интересное дело, касалось растраты 750 руб. профсоюзных денег одним из местных служащих. Суд приговорил его к трем годам заключения.

Слушалось наконец дело, весьма любопытное в этнографическом отношении: оно заключалось в обвинении тунгуса Дьячкова из западной тундры в убийстве своего родича. Тунгус был одет очень изящно в желтую ровдужную (оленьей замши) камлейку; у него были маленькие ноги, белые руки и почти треугольная голова с черными волосами, подрезанными в скобку. Он держался очень скромно, но видимо волновался; несмотря на обычное восточное спокойствие, было видно по его нервным затряскам, что он беспокоится за свою судьбу. Вначале его спросили, не желает ли он отвести кого-нибудь из состава суда. Он сказал: «Вы сами знаете, как лучше судить». Дело свое он изложил на вопросы суда так: его родственник Семен Балаганчиков, с которым он жил в тундре против устья Омолона, заболел и говорил: «У меня внутри болит, я сделаю шаманом». По ночам он не спал, пел, потом просил заколоть белого оленя и праздновать праздник уходящего солнца. Он говорил уже без ума, ничего из его слов нельзя было понять. Подсудимый вместе с женой связывал ему ноги. Сначала Семен просил отпустить его на сентух (тундра), думая умереть там. Потом стал просить убить его, думая, что если его проколят ножом, он или вылезется, или умрет. Он сам наставил нож пониже сердца и просил давить сильнее. Оба давили, но убить не могли. Потом Семен потребовал другой нож — первый был сточен и тонок; потом опять давили. Покрылся одеялом, одно время перестал дышать, думали — умер. Потом опять очнулся и сказал, чтобы его оставили и сами откочевали. Ползал на коленях в чуме и спрашивал: «Вы меня узнаете?» — «Да, ты — Семен Балаганчиков». — «Нет, я теперь другой человек». Пошли со старухой в другой чум, оставили его связанным, потом он развязался, пришел к ним. Тогда Иван (подсудимый) с согласия старухи, жены Семена, выстрелил в него два раза из винчестера и затем добил топором. Боялись, что Семен сошел

тс ума. После этого позвали священника отпевать убитого и рассказали все другим тунгусам.

Это преступление представляло большую важность в том отношении, что убийство стариков по их просьбе очень распространено среди чукчей, соседями которых являются низовые тунгусы. У чукчей этот обычай искоренить очень трудно, и до сих пор, хотя они об этом не рассказывают, стариков повидимому убивают нередко. Выполнять это по обычаю должен любимый сын по просьбе старика.

Поэтому во всяком случае это преступление требовало наказания, чтобы не давать возможности укорениться обычаю, сохранившемуся от древнего быта. Суд приговорил Дьячкова к семи месяцам заключения, признав смягчающими обстоятельствами его невежество и принадлежность к беднякам. Шестидесятилетней жене покойного вынесено условное осуждение на три месяца.

В Среднеколымске имеется и место заключения — «домзак». В начале зимы условия заключения соблюдались довольно строго, тунгуса и других арестованных выводили со стражей на общественные работы — прорубать ступени на крутом спуске к Анкудинке, но потом заключенные ходили уже свободно. Двери своей тюрьмы они припирали бревном, чтобы туда не залезли собаки, а сами уходили на работу. Вечером нередко можно было видеть кого-нибудь из заключенных в клубе.

В клубе же происходили собрания, посвященные закрытию церкви и снятию с нее колоколов. В Среднеколымске есть довольно старая церковь в стиле барокко и возле нее остатки ворот казачьей крепости. Население Среднеколымска ранее было

Фактория Якутгосторга в Среднеколымске.

религиозно: по выражению «Клировых ведомостей» за 1861 г., как об этом пишет Вагнер в своей книге о Колыме, «благоприятствие к духовенству имеет полное. Пожертвования в пользу церкви очень скудны, а духовенству не бывают». Впрочем последнее зависело от ловкости пастыря. Несколько лет назад из Владивостока прибыл в Среднеколымск новый архиерей, который повел дело очень умело. Когда его выслали из Среднеколымска в Якутск, у него было конфисковано большое количество песцов, собранных с прихожан. Вокруг архиерея образовалась целая община «сестриц», и борьба со следами этого «сестричества» велась еще при нас.

Это явление имело без сомнения истерическую подкладку. Большая часть колымских женщин в той или иной степени подвержена истерии, так же как и многие мужчины. Здесь широко развит особый вид истерии, так называемое «эмирячение». Об этом имеется превосходное исследование врача Мицкевича, прожившего на Колыме несколько лет. Отличительный признак эмирячения состоит в повторении слов и движений. Больные очень легко возбуждаются и постепенно начинают «заводиться», повторяя все движения и слова. Как пишет Мицкевич, «нет такого поступка, которого бы не совершала эмирячка, когда ее «хорошенько разэмирячат». Она бросает на пол и разбивает посуду, бросает ребенка, которого держала на руках, берет рукою горячие угли, обжигая руки, ударяет палкой, кого ей внушают ударить, и т. д.».

Местные женщины очень рано начинают половую жизнь и рано стареют. На половые отношения смотрят здесь очень просто. По местным пословицам «баба — не калач: один не съешь» или «венчалась — не продалась». Эта простота нравов вероятно имеет два источника: известное влияние брачного права окружающих коренных народностей, а затем оригинальная система пайков, которая была установлена для казаков. Паяк получали только казаки мужского пола, поэтому все стремились иметь в семье мальчиков, так что внебрачные дети не считались позором: ведь на мальчика, даже внебрачного, казна выдавала паяк. Как пишет Богораз, иногда из поколения в поколение сохранялись такие «девьи семьи», причем было распространено поверие, что от шестого поколения в такой семье должен родиться антихрист. Колымские советские организации энергично ведут борьбу с пережитками прошлого. Но борьба эта очень трудна, потому что даже пришлое русское население стоит еще на низкой ступени развития.

Важным элементом в борьбе за оздоровление края является государственная торговля. Теперь совершенно отсутствует сплавание колымчан — этот главный бич прежней колымской жизни.

Спиртные напитки абсолютно запрещены к ввозу в край, и фактически их негде достать. В ряде районов основаны фактории, причем по системе, принятой в 1929 г., цены на все товары были уравнены, и на окраине Колымского округа продукты стоили столько же, сколько в Среднеколымске. Эта система имела целью искоренить спекуляцию. Обычно более богатые коренные жители, имевшие возможность ездить в Среднеколымск, покупали дешевле у своих сородичей пушнину и перепродавали ее в городе. Теперь же и бедные могут сбывать продукты своей охоты в близлежащих факториях. Система эта однако приводила иногда к отсутствию в отдаленных факториях тяжеловесов (мука и прочие продукты, перевозка которых для госторговли была слишком невыгодна) и к чрезмерному повышению цен на самой Колыме.

Завоз товаров в Среднеколымск значительно увеличился с 1911 г. — с начала пароходных рейсов из Владивостока в устье Колымы через Северное полярное море. Теперь каждый год завозится значительное количество грузов — несколько сот тонн. Бывают перебои в этих рейсах, и не всегда завозится то, что нужно, и в достаточном количестве, но все же снабжение населения значительно лучше, чем это было при прежнем гужевом способе доставки. Теперь уже редко бывают в Колымске эти мрачные, обычные в прежнее время голодовки — «бесчайница», «бесбачница» и более легко переносимая местным населением «бессахарница». Есть еще конечно много темных сторон в работе торговых организаций на Колыме: соперничество конкурирующих организаций, отсутствие нужного ассортимента товаров, отсутствие факторий во многих глухих районах, недостаток разъездной агентуры и т. п., но в основном торговля строится на других принципах чем ранее, и колымчане не закабаляются, не спаиваются и не нищают.

Для нашей зимовки горсовет отвел нам юрту на окраине города. Эту юрту построил для своей возлюбленной, или по местной терминологии «экономки», последний колымский исправник. После революции он удалился на покой к своей экономке и только несколько времени спустя был отвезен в Якутск.

Юрта состояла из двух отделений: одно — деревянный сруб и кухня с русской печью и другое — собственно юрта якутского образца, но с центральной русской печкой. Эту юрту мы разделили на четыре комнаты и получили очень удобное помещение, в котором можно было дать каждому по уютной комнате и даже отгородить место для фотолaborатории. В этой юрте мы прожили самые темные и холодные месяцы — с октября до начала февраля. Жили мы довольно уединенно, занимаясь обработкой собранных материалов и подготовкой к экспедиции следующего лета. Рабочие занимались пилой дров для дома; при примитивном

Юрта экспедиции в Среднеколымске.

устройстве печей за четыре месяца мы сожгли невероятное количество дров — что-то около 50 кубометров. Кроме того они работали в клубе по переустройству сцены и исполняли разные другие плотничьи работы в городе, где каждый опытный мастерской брался нарасхват.

Воду для нашего жилья возили с реки на собаках — десятке щенят, родившихся только весной. Запрягать таких молодых собак — это значит портить породу, но колымчане имеют очень мало собак в городе и поэтому часто пренебрегают основными правилами собаководства.

Летом колымские собаки бегают на воле и сами промышляют себе пищу. С осени их сажают на прикол и начинают «проминать», т. е. запрягать их в нарты и гонять, вначале нещадно при этом избивая. Колымчане говорят, что «драные» собаки гораздо лучше работают, потому, что боятся каюра (погонщика). Собак кормят раз в день, к вечеру, причем в пищу им идет, если они работают, до 2 кг рыбы в сутки. Утром перед отправкой собака не кормят, потому что сытые, и особенно жирные собаки бегают плохо. Как говорят здесь, «зирная собака затыкается и легчит», т. е. задыхается и тяжело дышит.

Для Колымы первоклассным собачьим рассадником считается нижнее течение реки. Тут есть превосходные упряжки, и в Нижнеколымске устраивались даже гонки. Хорошие собаки пробегают расстояние от Нижнеколымска до Среднеколымска (500 км) в трое суток.

Доставка дров на собаках в Среднеколымске.

В середине декабря в Среднеколымске уже скрылось солнце. Город лежит немного к северу от полярного круга, и настоящей полярной ночи здесь нет. Солнце скрывается на 20 дней, но и в это время в продолжение четырех часов среди дня бывает достаточно светло, чтобы можно было читать у окна. Это скорее сумерки, чем ночь. Но в это время пейзаж становится все-таки очень своеобразным. При сильных морозах столбы дыма над городом поднимаются прямо кверху, горизонт — темносерый, а за лесом на юге начинает вырисовываться красный полукруг солнца.

Особенно больших морозов в Среднеколымске не бывает. За четыре месяца, которые мы пробыли тут, только три раза температура была ниже 50° . В сильные морозы здесь можно слышать шорох замерзающего дыхания. Я уже писал об этом явлении в книге о своей прошлой экспедиции. Теперь мне удалось точнее проследить, когда оно начинается. При 42° оно замечается в слабой степени, яснее при $44-45^{\circ}$ и очень резко при $46-47^{\circ}$. Вы слышите в момент, когда выдыхаете воздух, шум вроде шума пересыпаемого зерна или шелеста листьев. Якуты называют этот шум «шопотом звезд». Повидимому температура, при которой это явление начинается, связана также с влажностью воздуха. Черский наблюдал его в Верхнеколымске только при $48,5^{\circ}$. Постоянно нас развлекали и северные сияния, которые здесь иногда очень красивы.

Во время зимы состав нашей экспедиции уменьшился. Радиист Бизяев должен был по своим семейным обстоятельствам вернуть-

ся обратно в Москву, и на Салищева в дальнейшем легла также вся работа по приему сигналов времени, кроме астрономических и магнитных наблюдений и маршрутной съемки, которые он вел до сих пор.

XI. ТЯЖЕЛЫЙ ПУТЬ ПО ЛЕГКОМУ ТРАКТУ

Для того чтобы изучить возможно полнее Колымский бассейн, необходимо было сначала подняться по одному из больших правых притоков Колымы и выйти куда-нибудь в верховья Омолона, а затем спуститься по последнему до Нижнеколымска. Наиболее удобен и интересен для первой части пути был Коркодон, так как лежащие южнее его притоки — Балыгычан и Сугой — уже уходят на юг, к Охотскому водоразделу, и удаляются от Омолона. По Коркодону в 1900 г. прошел этнограф В. Иохельсон, участник большой американской экспедиции Дрезуппа. До этого Иохельсон был ссылкой в Колымске вместе с Таном-Богоразом и вместе с ним в течение нескольких лет производил этнографические исследования на средства иркутского купца Сибирикова. Когда Иохельсон и Богораз закончили срок ссылки, они оба были приглашены Нью-йоркским музеем для участия в экспедиции Дрезуппа. Богораз исследовал при этом быт чукчей и камчадалов, а Иохельсон — юкагиров и коряков.

Летом 1900 г. Иохельсон вышел из Гижиги на лошадях и верхом проехал в среднее течение Коркодона. Отсюда он спустился на плоту в Верхнеколымск. Съемки пути при этом он не вел и описания маршрута не давал, интересуясь только этнографическими исследованиями, так что после его экспедиции география страны исправлена и пополнена не была.

С Колымы проникнуть по Коркодону к Омолону было несравненно труднее, и из местных торговцев никто не ездил торговать в верховья Коркодона. Точно так же никто из якутов не поднимался вверх по Коркодону; на Колыме из числа тунгусов, общавшихся с русскими и якутами, не было ни одного, который знал бы реку в ее среднем и верхнем течениях. Таким образом среди всего населения Колымы не было ни одного проводника, который мог бы провести нас по Коркодону и найти перевал на Омолон. Само собой разумеется, что на Коркодоне не могло быть никакой зимней накатанной дороги и что ее пришлось бы пробивать самим.

Единственный человек, который, как полагали, может найти дорогу на Омолон, это якут Дьячков, по прозвищу Бека. Еще в Верхнеколымске я старался разузнать про этого знаменитого Беку, но повидать его мне удалось лишь в середине зимы, во

время его приезда в Среднеколымск. Бека ездил несколько раз по Сугою на Охотское побережье и доставлял из Наяхана груз для радиостанции. На самом Коркодоне он был только в низовьях, но ему были знакомы многие тунгусы в горах, и он надеялся, что ему удастся отыскать среди них проводников. Он согласился взять на себя организацию каравана оленей для переезда на Омолон. Мы должны были явиться в середине февраля в Верхнеколымск и оттуда уже на заготовленных Бекой оленях двинуться дальше, вверх по Колыме и затем по Коркодону. Бека уехал обратно еще в декабре, и после этого мы не имели от него никаких известий.

Нам предстояла, казалось, сравнительно простая задача — собрать в Среднеколымске продовольствие и затем отправиться с ним до Верхнеколымска. Но обе эти задачи при их выполнении оказались весьма сложными. Продовольствие было завезено Академией наук для нашей экспедиции из Владивостока пароходным рейсом в Нижнеколымск в количестве, которое с избытком обеспечивало бы нужды экспедиции. Чтобы доставить это продовольствие от Нижнеколымска до Среднеколымска, мы предоставили 35-сильный академический катер «Муксун» в пользование Якутгосторгу с тем, чтобы с катерами, идущими снизу, наше продовольствие было перевезено до Среднеколымска. Но когда с последним караваном судов прибыл в Нижнеколымск новый заведующий конторой Якутгосторга Ш. и я явился к нему для получения продовольствия, он мне заявил: «Ваше продовольствие я оставил в Нижнеколымске, а экспедиция здесь будет снабжаться по общегражданским нормам». Понадобились оживленная телеграфная переписка с Москвой и вмешательство якутского совнаркома для того, чтобы восстановить наши права на наш груз. Но перевезти его весь из Нижнеколымска к моменту нашего отъезда было невозможно. Зимой в нижнем течении Колымы сообщение производится только на собаках; к тому же в этом году транспорт был организован исключительно плохо. Ш. обещал выдать нам все что можно из складов Среднеколымска, а недостающее доставить срочно из Нижнеколымска. Но к нашему отъезду пришла только одна оказия, которая привезла большие ящики с летними шапками, а наше продовольствие дошло до Среднеколымска уже значительно позже нашего отъезда — к весне. Зато я имел удовольствие почти каждый день посещать контору Якутгосторга и вести разговоры в весьма оживленном тоне, то уговаривая, то угрожая. Ш. как человек новый в этом краю думал, что грузы здесь двигаются по расписанию. Мне приходилось убеждать его, что на крайнем севере расписание совершенно своеобразное.

Еще более тяжелой задачей оказался проезд до Верхнеколымска — по местности, в обычных условиях обеспеченной до-

статочным количеством транспортных средств. Заблаговременно мы заключили договор с одним якутом, Николаем Сивцевым, который должен был доставить к началу февраля 35 нарт с тем, чтобы довезти нас в середине февраля до Верхнеколымска. Но в середине зимы большинство оленей в районе было занято по административным разъездам, и Сивцев мог доставить только 15 оленей. Сам он поехать с этими оленями не мог, и мне пришлось, наняв специального ямщика, отправить его вперед с Ваней, нашим спутником по прошлогоднему плаванию, который теперь ехал с нами на Омолон. В январе, когда выяснилось это затруднение, я заключил новый договор с Петром Сивцевым на доставку к 1 февраля десяти нарт. Фактически он доставил только пять нарт. Наконец, чтобы добыть остальных оленей, с согласия исполкома я командировал одного из своих рабочих в улусы на запад от города. Ему пришлось объехать около 500 км и удалось найти лишь 35 оленей, из которых 15 было очень плохих, а 20 «в среднем теле». Только 12 февраля мы могли тронуться из Среднеколымска с этими двумя партиями.

Вперед нас, почти за 20 дней ранее, выехал Ваня. Наем этого рабочего, который должен был нам служить проводником по Омолону, тоже сопровождался бесконечными разговорами и колебаниями. Никто из колымчан не бывал в верховьях Омолона. Лишь некоторые из них знают самое нижнее течение его, ниже устья Олая. Ваня в прошлом году вместе с экспедицией Наркомвода под начальством Зюнова прошел через среднее течение Омолона в Гижиту и, выйдя оттуда обратно в верховья Омолона, проплыл весной по последнему около 700 км. Таким образом он являлся единственным местным жителем, знающим Омолон. Чувствуя свое значение, он долгое время заставлял себя уговаривать и набивал цену. Я послал его вперед с тем, чтобы он с первой партией груза возможно скорее достиг Верхнеколымска и там проверил, имеются ли олени для поездки вверх по Коркодону, и по возможности форсировал подготовку к экспедиции. Но уже через несколько дней после его выезда я стал получать от него душераздирательные письма. В первый же день (26 января) он писал мне: «Доехали до первых жителей; сообщая вам, что уже два оленя в дороге пали, кое-как довели их до отавы, не знаю, как дальше будем ехать, олени очень плохи, вблизи корма для них нет. Всем привет, доехал хорошо». Далее было с каждым днем все хуже, и 31 января он писал: «Уведомляю вас, что я в безвыходном положении... олени не могут без дороги груз (везти), осталось только восемь оленей, которые могут еще идти, везти груз; отава очень далеко. Некоторые олени без нарты кое-как тащат себе свои ноги, а дать долгий отдых оленям — нет такого кормовища хорошего и снег глубокий, оле-

ни пристали, они и снег не могут как следует копать, очень, очень плохие олени».

И последнее письмо, адресованное «товарищу начальнику Академии наук», сообщало, что он остановился в 200 якутских верстах (около 160 км) в местности Алы-кюель и ехать далее не может. «Если ехать, то пошлите распоряжение, как ехать, а олени эти не повезут, а если повезут, то будут пропадать. Я не желаю, чтобы убивать оленей».

Наши олени, на которых мы выехали 12 февраля, были не в лучшем состоянии — они были истощены гоньбой. В первый день мы проехали (выехав конечно под вечер) только 5 км. Путь был очень тяжел — снег был глубок и дорога занесена. На следующий день нарты Петра Сивцева наехали на одного из оленей и повредили ему спину. Олень не мог встать и был брошен на дороге. В 3 км дальше пришлось остановиться. Остальные олени так устали, что весь следующий день необходимо было стоять. Выяснилось, что тот груз, который был у нас с собой, увезти невозможно, хотя при выезде из Среднеколымска я уже оставил $\frac{3}{4}$ т разного груза. Здесь же у ближайшего жителя нам пришлось оставить еще два мешка муки, ящик свечей и станки от палаток. Но не помогло и это — в 9 км от остановки олени Сивцева настолько устали, что двух из них он оставил в лесу и бросил одну нарту. Дальнейший путь пришлось совершать так, чтобы проезжать в день всего лишь по 15 км, причем на половине пути приходилось останавливаться, давать отдых оленям и выкармливать их. Нанять еще оленей или лошадей тут было негде — местность была почти безлюдна.

На пятый день мы с Аггеем выехали вперед с тем, чтобы достичь мест, где имеется достаточно лошадей, и там нанять необходимое количество подвод для помощи нашему каравану. В бедном селении Камса мы провели около двух суток в ожидании отставшего каравана. Здесь недавно был муньях — народное собрание, и поэтому скопилось довольно много якутов, так что можно было нанять шесть подвод. Я предложил очень большую плату — вдвое выше обычной, и это вызвало большое волнение. В течение тех двух дней, которые я просидел в юрте, собравшимся здесь якутами непрестанно обсуждался вопрос о выгоды предложенного мною подряда. Особенно долго высчитывал свои потери член наследного совета, который вследствие своих многосложных обязанностей не мог поехать с нами. Какой-то приезжий старик без конца пробовал точно подсчитать все выгоды от предстоящей поездки, но так и не мог свести концы с концами.

Юрта, в которой мы жили, была довольно грязная. На Колыме не принято соединять хотон (хлев) вместе с юртой, как это

водится в центральных частях Якутии; здесь хотон ставится отдельно, но тем не менее юрта от этого не становится чище. Во время переезда до Верхнеколымска мы могли хорошо ознакомиться с бытом колымских якутов, потому что часто приходилось сидеть полсуток или даже целые сутки в юртах в ожидании лошадей. Здесь не много богатых якутов, большая часть — середняки и бедняки. Как раз во время нашего пребывания на Колыме производился передел покосов. Покосы якутов являются основой их хозяйства, так как скотоводство наравне с рыбной ловлей дает главные ресурсы питания. Поэтому богачи, владевшие близкими и хорошими покосами, могли широко эксплуатировать безземельных бедняков.

Обычно в юртах нас встречали очень гостеприимно, как и везде в Якутии, но угощение здесь несколько иное. В то время как в западной Якутии главное угощение — масло или в районах, бедных молоком, — хаяк (молоко, сбитое с маслом и замороженное), здесь основное угощение — строганина. Чтобы приготовить ее, берут отменного большого чира (толщиной в 8-9 пальцев по здешней мере), только что принесенного с мороза, немного нагревают у камелька, срезают ножом чешую вместе с кожей и затем настругивают его толстыми стружками. Строганину эту едят обычно только с солью, и она превосходна на вкус... Тот же англичанин Кохрен, о котором я уже говорил, пишет, что ни одно блюдо не может сравниться по вкусу со строганиной — она гораздо нежнее, чем устрицы, и замечательно тает во рту.

Зимняя якутская юрта по дороге в Верхнеколымск

Ночлег в лесу в долине Колымы.

же Алы-кюель. После шума юрты в Камсе мне доставляло большое удовольствие ночевать в палатке, несмотря на морозы, которые еще достигали 45° . Теперь эти морозы не казались мне так ужасны, как в 1926 г., и вечером, приехав к месту ночлега, я с удовольствием ставил палатку, заготавливал с Василием, оставшимся со мной, дрова и растапливал печку, а потом, в ожидании пока вскипит чай, ел строганину, которою мы были снабжены в достаточном количестве.

Салищев по мере движения вперед все увеличивал свой караван, нанимая лошадей направо и налево. Таким образом он мог, высылая мне подводы навстречу, облегчать работу оленей, и я отсылал обратно наиболее утомленных из них.

Колымская лошадиная упряжка представляет очень забавное зрелище; здесь еще не признают оглоблей для лошадей; в оглоб-

Даже в бедных юртах, где самим нечего было есть, старались принять нас как можно лучше и давали несколько кусочков мяса на блюбочке — самое почетное угощение.

Здесь сохранились еще в значительной степени черты патриархального быта, и местами при встрече якуты обязательно целуются: младшие целуют старшим руку, а старшие отвечают поцелуем в губы.

От Камсы наш караван разделился. Салищев уехал на лошадях и должен был ночевать в юртах, так как лошади зимою, когда они заняты работой, нуждаются в сене.

Я поехал дальше более медленно, на утомленных оленях. Встреча была назначена в том

лях ходят только быки, а лошадь везет сани за веревку, привязанную к обычному верховому седлу. В сани кладут только 160 кг груза, а сам ящик садится на лошадь верхом. Колымчане утверждают, что для лошади так гораздо легче. Когда нужно спуститься с горы, то, чтобы сани не наезжали на лошадь, ящик слезает и придерживает сани за задок. Лошади зимой покрываются длинной шерстью и становятся толстыми и круглыми.

В Алы-кюель я догнал Салищева, и тут же мы нашли нашу первую партию с Ваней. Он выкармливал оленей 16 дней и, несмотря на то, что был обильно снабжен деньгами и имел прямое приказание нанимать возможно больше подвод, не решался двигаться дальше, причем повидимому значительную роль в его нерешительности играло также удовольствие побыть подольше с местными красавицами.

От Алы-кюель мы поехали, уже разделившись на четыре отряда, из которых три были на лошадях, а я в арьергарде с утомленными оленями. За этот путь я больше, чем во время перевала через Верхоянский хребет, познакомился с предельной силой оленей. Олень очень покорное животное и тянет до тех пор, пока у него остается хоть немного сил. Самый верный признак, по которому узнают, устал олень или нет, — это хвост. Когда олени бегут бойко и держат свой маленький хвостик вверх, значит они свежи и не устали. А когда хвостик горестно опущен, значит олень устал и скоро выдохнется. Особенно уставших оленей, которые совсем не могли идти, Петр Сивцев лечил очень оригинальным способом. Он связывал им четыре ноги вме-

Якутская лошадь выкапывает траву из-под снега.

сте и потом, подняв оленя за ноги, встряхивал несколько раз в воздухе. Первый раз, когда я это видел, я думал, что Сивцев хочет убить оленя, что при зверском выражении его лица в этот момент казалось весьма вероятным. Но он развязал оленю ноги, и тот как встрепанный побежал в лес.

Во время пути я получал от идущих впереди донесения о продвижении каравана и о найме новых подвод. С интересом я узнавал, что «сейчас прибежала старуха Варвара и предлагает еще лошадь». Потом эта старуха оказалась довольно молодой и разбитной якуткой с почти баронским именем — Варвара Николаевна Роббек. Эта необыкновенная для Колымы фамилия происходит вероятно от хирурга экспедиции Биллингса, который был здесь в семидесятых годах XVIII в. и наверно был крестным отцом какого-либо якута. Она оказала сильное влияние на Ваню, так что он всячески старался включить ее в свой отряд. В дороге у якутов нередко бывают романтические эпизоды в стиле легкомысленных новелл Бокаччио. Я помню, как в одной юрте утром старик-ямщик в течение двух часов стыдил молодую якутку за то, что она ночью пустила к себе одного из проезжих парней. Старик негодовал главным образом на несоблюдение этикета — в юрте ночевали почетные путешественники, экспедиция. Самый факт как будто не так сильно вызывал его порицание.

Невдалеке от Верхнеколымска нас обогнал Бека, ехавший из центра улуса, где он собирал последних оленей, и сообщил, что все уже готово. 2 марта, с опозданием на две недели против плана, последняя из наших партий пришла в Верхнеколымск, или «Крепость», как он еще зовется по старой памяти. Таким образом этот путь, обычно простой и легкий, был нами проделан с затратой больших средств и сил. В Верхнеколымске после долгих разговоров был заключен договор с Бекой и Верхнеколымским нассветом: олени принадлежали целому ряду жителей наслега, и Бека являлся только их уполномоченным. Мы должны были получить здесь 30 нарт с четырьмя проводниками. За каждую из них я платил 175 руб. — за эти деньги можно было целиком купить двух оленей с нартой, но только такой ценой можно было соблазнить владельцев отпустить оленей в страшные и неизвестные места.

ХП. В СТРАНЕ ЮКАГИРОВ

5 марта олени были поданы. После наших жалких и истощенных оленей эти казались необычайно сильными и толстыми.

От Верхнеколымска нам предстояло сначала пройти немного вверх до Ясашной и от нее наискось пересечь водораздел к Ко-

лыме. В низовье Яашной, у устья Рассохи, расположено небольшое селение юкагиров — Нелемное. В настоящее время тут живет большая часть верхнеколымских юкагиров. Когда-то юкагиры были многочисленным и сильным народом, населявшим северо-восточную Азию. Юкагирская земля охватывала бассейны Яны, Индигирки и Колымы. Русские пришли сюда, когда здесь (кроме самых верховьев Яны) еще не было якутов, а тунгусы повидимому кочевали в горах. Занимавшие долины рек юкагиры очень быстро были завоеваны и объясачены русскими и в значительной части вымерли. Самые западные из юкагирских родов постепенно отунгусились и обьякутились. Еще по десятой народной переписи общая численность юкагиров определялась в 1 500 человек. Иохельсон в начале 1900-х годов насчитывал всего лишь 700 человек, из них более 300 кочевало в так называемой Западной тундре, между низовьями рек Индигирки и Колымы. Эти юкагиры уже несколько оламучены (ламутами называют часть горных тунгусов).

В верховьях Колымы, по Иохельсону, жило около 200 юкагиров, из них на Коркодоне 60, и несколько семей юкагиров оставалось в низовьях Омолона. Наконец небольшое количество обрусевших юкагиров, совершенно забывших свой язык, жило в поселениях на Колыме, вблизи устья Омолона. Сейчас по тем сведениям, которые мне удалось собрать, в верховьях Колымы живет всего 125 человек, из них на Коркодоне — 20, на Колыме, у устья Коркодона и Бобровой — 15, в Нелемной — 80 и на Сугое 10.

Юкагиры очень интересное племя, принадлежащее к палеазиатам. Их язык, по исследованию Иохельсона, имеет связь с языками индейцев Северной Америки. Чрезвычайно любопытны народные сказания юкагиров, собранные на Колыме Иохельсоном, который издал о юкагирах большую монографию на английском языке и ряд статей и сборник фольклора на русском языке.

Юкагиры в настоящее время утратили чистоту расы — только на Коркодоне в сущности можно отыскать чистый юкагирский тип. Мицкевич описывает их следующим образом: «Юкагиры — это стройные, легкие люди невысокого роста, с продолговатыми лицами, светлыми карими глазами, с черными прямыми, до плеч волосами, почти без растительности на лице». Но в Нелемном например у юкагиров можно подметить очень много примеси русских, якутских и тунгусских черт, и здесь я даже видел одного патриарха с большой белой бородой — большая редкость среди туземцев севера — и с розовым лицом, очень ясно обнаруживавшим его происхождение от русской матери.

Экономическое положение юкагиров чрезвычайно тяжелое. Исконные рыболовы, они живут главным образом вдоль рек и

всецело зависят от улова. Оленей до сих пор они не держали, но и настоящего колымского скота — собак — они также имели очень небольшое количество: в одной семье бывает три-четыре собаки, причем во время весенних перекочевок юкагиры должны сами впрягаться в нарты, чтобы помогать собакам. Как и для большинства туземцев севера, для юкагиров основным подспорьем служит охота; некоторые юкагиры в этом деле не уступают тунгусам. Но, не будучи в состоянии удалиться далеко от реки, они часто голодали. Раньше голодовки наступали обычно в середине зимы и в некоторые годы достигали больших размеров среди юкагиров на Коркодоне и на Поповке (левый приток Колымы выше Ясашной).

В прежнее время правительство пыталось иногда притти на помощь юкагирам, но делало это в весьма скромных масштабах. В 1901 г. врач Мицкевич был послан в Нелемную, так как тамошние юкагиры писали жалобные челобитные, в которых сообщали, что они «вследствие неулова рыбы в настоящем году пришли к неминуемой смерти от голода». Но Мицкевич мог на отпущенные деньги купить для них очень мало продовольствия, — оно не обеспечивало их и до весны.

Та кабальная система торговли и систематическое спаиванье, которые существовали в то время, конечно не могли позволить юкагирам улучшить свою жизнь. В настоящее время система снабжения юкагиров в корне изменена, и они имеют возможность своевременно получать продовольствие.

От Нелемного наш караван обогатился еще одним спутником: Бека, то ли из сострадания, то ли по каким-то более корыстным причинам взял с собою, чтобы довезти до Столбовой, какую-то дряхлую старушку-юкагирку в меховом чепчике и рваных раздужных штанах. Во время остановок она разводила костер и потом долго сидела возле него, грея руки и набивая свою неизменную трубочку.

От Нелемного до Коркодона мы могли ехать по санному следу — здесь в начале зимы провезли груз в факторию Госторга, находящуюся у устья Коркодона, и хоть этот след был заметен пургами, но опытный проводник мог его найти; на нем снег был гораздо тверже, и нарты проваливались не так сильно.

Между Ясашной и Колымой лежит древняя речная терраса с рядом мелких озер и большими болотами. Мы быстро пересекли этот треугольник и 8 марта вышли на Колыму. Дальше предстоял старый путь, пройденный нами уже летом по Колыме. Мы шли главным образом вдоль правого крутого берега реки. Вдоль него тянется ряд утесов, которыми нас так пугали летом, говоря, что возле них зальет нашу лодку. Но и зимой эти утесы служат источником опасений. Любители страшных

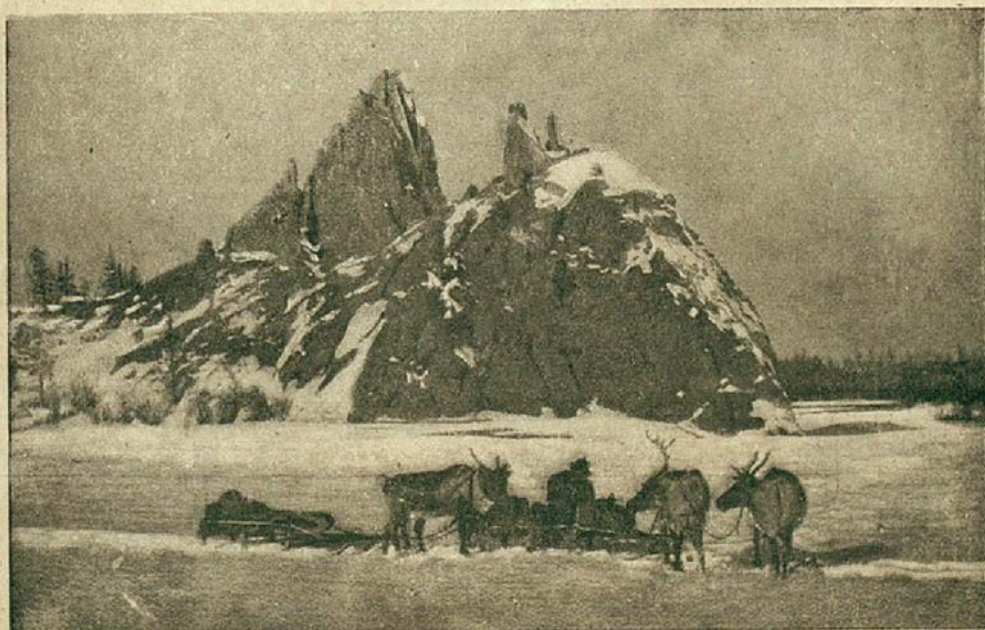
историй рассказывают, что есть такие утесы, возле которых зимой из-за ветра нельзя даже пройти.

Мы двигались все-таки сравнительно медленно, со скоростью от 20 до 30 км в день. Каждые три дня делалась дневка для того, чтобы дать отдохнуть оленям, которые должны были добывать себе мох из-под довольно глубокого снега. Поэтому только 17 марта мы дошли до фактории у устья Коркодона, которую обычно называют Столбовой, так как она расположена на острове Столб против устья маленькой речки Столбовой.

В фактории кроме нашего старого знакомого Дмитрия Винокурова мы встретили агента Госторга Бережнова; он кроме того член Колымского окружного исполкома. Когда он уезжал из Среднеколымска, я просил его, чтобы он постарался достать нам проводника на Коркодон. В феврале сюда приходили тунгусы с верховьев правого притока Коркодона Рассохи и с Сугоя для закупки товаров. Бережнов рассказывал, что он потратил несколько дней на разговоры с тунгусами, но ему не удалось убедить их провести нашу экспедицию по Коркодону. Они говорили: «Горы наши, камни наши, река наша — нечего им ехать и смотреть». Когда Бережнов сообщил им, что с нами идет Бека, о котором они давно слыхали и который был в хороших отношениях с тунгусами, они отвечали, что если бы Бека пришел один, они его провели бы, «а с русскими мы не хотим встречаться».

Очевидно чтобы испугать нас, они говорили, что по Коркодону сейчас невозможно идти, что там глубокий снег, недавно прошли большие пожары, которые выжгли все моховища, так что оленей там негде кормить, а Коркодон во многих местах

Остров Столб у устья Коркодона.

покрыт полыньями и по нему невозможно ехать на нартах. Бережнов отмечал, что эти тунгусы отличаются особой отсталостью.

Естественно, что такие далекие от всякой культуры люди, не имеющие представления об остальном мире, легко становятся объектом обмана со стороны предприимчивых дельцов. В период гражданской войны, когда товары сюда совершенно не завозились, ловкие спекулянты брали с тунгусов за две папиросы по пять белок.

Дальнейший путь приходилось очевидно совершать так же, как мы это делали в прошлом году, т. е. без проводников. Первый участок Коркодона — около 90 км до устья Рассохи — было нетрудно пройти. Здесь часто ездил Бека и хорошо знал дорогу, а у устья Рассохи мы должны были найти юкагиров в их зимнем поселении.

В Столбовой мы несколько улучшили наш караван. Бека оставил здесь часть плохих оленей и маток и взял вместо них своих, пасшихся вблизи под надзором тунгуса. С нами теперь шло всего 84 оленя, запряженных в 35 нарт (включая нарты ямщиков). Вверх по Коркодону вместе с нами поехал Бережнов, который хотел отвезти юкагирам на устье Рассохи муку, так как на своих многочисленных собаках они не могли доехать до фактории.

Коркодон в нижнем течении довольно большая река, по которой возможно плавание на моторных лодках. С правой его стороны тянется та палеозойская гряда, которую Кольма пересекает ниже Столбовой, а по левому берегу идут пологие отроги плоско-

Покинутая изба юкагиров на устье Яркодона.

гория. Здесь оно поднимается выше линии леса и обладает очень пологой, слабо волнистой поверхностью. Островов на Коркодоне мало, и большей частью он течет одним большим потоком.

На третий день пути по Коркодону мы в первый раз встретили большие наледы. Вода покрывала протоку, по которой мы ехали, на значительном протяжении; были видны и открытые полыньи. Это еще раз подтвердило мрачные предчувствия наиболее пессимистически настроенных участников экспедиции, которые невольно вспоминали предсказания тунгусов о непрерывных полыньях на нашем пути. В тот же день у устья небольшого правого притока, Яркодона, мы увидели старую юкагирскую избу, в которой когда-то жила целая семья. Хозяин этой юрты был тунгус — тот самый, который вел Иохельсона из Гижиги. Вскоре он бросил свою семью и в 1903 или 1904 г., во время обычной голодовки к концу зимы, им пришлось так тяжело, что наиболее сильные члены семьи съели остальных. Как мне рассказывали, самыми сильными оказались два мальчика лет 16. Они съели свою бабушку, мать и трех сестер. Но потом они сами умерли от голода или болезней. Когда весной соседние юкагиры явились в эту избу, они нашли в ней двух покойников и остатки мяса остальных убитых членов семьи, заготовленного в прок. Юкагиры в течение 25 лет не заходят в эту юрту и относятся к ней с суеверным страхом. Крыша юрты уже провалилась, и из-под кучи снега были видны котел, сковородка, чайник и два черепа. Мне удалось раскопать еще тре-

Лабаз для хранения продуктов в юкагирском поселении на устье Рассохи.

Тов. Бережнов разговаривает с немим юкагиром.

тий, и я взял с собой два лучше сохранившихся черепа для того, чтобы доставить их в Ленинград.

На четвертый день мы дошли до устья Рассохи, но и тут нас ожидало разочарование: в стойбище юкагиров не было ни души. Юкагирское поселение у устья Рассохи, называющееся Чинганджа, состоит из нескольких юрт, построенных по якутскому образцу, и нескольких лабазов. Здесь лабазы, для того чтобы предохранить продукты от диких зверей, ставятся на один или два высоких столба, так что попасть в них можно только при помощи стремянки. Кроме этих сооружений вблизи юрт были будки для собак, сделанные из сухой травы. Это был большой шаг вперед против собачьих будок, которые я видел в Верхне-колымском районе у якутов (там они были сделаны из больших навозных плит, поставленных в виде карточного домика, а собака сидела на веревке у входа в домик на куче собственного навоза).

У устья Рассохи⁸ мы простояли сутки, для того чтобы дать возможность Салищеву определить астрономический пункт. Я в это время сходил вверх по Рассохе, чтобы изучить утесы, и за-

⁸ Читатель может быть удивлен тем, что это название часто повторяется в колымской географии. Рассохой на старо-русском языке называют большие притоки реки — преимущественно те притоки почти равной величины, на которые река распадается невядалеке от устья. Это старинное русское название, известное на севере б. Архангельской губ., занесено и на Колыму.

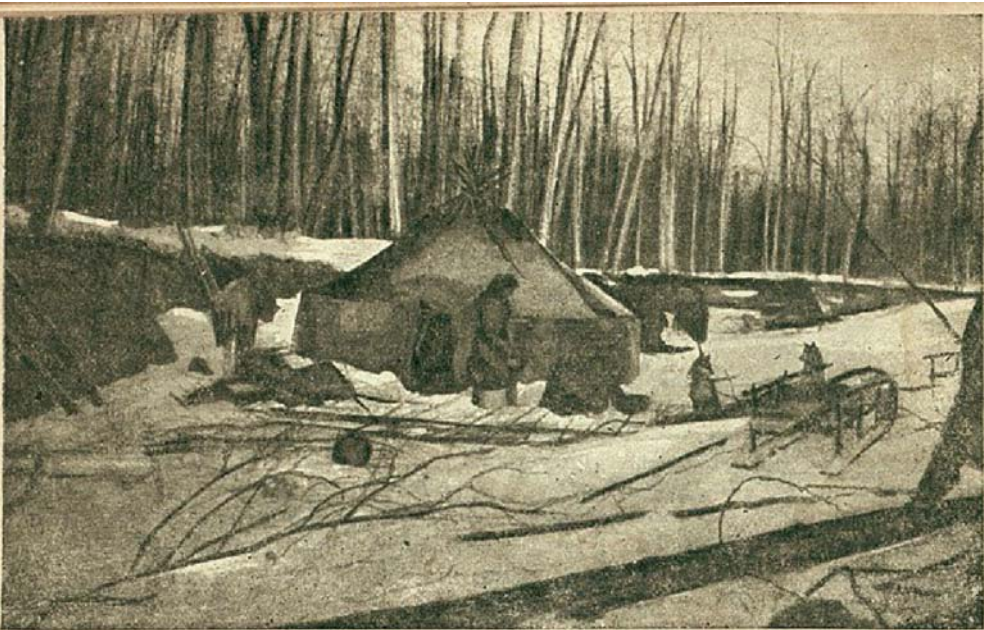
брался на лыжах на гору, чтобы посмотреть, что за таинственная страна расстилается к востоку. Передо мной открылся унылый вид — между Рассохой и Коркодоном и на юг от него тянулось низкое, ровное плоскогорье, а Коркодон уходил на восток, и километрах в 150—200 в этом направлении блеснули снежные вершины отдаленных гор. Когда мы проложили на карте направление Коркодона, оказалось, что он идет в нужную нам сторону и мы попадем прямо к устью Крестика на Омолоне. Другое обстоятельство было печальнее — казалось подтвердились худшие предсказания тунгусов. Видно было, что во многих местах Коркодон стоял открытый и на большом протяжении по правому его берегу простирались огромные пространства, выжженные лесными пожарами.

Дальше приходилось идти без проводника. Нужно было не только пробивать дорогу, но и отыскивать кормовища для оленей. Можно было опасаться, что выше по реке пожар может быть перекинулся и на южный берег Коркодона, и нам придется свернуть в сторону от реки и обходить сожженные голодные места. Чтобы обеспечить продвижение каравана на Омолон по намеченному маршруту, я обещал Беке большую премию, в случае если он выведет нас до вскрытия рек в верховья Омолона, к Крестику.

ХІІІ. ПО СЛЕДУ

Три дня мы медленно двигались вверх по Коркодону по следам узких нарт юагириков. Видно было, что они часто останавливались и пробивали ряды прорубей в реке, чтобы ловить рыбу подледной сетью. Наконец у одной из стоянок Бека заявил, что теперь юагиры уже близко, так как след совсем свежий, и что можно стать на ночь, не доходя до них. Мы оставили наших спутников и вдвоем с ним поехали отыскивать юагириков. В нескольких километрах далее, во впадине у высокого речного обрыва под рошей тополей, мы увидели стан юагириков. Они только что пришли, и вечернее солнце ярко освещало коричневые шкуры недавно поставленного чума. Мужчин не было, а несколько женщин занималось расстановкой другого чума и палатки. На пучках сухой желтой травы сидело несколько черных собак по две, по четыре вместе — маленьких, с острыми мордочками. Так как это очень ценный и редкий здесь скот, то им была подложена теплая подстилка, чтобы они не простудились. Тут же рядом в мехах на снегу лежали грудные дети. У одного из юагириков был не чум, а палатка — это уже последнее достижение культуры, заимствованное у якутов, а последними у русских. Палатки при

Стан юкагиров на Коркодоне.

перекочевках гораздо удобнее, чем кожаные и берестяные чумы, и они начинают прививаться на севере; при транспортировании грузов на оленях пользуются исключительно палатками.

Увидев Беку и меня, внезапно появившихся на краю сугроба на фоне заката, одна из старух начала эмирячить. Бека немедленно стал ей подражать, и они стояли друг против друга, подбоченившись и кривляясь. Эта старуха, так же как и ее товарка, была очень дряхла, одета в серые кожаные отрепья и в длинные ровдужные темносерые от грязи штаны. Я невольно вспомнил книгу Иохельсона об юкагирах, где он описывает двух девушек с Коркодона, давших ему на прощанье любовные письма, написанные на бересте, и подумал, что эти две грязные старухи, возившиеся возле юрты, могли быть как раз этими девушками, писавшими такие нежные послания. Коркодонские юкагиры еще хорошо помнят Иохельсона, которого они называют «Огнесоном». Ведь он провел с ними очень много времени, скормил им все продукты, которые привез с собою, и голодал вместе с ними в 1897 г.

Вскоре после нашего прихода стали появляться и мужчины. Первыми пришли маленькие мальчики лет 5-6. Они шли на лыжах, очень забавных — широких и коротких, с серьезным видом, подражая в походке мужчинам. Затем появились взрослые — темные силуэты (солнце уже заходило) на тонких, изящно обутих ногах и в просторных меховых парках. Нас приняли в самом

большом чуме и угостили обязательным чаем со строганиной. Все население Коркодона — 20 душ — собралось в этой юрте посмотреть на нас.

На следующий день юкагиры явились к нам, чтобы получить у Бережного продукты и сдать ему пушнину. Между нашими нартами была поставлена тренога и подвешены весы. Взвешивали муку, нюхали и делили табак, щупали мануфактуру. Женщины в расшитых нагрудниках, рисунок которых заимствован от тунгусов, стояли степенно. Особенное впечатление на всех наших проводников произвела молодая девица, знаменитая охотница Ольга, девушка лет 17-18 с ярким цветом лица. Она уже ведет самостоятельную охоту и нынешней зимой убила 50 белок. Юкагиры сдали Бережному не только свою пушнину, но и перекупленную у тунгусов. К ним иногда заходят «дикие» горные тунгусы, и юкагиры, как они ни бедны, стараются извлечь из этого какую-нибудь прибыль.

При помощи Бережного мы долго уговаривали юкагиров дать нам проводника вверх по Коркодону. Выяснилось, что они вверх по реке знают путь очень недалеко, только километров на 50. Они обычно в конце зимы поднимаются вверх по Коркодону, чтобы ловить рыбу, и в конце апреля возвращаются обратно на устье Рассохи, а затем летом спускаются вниз по Коркодону до Колымы. Раньше они спускались до самого Верхнеколымска, чтобы явиться в церковь и совершить требы — все разом за целый год. Из-за этого у них пропадало все лето, а часто и время богатого рыбного промысла. Далеко по Коркодону никто из них не заходил. Но даже на эти 50 км они долго не соглашались дать проводника.

Юкагиры в гостях у экспедиции.

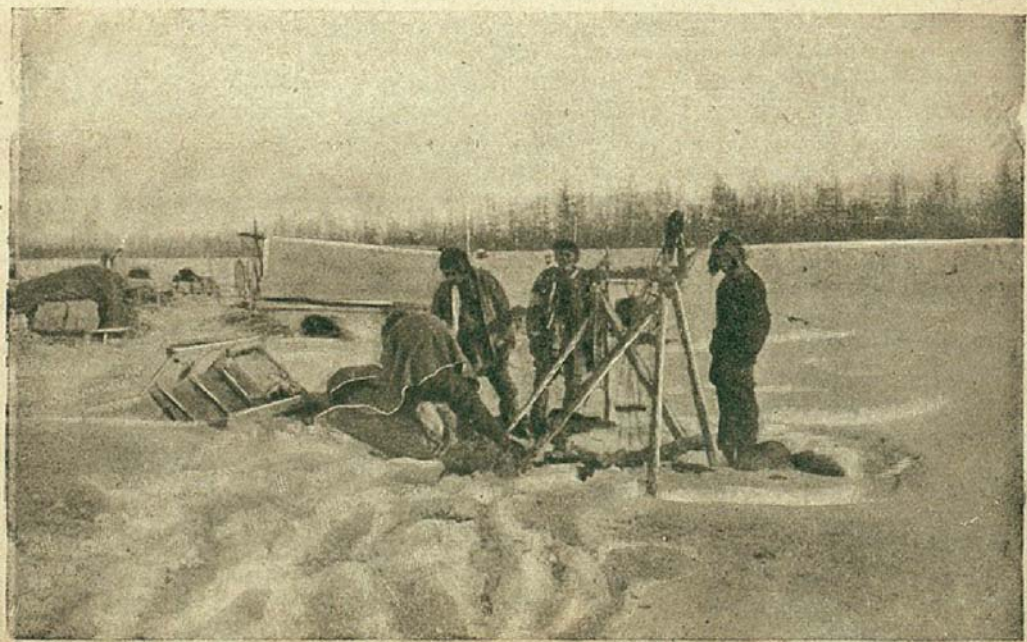

Сидя кружком на полу палатки, попивая медленно чай, мы вели с ними очень длительные дипломатические переговоры. Юагиры хотели показать, что они делают большое одолжение даже тем, что пришли сюда и разговаривают с нами. Старший юагир Григорий говорил: «Из-за того что мы сегодня не откочевали вверх по реке и остались на старом месте, мы не могли поймать рыбы и голодаем. Вчера мы хотели просить вас, чтобы вы перекочевали вместе с нами вверх, но так как мы знаем, что вы собираетесь в дальнюю дорогу, мы не хотели вас беспокоить». Потом нам сообщили, что если кто-нибудь из мужчин пойдет с нами проводником, то им опять-таки придется голодать, потому что улов рыбы будет незначителен. Наконец после десятой чашки чая, выговорив громадную плату, они согласились дать нам в проводники самого древнего старика, очевидно потому, что как работник при ловле рыбы он был уже совершенно не нужен.

Бережнов кроме торговых дел должен был в качестве члена исполкома провести муньях (собрание). По директивам правительства для обслуживания юагиров предполагается создать культурную базу в фактории на Столбовой, и надо было уговорить юагиров перейти на оседлое жительство в окрестностях базы. На все убеждения Бережного, что возле базы жить им будет легче и что никогда не будет голодовок, юагиры отвечали отказом. Они говорили: «Живите сами в культбазе, а нам не выжить; если мы должны будем отказаться от вольного воздуха и перекочевков, мы умрем». Так Бережнов и уехал обратно, не

Развеска табака.

убедив их променять вольную голодную кочевую жизнь на более обеспеченное оседлое существование.

После встречи с юкагирами было решено по их совету покинуть Коркодон, потому что на нем слишком часто начали попадаться опасные полыньи, в которые легко могли провалиться нарты (накануне один олень в моей нарте наполовину провалился сквозь лед, пробитый копытами передних оленей), и двинуться прямо через болота и леса, вдоль подножия гор левого берега. К тому же это сильно сокращало наш путь, так как Коркодон выше Рассохи сильно извивается среди своей широкой долины и образует мелкие протоки и острова.

Но уйти от юкагиров было не так просто — утром на следующий день исчезли олени, их найти оказалось почему-то трудно, многие нарты надо было чинить, якуты-ямщики двигались страшно медленно, и Ваня убеждал меня, что необходимо остановиться тотчас у стана юкагиров и что так распорядился Бека. Потом я узнал, что причиной этого промедления была охотница Ольга — всем хотелось провести еще денек с ней, и только железная настойчивость Беки позволила нам в полдень двинуться дальше и безопасно пройти мимо стана юкагиров. Они перешли немного выше по реке и начали здесь ловить рыбу. Поперек реки пробивалось несколько прорубей, и сквозь них пропускалась сеть.

Этим были заняты все мужчины, включая мальчиков.

Покинув Коркодон, мы двинулись наискосок через кунтук — так называют здесь редкий лес, лежащий между рекой и подно-

Подледный лов рыбы сетями у юкагиров на Коркодоне.

жем гор. Вскоре оказалось, что старик-юкагир, очень милый и ласковый, как проводник никуда не годился. Итти вперед на лыжах и прокладывать путь (лыжницу) для передовых оленей он был не в силах, а в выборе дороги для оленьего каравана он не понимал ничего, так как никогда не водил связку нарт. Поэтому, посмеявшись над ним немного, Бека посадил его на одну из задних нарт, и три дня, в продолжение которых старик ехал с нами, он провел на этом почетном посту. Плату — кирпичный чай, — чтобы не тащить с собою, он получил конечно вперед.

Оставалась надежда на встречу с «дикими» горными тунгусами. Поэтому мы внимательно смотрели, не попадется ли где-нибудь след верхового оленя. Долина Коркодона тут очень широка, километров до 7-8. Мы шли вдоль гор левого берега под мягкими склонами, почти без утесов. Между ними лежит широкий кунтук, местами совершенно открытый, с болотами (калтусами по-колымски). Чтобы осмотреть утесы по правому берегу, мне приходилось пробегать это большое пространство и потом, пройдя вдоль утесов по реке, возвращаться обратно в лес к условленному месту встречи с Ваней, который был моим ямщиком. В Верхнеколымске я купил для этого местные лыжи, подбитые мехом с оленьих ног (камасом). Ширина их показалась бы невероятной для спортсмена. В средней части они равнялись 28 см каждая. Но ходить на них было очень хорошо, а в особенности они очень удобны для подъема на горы.

Зимою без лыж человек здесь совершенно беспомощен; у проводников они как бы приросли к ногам. Бека и его помощники то шли впереди каравана, прокладывая лыжницу для передовой нарты, то бежали рядом, то садились на минутку на нарту, не сбрасывая лыж, а свесив ноги сбоку. Интересно было смотреть, как они ловили оленей. Иногда олени забирались очень высоко на горы, и Бека проворно бегал за ними и с невероятной быстротой спускался вслед за бегущим стадом с крутой горы среди густого леса и кочкарника.

Так мы прошли притоки Коркодона — Пани и Лармончик. На третий день, не доходя до Билирикена, мы пересекли следы тунгусов, ушедших на юго-запад. Наши якуты тотчас же собрались вокруг остатков становища и стали определять, кто тут был. Было решено, что тунгусы ушли не далее трех переходов, что здесь было 20 оленей, женщины, трое мужчин, детей не было. Я проникся большим почтением к этому искусству и невольно вспомнил рассказы Купера про славных индейцев-следопытов. Позже впрочем пришлось внести некоторые коррективы к точности этих наблюдений. Оказалось, что в этой семье был всего один мужчина, но зато были дети.

Осмотрев следы, Бека немедленно снарядился в дорогу. Он взял немного еды, легкую парку, сбросил все тяжелое и отправился по следам на юго-запад. Мы пошли дальше вверх по Коркодону и у устья Билирикена неожиданно наткнулись еще на одно становище. Весь снег был истоптан оленями, и на реке, к которой незадолго до этого мы подошли, стоял тунгус с каким-то мешком в руках. Увидев наш караван, он бросил мешок и умчался в лес. Мы стали недалеко и воздержались пока от поисков тунгусов до возвращения Беки — никто из нас кроме него не знал тунгусского языка. Бека прошел в погоне за тунгусами несколько десятков километров, нагнал их, переночевал и вернулся утром к нам. Тунгусы, которых он нашел, не согласились идти с нами — у них был только один мужчина, который не мог оставить семью. Он послал нас к другой семье, возле которой мы как раз стояли.

С утра Бека отправился уговаривать этих тунгусов. Сначала он побывал в ближайшем чуме, а потом, не достигнув здесь никаких результатов, отправился за несколько километров в сторону, где стояла другая семья. Тунгусы из ближайшего чума отказались идти с нами и, как рассказывал Бека, очень испугались, потому что они «дикие». Они были напуганы белыми шаиками, бродившими здесь в течение последних лет гражданской войны и отнимавшими продовольствие и оленей. Прослышав об экспедиции, они думали, что это опять военная экспедиция, и что у них могут увести оленей, а самих мужчин забрать в проводники.

Днем к нам пришла разведка в лице мальчика лет семнадцати. Он был весь какой-то серый, с длинными слипшимися космами волос. Войдя в палатку, он остановился, поискал глазами икону и не найдя перекрестился несколько раз на висевшие рукавицы. Потом сел у входа и долго сидел молча.

Другое посещение было более эффектным. Пришел тунгус средних лет в яркожелтом кафтане, расшитом красными и синими полосками по бортам и вокруг карманов. Ехать с нами он не хотел, он приехал сюда с верховьев Сугоя за серьезным делом — высватать невесту. Мы пробовали уговорить его нарисовать нам верховья Коркодона и Сугоя. Он взял в руки карандаш, хотел провести линию — тунгусы вообще хорошо рисуют карты известных им мест, — но потом боязливо отказался.

Днем я ходил вдоль по Коркодону, чтобы осмотреть прибрежные утесы, и видел еще одного «дикого» человека. Это был тунгус, ловивший рыбу из проруби. Он сидел на льду совершенно неподвижно, скорчившись над прорубью, спустив в нее лесу, и даже, когда я подошел, не поднял головы. На мое приветствие он ответил «здорово» и опять устоялся в прорубь. На нем была

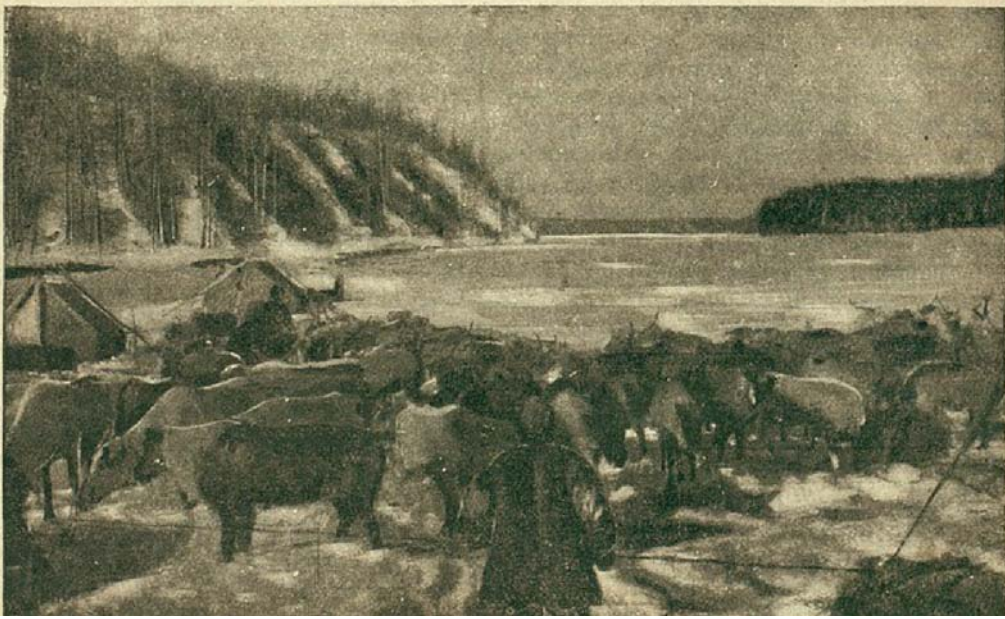

совершенно голая вылезшая парка, ошейник из потертой росомахи и ровдужные перчатки с прорванными пальцами. Я постоял возле него минут 20, сфотографировал его несколько раз за это время — он сидел неподвижно, как статуя, не поднимая глаз. Результат такой рыбной ловли по нашим понятиям довольно мизерный, но, как передавал Бека, тунгусы были очень довольны: они стояли только неделю и уже поймали пять рыб.

Бека вернулся из второй юрты с тем же отрицательным результатом. По его словам никто не соглашался ехать с нами, утверждая, что никто верховьев Коркодона не знает. Эти тунгусы кочуют по водоразделу среднего течения Коркодона и Сугоя, никогда не выходят ни на Кольму, ни на Охотское побережье и никогда не видели ни русских, ни торговцев-якутов. Закупки для них делает один богатый тунгус, который живет значительно выше по Коркодону, и никто из них не только сопровождать нас, но даже рассказать дороги не сможет. Только один старик сжалился над нами и дал Беке краткие сведения о предстоящей дороге.

Вечером мы с Беккой поехали к этому старику, чтобы по возможности добыть у него побольше сведений. Чум стоял в лесу на горе над Коркодоном, среди редкого лиственничного леса. Нас посадили на почетную сторону на оленьи шкуры. Старуха-хозяйка принялась готовить угощение. Она вымыла руки и лицо (по русскому способу водой изо рта), прежде чем начать резать мясо. Мясо она резала на деревянной тарелке. Чай был подан на низком деревянном столике (вроде скамеечки для ног), на котором

Утренний сбор оленей каравана экспедиции
на Коркодоне у Билирикена.

стояла эмалированная тарелка с разложенными на ней кусочками оленьего мяса.

Старик рассказал, что в молодости он бывал в верховьях Коркодона, что до верховьев еще очень далеко и что мы не прошли даже полпути. Дальше будет еще узкое место — ущелье с отвесными скалами, называющееся «Абкит» (ущелье по-тунгусски). От этого ущелья до истоков реки столько, сколько от ущелья до устья реки. Далеко за ущельем на левом берегу будут крутые утесы «Элень». Против этих утесов находится речка, по которой когда-то русские купцы приезжали на собаках из Гижики через Омолон. Эта речка называется «Русский тракт», и по ней можно перевалить на Омолон, а сам Коркодон уходит дальше между двух высоких гор и разделяется на две вершины.

Мы долго сидели у старика, но видимо он действительно позабыл многое и не мог указать нам точных расстояний и названий тех рек, которые будут нам встречаться. Все время пока мы сидели в чуме, вокруг шныряла собака, которая хотела получить подачку со стола. Вскоре пришли дочь и сын, севшие скромно по другую сторону очага. Сын принес тушку зайца, которую он стал разделывать, а дочь все время над чем-то смеялась и толкала его в бок.

XIV. БЕЗ ДОРОГИ

На следующий день мы отправили обратно нашего старика-юкагира, так как он все равно ни дальнейшей дороги, ни названий не знал, и пошли снова без проводника. Сначала нам нужно было идти по указаниям тунгуса в стороне от реки, через болота, для сокращения дороги и также потому, что вблизи реки по правому берегу на значительном расстоянии все кормовища были выжжены. Днем мы двигались среди полного безмолвия. Попадались только следы белок, лисиц и зайцев; иногда пролетали кукушки и черные мрачные вороны.

Впереди каравана обычно шел якут по прозвищу «Кука». Это был старый, опытный проводник, который хорошо умел выбирать и прокладывать дорогу. Это далеко не простое дело и к тому же очень утомительное: надо все время идти на лыжах по снегу и тащить за собой связку нарт. Передовая нарта идет почти совсем пустая, и олени только пробивают снег. Следующая — с небольшим грузом, а дальше идут уже груженные нарты, на каждой из которых лежит 160—200 кг. Передние олени часто выбиваются из сил и их приходится сменять, но Кука весь день шел неутомимо вперед, всегда веселый, мурлыкая песни. То он бросал связку и отходил вперед, чтобы выбрать хороший спуск в ручей

или в протоку реки, то прорубал топором заросли, через которые мы пробирались.

Следом за связкой Куки шла другая связка, которую вел сам Бека, а затем другие ямщики — Димитрячка и Конон. Димитрячка — маленький, немного горбатый якут, так же как и Кука полуглухой; Конон — веселый молодой парень. Кроме этих имен они все имели еще прозвища, заменяющие у якутов фамилии.

Кука был неизменно оптимистичен, и в то время как остальные — и не только наши русские рабочие — начинали унывать, Кука считал, что все обстоит превосходно и мы несомненно выйдем на Омогон.

На стоянках, место для которых выбирал Бека или Кука, раскопав снег и освидетельствовав мох, оленям предстояла новая работа — копытить снег, чтобы добывать пищу. По мере того как мы двигались на восток, приближаясь к морю, снега становились глубже, все труднее становилось пробивать дорогу и раскапывать снег. Но на дневках у оленей все же оставалось достаточно времени, чтобы слоняться по лагерю в поисках чего-нибудь соленого. При этом они жевали все что попадется — мешки, меховые рукавицы, шапки, пробуя все на вкус. Один олень, запрягавшийся в мою нарту, раз ночью съел 4 кило шанхайского топлёного сала и потом трое суток страдал поносом.

Дня через три после того как мы ушли от последних тунгусов, впереди стало видно разделение Коркодона на две долины. Одна уходила на юг, а другая — в высокие горы к северо-востоку. Казалось, что это то самое направление, которое нам нужно,

Олени копытят мох из-под снега.

и когда я догнал Куку, остановившегося среди равнины, чтобы поправить олений, он с радостью сообщил: «Это наверное Коркодон уходит в горы, он обязательно должен идти налево, я очень рад! Завтра наверное дойду до Омолона!»

К вечеру мы дошли до разделения реки, и хотя в горы на восток уходила сравнительно небольшая речка, Кука отправился вверх по ней, уверяя, что Коркодон не может уходить на юг. Только через километр его догнал Бека и заставил вернуться назад, доказывая, что Коркодон никак не может быть таким маленьким. Мы стали на устье этого неизвестного притока Коркодона; впоследствии выяснилось, что это был вероятно Джигуджак, о котором нам рассказывал старик. Мы решили определить тут астрономический пункт; для этого была выбрана стрелка на самом устье реки с живописной лиственницей, на которой высилось громадное орлиное гнездо.

Следующий день был очень неблагоприятным для наблюдений: ночью начался снег, который продолжался целые сутки, и мы стояли в белесой мгле, сквозь которую не видно было даже ближайшего леса. Все сидели в своих палатках и мрачно думали о предстоящем пути. Коркодон несомненно уходил круто на юг, почти параллельно Омолону, и тем самым очень удлинял наш путь до весновки.

Наиболее мрачные предположения и предсказания шли из палатки русских рабочих. Как оказалось, распространителем самых страшных известий явился Ваня. Вообще это очень милый молодой человек, с хорошим характером, прилежный на работе и хороший олений, а также собачий «каюр», но, как и все колымчане, он очень любит передавать слухи и страшные известия. Еще в начале дороги из Верхнеколымска он писал домой жене, что «Обручев ведет нас в такое место, где мы все пропадем — олени и люди». Он был связующим звеном между обеими палатками — «якутской» и «русской» — и, возвратившись в «русскую» палатку, неизменно рассказывал, что на Омолон нам не попасть, олени совершенно «расписались», что Кука требует повернуть в первую же долину, уходящую на восток, иначе вся ответственность за то, что мы не попадем на Омолон, ляжет на начальника экспедиции; что Бека сказал: «Довежу до Омолона — и там брошу, до Крестика не поведу: якуты тоже не собаки, чтобы пропадать».

Об Омолоне, на котором он был в прошлом году, он рассказывал самые ужасные вещи: в верховьях его, где мы хотим весновать, нет леса не только для постройки лодки, но даже на топливо; течение такое быстрое, что невозможно удержаться у берега; чтобы остановить лодку, ее необходимо привязывать к дереву веревкой, но у них веревки лопались и лодку уносило; вся

река покрыта камнями, а где нет камней — там громадные заломы, при ударе о которые лодка должна обязательно опрокинуться.

Все эти разговоры передавались мне другими русскими рабочими — Михаилом и Василием — в еще более преувеличенном виде и с самыми мрачными предсказаниями предстоящей гибели. В ожидании грядущего Михаил, человек мрачного и тяжелого характера, организовал первый бунт, пока продовольственный. Внезапно русские рабочие отказались от норвежских галет и сгущенного молока, которые Академией наук были специально выписаны для полярных экспедиций из-за границы. Галеты были не нужны на том основании, что «для русского человека нужна лепешка», а молоко не стоит брать, потому что все равно на всех его вволю нехватает. Лепешки, кстати сказать, за зимнюю дорогу пекли всего раз — слишком это скучное занятие, а молоко потом на весновке брать снова согласились.

Михаил вообще ничем никогда не бывал доволен. Если ему сказать: «Какая хорошая зеленая трава» — он обязательно ответит с мрачной миной: «Но в ней сидят комары». Когда мы ехали еще прошлой зимой по Хандыге, он все время упрекал меня, что мною взяты для весеннего времени только бродни (ичиги), что надо было брать болотные сапоги. Когда в Оймеконе в лавке Госторга нашлись болотные сапоги и я предложил ему их купить, он отказался, говоря, что они ни к чему. В верховьях Колымы он все время с негодованием говорил, что для того, чтобы бродить по воде и снимать лодку с мели, необходимы в прозодежде чирки. В Средникане я с радостью увидел в конторской лавке ичижные головки, которые могли служить вместо чирков, и купил по паре для каждого сотрудника экспедиции. Когда я привез их на берег Колымы и дал Михаилу, он, сидевший в тяжелом похмелье, мрачно сказал мне: «Не понимаю, зачем вы их покупали — они никому не нужны».

На устье Джигуджака не удалось отнаблюдать пункта, и нельзя было взобраться на горы, чтобы посмотреть вперед. Только на второй день кончился снег и можно было двинуться дальше. Еще через два дня мы дошли до ущелья Коркодона. До сих пор река шла в очень широкой долине, шириной свыше 7 км, по обе стороны от которой лежало довольно ровное плоскогорье с редкими группами более значительных вершин. Это плоскогорье, которое Колыма омывает с запада, простирается далеко на север, занимая все пространство между Омолоном и Коркодonom, на месте Колымских гор, показанных на старых картах; мы называли его Юкагирским плоскогорьем. Выше Джигуджака Коркодон идет уже по окраине плоскогорья, вдоль большого горного отрога, отходящего от Охотского водораздела.

Знаменитое ущелье Абкит оказалось в действительности не таким страшным. Здесь нет ни одной большой скалы и в самом узком месте находится только несколько небольших утесиков. Но все-таки оно значительно уже остальной долины и очень извилисто. В середине его мы сделали обычную дневку после трехдневного перехода, и тут Салищев определил астрономический пункт. Бека со своими нартами решил отправиться вперед на несколько переходов, для того чтобы отыскать следы тунгусов, потому что положение делалось все более и более напряженным, — мы ведь не знали, где же наконец будет эта Русская река, которая должна вывести нас на Омолон.

Во время дневки я поднялся на соседнюю гору, которая возвышалась метров на 700 над долиной реки. С нее открывался чудеснейший вид на все стороны кроме востока, который был загорожен ближайшими горами. На западе над поверхностью Юкагирского плато была видна группа конических сопок, достигавших 1500 м высоты. Эта группа носит название Уямкан (горный баран). Это название у тунгусов нередко дается горам, в которых встречаются бараны. Якутское «Чубукалах», встречающееся также нередко, имеет то же значение (от «чубука» — горный баран). На юг было видно, что выше ущелья долина Коркодона опять расширяется, его верховья представляют очень плоскую и длинную впадину между двумя цепями гор. Западная из них, лежащая между Коркодоном и Сугоем, тянется в виде ряда групп острых конусообразных гор и гребней. За нею километрах в 150—200 западнее видна была вторая, подобная же цепь, идущая между Сугоем и следующим притоком Колымы — Балыгычаном. Наконец с востока долина Коркодона окаймлялась высокой непрерывной цепью гор с редкими острыми вершинами. Повидимому эти горы и назывались Хакымычак, как их нам описали тунгусы. В них уходило несколько речных долин мелких притоков Коркодона, и какая-то из них должна была быть Русской рекой. Нам предстояло в ближайшие дни выбрать себе путь через эту гряду.

На следующий день мы вышли из Абкита в верхнее расширение Коркодона. В самом верхнем конце Абкита лежит громадный тарын, занимающий все пространство реки между крутыми склонами гор. Нередки значительные тарыны и выше, в расширении, где Коркодон разбивается на мелкие протоки между многочисленными островами, покрытыми тополями и чосенией. На первой же нашей остановке к вечеру вернулся Бека, страшно усталый, едва волочащий ноги. Он уходил за эти два дня на лыжах очень далеко, оставив оленей на месте первой условленной стоянки, но тунгусов не догнал. Видел довольно много их старых следов, но до свежих ему дойти не удалось. Нужно было

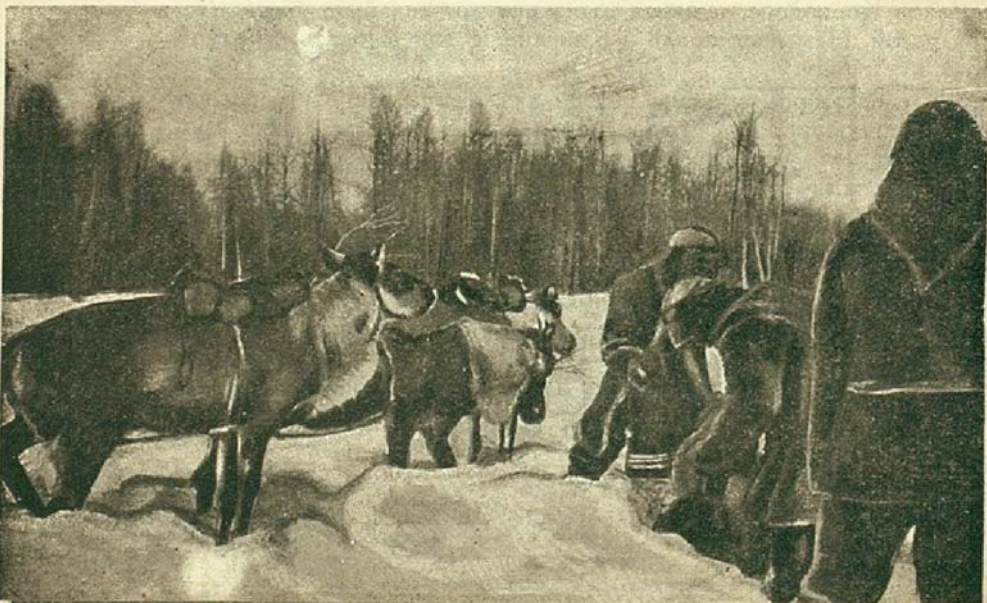
очевидно идти дальше вверх по Коркодону, в надежде увидеть наконец утес Элень, против которого должна была быть Русская река.

Еще три дня мы шли вверх по этому расширению Коркодона. Вся эта долина создана во время прежнего большого оледенения хребта. Ледник, спускавшийся тут, шел значительно выше, на более высокой поверхности, от которой остались ровные террасы по обеим склонам долины, на высоте 200 м. Они тянутся вдоль Коркодона и затем переходят в широкую долину, проходящую западней Коркодона, между Абкитом и горной группой Уямкан. Когда-то здесь проходил этот большой ледник, а современное ущелье Коркодона промыто рекой, которая не могла преодолеть нагромождения морен, а может быть и остатков ледника, лежавших в большой долине, и должна была пробить себе новую дорогу через гранитный массив Абкита.

На третий день на левом берегу реки, т. е., как и говорил старик, направо, показались мелкие утесики — это и был долгожданный Элень. Возле него мы обнаружили благоприятные для нас признаки: рыбные заездки, т. е. перегородки из прутьев поперек реки, которые были тут сделаны летом, и рядом свежие следы оленей. Это тунгусы объезжали настороженные на пушного зверя пасти еще сегодня утром. Опять мы остановились в ожидании известий, а Бека ушел искать тунгусов. На следующий день он вернулся к двум часам, найдя тунгусов в 12 км от нас. К вечеру приехали верхом на оленях три тунгуса.

На Коркодоне и вообще у горных тунгусов Колымского райо-

Верховые олени тунгусов в верховьях Коркодона.

на применение нарт совершенно неизвестно — они летом и зимой кочуют верхом на оленях. Это исконный первоначальный способ тунгусской езды. Нарты, которые нам теперь кажутся столь типичными для тунгусского быта, явились к ним сравнительно недавно и заимствованы от каких-то других племен. Оленье верховое седло — это две маленькие продолговатые подушечки, лежащие на лопатках животного. Ездок сидит скрючив ноги без всяких стремян, иногда лишь подпираясь палочкой.

Один из приехавших тунгусов был старик в больших круглых очках — тут уже появляются американские изделия, привезенные с морского побережья; но общая внешность старика была далека от американизма — он был довольно грязен, в засаленной рубашке, на которой сверху висел нателный медный крест. Второй гость был хромой, с ногой, поврежденной когда-то на Омолоне, куда он ездил, и третий — очень почтительный молодой тунгус. По их словам дорога на Омолон идет как раз по речке, впадающей против нашей стоянки. По ней лет 50 назад действительно приезжали из Гижиги русские купцы. До Омолона на лыжах тунгус может дойти в два дня. После сравнения различных расстояний и долгих расспросов мы установили, что это расстояние равно приблизительно 100 км.

Эти тунгусы были уже совсем не такие отсталые, как те, которых мы встречали раньше, и охотно вступили в переговоры о продаже оленя на мясо и о проводнике. Сперва они не хотели

Старик-тунгус с верховьев Коркодона.

продавать оленя, но когда я показал яркий кусок кретона и выяснилось, что по твердой колымской цене за оленя я отдам весь кусок (олень расценивался на Колыме от 30 до 75 руб.), старик поспешил заключить сделку и забрал скорее материю. Точно так же цена, предложенная за проводника, показалась настолько большой, что тунгусы не стали торговаться. Только в конце, перед отъездом, им повидимому стало жалко, что они не взяли еще чего-нибудь; они стали говорить, что проводнику будет очень страшно и одиноко возвращаться одному и что следовало бы взять с собою еще одного человека и заплатить ему такую же цену.

Уезжая тунгусы поразили нас еще одним проявлением своей осведомленности. Когда я фотографировал их во время посадки на оленей, один из них стал кричать: «Аракай», — оказалось, что это искаженное слово «карточка». Они уже слышали об этом изобретении и даже повидимому видели чьи-то карточки. Олени шарахались от нас и храпели, и когда тунгусы вскочили на них, помчались быстрой иноходью, разбрасывая глубокий снег.

На другой день мы передвинулись ближе к стану тунгусов. На полдороге они вышли нам навстречу. Еще издалека видна была какая-то темная куча на льду, а потом из леса показалось десять темных фигур, тонконогих, с длинными руками, морщинистыми лицами, в мохнатых шапочках, с круглыми очками. Их чепчики были сделаны очень забавно: верх из белой материи, а внутри олений мех. На одном из тунгусов был надет колпак, сделанный из американского куля, на котором еще была надпись по-английски «крупчатка». Черная куча на снегу оказалась только что убитым оленем, куски которого, положенные на шкуру, ожидали нас. Наши эксперты осмотрели оленя и стали выяснять, почему у него потерт нос. Оказалось — это потому, что олень верховой и нос поврежден уздечкой. Значит тунгусы нас обманули и вместо молодого, свежего оленя дали утомленного, ездового.

Вечером у нас было много посетителей; тунгусы внимательно оглядывали палатку, сидели долго и терпеливо, ожидая, что наконец хозяйка вспомнит о приличии и чем-нибудь их угостит.

Хотя до Омолона оставалось уже очень недалеко, в палатке русских рабочих вновь и вновь дебатировался вопрос о том, хорошо ли мы делаем, что идем на Омолон, не застрянем ли мы там и не будем ли «куковать на Омолоне». Михаил уговаривал меня лучше выйти на морское побережье в Гижигу, и когда я возражал ему, что до Гижиги дальше, чем до Омолона, он уверял, что напротив «до Гижиги близко, я уж знаю, как мне не знать!»

ХV. ПЕРЕВАЛ НАЙДЕН

Весело и бодро мы двинулись дальше. Теперь уже не было никаких сомнений, что так или иначе на Омолон мы попадем. Мы оставили широкую долину Коркодона, которая уходила далеко на юг и там видимо подразделялась на две, и пошли на восток, вверх по Русской реке. Эта долина носила также ясные следы недавнего оледенения. Она обладала плоским дном и крутыми склонами и нередко соединялась глубокими вырезками с соседними долинами: не так давно в них лежала ледниковая сеть.

Мы пересекали цепь гор, отходившую от главного Охотского водораздела и тянувшуюся далеко на север. По словам тунгусов часть гор к югу от дороги называлась горами Иняга, а к северу Молькаты. Пришлось дать общее название этой громадной цепи, которая, как оказалось потом, тянулась на север до устья Ке-дона, т. е. на 300 км. Мы решили назвать ее Конгинской цепью в честь юкагирского рода конгинидзи, уже вымершего, о котором рассказывают юкагирские предания.

Как у нас постоянно случалось за время экспедиции, наш проводник оказался скорее комическим явлением, чем полезным работником экспедиции. К вечеру он стал жаловаться на холод и просить постель, так как не взял с собой ничего теплого, а на второй день Бека решил отослать его обратно — он не умел выбирать дорогу для большого оленьего каравана. На прощанье он рассказал Куке, как надо переваливать на Омолон, и мы решили, что опытности последнего нам будет достаточно.

На Русской реке скоро появились тарыны, занимавшие почти все дно долины, а на склонах — остатки ледниковых морен и бараньих лбов. Километрах в 50 от устья долина реки сразу расширялась, и на юг открылись горы до 2 000 м высоты. Это были главные массивы гор Иняга. Все долины, идущие от этих гор, были загромождены ледниковыми моренами, и вдоль склонов тянулись также ряды морен. Долина реки заворачивала к этому массиву. Мы остановились на ночлег на опушке редкого леса с кривыми стволами, у подножия холмов, лежащих к северу. Тут с трудом можно было найти достаточное количество жердей для палаток. Чтобы зимой поставить палатку, нужно срубить девять молодых деревьев, из которых связываются две трехгранные пирамиды, сверху кладется одна жердь, на которой подвешивается палатка, а две другие поддерживают ее стенки.

На следующий день пришлось вновь выяснять, в каком направлении дальше идти. По словам отпущенного нами проводника для сокращения пути надо было перевалить через холмы правого берега, не доходя до истоков реки. И вот Кука внезапно свернул в цепь холмов и заставил весь караван подняться на 200 м по

ближайшей долине. Когда мы взобрались наверх, оказалось, что нам приходится спускаться обратно, в ту же Русскую реку, повернувшую немного к востоку. Все стали смеяться над Кукой, потому что он проворонил настоящий сворот, который сокращал расстояние, и заставил нас напрасно взобраться на холмы.

Но истинного перевала между бассейнами Коркодона и Омолон мы так и не обнаружили. Широкая ледниковая долина переходит совершенно незаметно в другую, спускающуюся уже к Омолону, которая также носит название Русской реки (Нучча). С юга все время тянется непрерывная высокая стена гор Иняга, а на севере сквозь туман и снег, которые иногда рассеивались, проглядывали такие же крутые склоны гор Молякаты.

Огромная перевальная долина шириной до 5 км была когда-то проложена большим ледником. Ледник этот шел с востока, с существовавших тогда плоскогорий, постепенно спускаясь на запад в долину Коркодона. А современная Русская река, впадающая в Омолон, продолжила свой путь в новой долине, врезающейся в древнюю ледниковую и постепенно углубляющейся к Омолону. Эта новейшая долина впоследствии была еще расширена позднейшим оледенением, и в ее низовьях мы нашли громадные морены, которые перегораживали долину в виде вала высотой в 120 м.

Несмотря на то, что почти все время шел снег и было пасмурно, блеск снежных равнин, не смягченный лесом, который кончается на высоте 800 м, был нестерпим. Все мои спутники давно уже надели снеговые очки, опасаясь снеговой слепоты. Я

Перевал с Коркодона на Омолон.

долго хабрился (сквозь очки смотреть неприятно, они запотевают и их приходится протирать), но в конце концов у меня заболели глаза, и несколько дней я с трудом мог глядеть. Среди местного коренного населения очки русского и американского производства распространены теперь уже широко. Те, которые их еще не имеют, носят или особый козырек, сделанный из длинной шерсти, или дощечку с узкими щелками, нечто вроде очков из дерева. Как это ни странно, и якуты и тунгусы так же подвержены снежной слепоте, как и русские, и даже пожалуй больше. В то время как я мог выдерживать ослепительное сияние снежной равнины сравнительно долго, те из наших якутов, которые не имели очков, к этому времени уже совершенно ослепли. Это должно быть объясняется тем, что у якутов и тунгусов вследствие антисанитарных условий жизни и постоянного сидения в дыму очага слизистая оболочка глаз почти всегда воспалена.

2 апреля, через шесть дней после того как мы покинули Коркодон, мы спустились из перевальной долины в более низкие области. Долина Русской реки была перегорожена описанным моренным валом, и ниже его лежал громадный тарын; над ним, на склоне гор, острые глаза Куки разглядели чум и оленье стада. Было решено остановиться выше тарына, который представлял большие трудности для перехода, и расспросить туземцев о дальнейшей дороге. Бека, наш постоянный дипломатический посол, отправился для переговоров, но тут не нужно было уговаривать — местные жители немедленно приехали сами. Это были тунгусы и коряки, работники богатого оленевода, коряка Каменкина, которые пасли одно из многочисленных его стад. Один из них оказался чрезвычайным бойким. Он немедленно расселся у нас в палатке, стал поедать все, что было, и все время просил: «Господин, дай маленький». Это значило, что ему надо дать маленький стаканчик водки. Он говорил очень много, с энергичными жестами, стараясь убедить в превосходных качествах оленя, которого он собирался продать нам, и в том, что он может хорошо вести нас по Омолону.

Здесь коряки и тунгусы уже нередко выходят на Охотское побережье, посещают русские фактории, и им известны все преимущества торговли и денежного обращения. Мы купили у них одного из оленей Каменкина и договорились, что они поведут нас вниз по Омолону, который оказался совсем близко — тотчас за тарыном и ближайшим лесом.

Но тунгус не сулил нам ничего хорошего от этого пути: снег на Омолоне настолько глубок, что при кочевке тунгусы не могли пройти вниз по реке. По его словам, дальше на одном из правых притоков Омолона, Большой Абыландже, сейчас живут четыре русских золотоискателя, которые пришли из Гижики, для того

чтобы разведывать знаменитую «Золотую гору», которая уже давно значится на картах и в расспросных сведениях и на которой много лет назад русские предприниматели пробовали добывать золото, но пока безрезультатно.

Разбитной тунгус вместе со своим товарищем коряком явился на следующее утро, для того чтобы вести нас вниз по Омолону. Коряк был на широчайших лыжах, даже шире моих (обе вместе они были шириной 70 см), и так как он шел несколько раздвинув ноги, то вероятно захватывал пространство шириной до 1 м. Тунгус приехал на коряцких нартах. Приморские коряцкие нарты резко отличаются от тех тунгусских и якутских, которые мы видели до сих пор внутри страны. Это очень легкое сооружение, в котором копылья сделаны из приморской кривой березы и представляют ряд дуг, упирающихся в полозья, — нечто вроде шпангоутов лодки. На нарту может сесть только один человек, она узкая и легкая, очень удобная для быстрой езды, но совершенно непригодна для перевозки грузов. Олени здесь меньше тунгусских, сухопарые и почти черные.

Тотчас ниже стана лежал большой тарын. Его поверхность была совершенно гладкая, и он доставил нашим оленям очень много неприятностей. Они совершенно не могли идти через эту громадную ледяную поверхность, так что многие нарты пришлось отпрячь и передвигать силами людей. Когда связка вступала на лед, проводник старался тащить ее бегом, не давая оленям останавливаться, потому что стронуть тяжелую нарту на льду олени не смогли бы. Если несколько оленей падало, про-

Проводники-коряки. Русская река возле Омолона.

Кука пробивает дорогу для каравана в долине Омолона.

водник не обращал на это внимания, и связка тащила оленей в самых живописных позах: на спине, на боку, с болтающимися кверху ногами. Только если падала большая часть оленей, по необходимости приходилось останавливаться и разделять связку на части.

Низовья Русской реки, ниже и выше тарына, заняты большими превосходными лесами. Наши рабочие смотрели на этот лес с вожделением: это был строевой лес, из которого можно было построить лодку для сплава. Все начинали смеяться над Ваней, который пугал нас полным отсутствием леса в верховьях Омолона.

Километрах в пяти от тарына Русская река впадает в Омолон, который течет здесь в сравнительно узкой долине, пересекая сиенитовый массив. Дальше долина его, вступая в осадочные свиты перми, расширяется и занята широким кунтуком, по которому мы и пошли вниз по реке. Тунгус поехал впереди, но опять-таки оказался мало полезным. Его легкие сани не могли проложить пути для нашего каравана; снег здесь действительно достигал большой глубины, и, несмотря на весеннее оседание и уплотнение, глубина его равнялась 60—70 см, а сверху он был покрыт очень твердым слоем наста. Первая же нарта разбивала наст и глубоко проваливалась в рыхлый снег. При виде этого наста лица наших якутов делались все мрачнее — они представляли себе, как вечером олени будут разбивать своими нежными

копытами этот толстый и крепкий покров, для того чтобы выкопать из-под него мох.

Временами мы выходили на самый Омолон. Но здесь дорога представляла много трудностей: было еще больше полыней, чем на Коркодоне, они тянулись иногда на километр и больше, и приходилось осторожно выбирать путь в долине реки, чтобы внезапно не провалиться в какую-нибудь полынь, только слегка прикрытую снегом. Тунгус конечно не умел выбирать дороги, потому что на его легкой нарте можно было проехать всюду, и Куке приходилось, остановив караван, самому идти вперед и прощупывать твердость наста. Передняя нарта у него теперь была запряжена двумя парами оленей — пробивать дорогу одной было не под силу. Некоторые полыни приходилось переходить по узким ледяным мостам с нагроможденным на них снегом. Как-то раз мы с Ваней, ехавшие всегда позади, задерживаясь у утесов, подъехали к такому мосту, уже наполовину обвалившемуся после прохода каравана. Пришлось двинуться через него на-авось, не обращая внимания на глубокие трещины.

На второй день такого пути настроение проводников вылилось в определенное возмущение. Бека явился вечером к нам в палатку и заявил, что он дальше по Омолону вести нас не может, что олени здесь должны будут погибнуть от бескормицы и что он не успеет вернуться по санному пути.

Хотя по договоренности Бека должен был вести нас до Крестика и затем вернуться санным путем до верховьев Коркодона, откуда он предполагал сплыть на лодке, оставив оленей у тунгусов, я решил пойти на уступки и стать на весновку у первого леса, подходящего для постройки большой лодки. Размеры Омолона казались уже достаточными для безопасного сплава. Но до сих пор мы не видели ни одной роши, пригодной для верфи, за исключением устья Русской реки, оставшегося далеко позади. Я ставил однако обязательным условием, чтобы ниже нашей весновки на Омолоне не было тарынов, — мы боялись, что большой тарын может надолго сохраниться в долине, перегородить течение реки и помешает нам своевременно выбраться к устью Колымы.

Строгий допрос нашего проводника-тунгуса, казалось, дал удовлетворительные результаты; он клялся, что тарынов ниже на самой реке нет и только далеко возле устья Кегали есть тарыны на протоках Омолона. Он не советовал идти ниже, говоря, что вскоре Омолон входит опять в ущелье и там у подножия утесов снег достигает громадной толщины. Он рассказывал, как во время недавней перекочевки они не смогли даже пройти дальше к Крестiku и должны были возвращаться обратно.

Коряк Каменкин.

Километрах в 50 от устья Русской реки мы остановились у устья Малой Абыланджи, большого правого притока Омолона. Отсюда Михаил с Ваней отправились вниз на лыжах поискать рошу хорошей строевой лиственницы для постройки лодки, а Бека ушел на лыжах в горы, чтобы отыскать знаменитого богача Каменкина, владельца всех стад и хозяина встреченных нами пастухов.

В 7 км ниже, у устья речки Мунугуджак, Михаилу удалось отыскать хороший строевой лес, которого по его словам должно было хватить на одну большую лодку. К сожалению этот лес лежал в стороне от Омолона, на одной из проток Мунугуджака. Тут же недалеко было и хорошее место для стоянки — под утесами, на самом берегу Омолона. Кука, который отправился на лыжах вниз, для того чтобы посмотреть, нет ли там хорошего леса вблизи самой реки, вернулся с известием, что строевого леса нигде нет, тарынов далеко не видно и снег везде очень глубок. Очевидно единственное место, пригодное для верфи, было на устье Мунугуджака.

На следующий день мы перекочевали к месту нашей будущей весновки. Быстро и дружно были разгружены нарты и груз сложен в кучу у подножия утеса. Пустые нарты отогнали в сторону и связывали по две (одну на другую), для того чтобы на обратном пути большая часть оленей могла идти порожняком.

Вечером к нам приехал богач Каменкин со своим личным секретарем. Каменкин был коренастый смуглый коряк, очень многословный. Он долго сидел сначала в палатке Беки, затем у меня. Я пробовал его уговорить дать мне оленей, для того чтобы съездить по Малой Абыландже километров за сто до Охотского водораздела и потом на обратном пути сделать пересечение хребта еще по Большой Абыландже. Но его невозможно было соблазнить ничем — ни сахаром, ни мукой, ни сухарями, ни чаем, ни мануфактурой, ни деньгами. Всего у него было вдоволь, и ему не хотелось отпускать рабочих от своих стад. Олени у него были в трех или четырех стадах, и по слухам, которые нам сообщил Ваня, число его оленей доходило до 18 тыс. Но вероятно эта цифра была сильно преувеличена, так как в одном стаде не бывает больше одной-двух тысяч оленей. Сам Каменкин по-тунгусски и по-якутски не говорил, с ним был секретарь, говоривший по-тунгусски и носивший круглые американские очки. Секретарь был одет в обычную поношенную тунгусскую одежду, а на Каменкине был франтоватый меховой костюм из почти черного оленя, расшитый белой меховой каймой. Он уехал обратно к своим стадам с тем, чтобы вскоре откочевать вместе с ними ближе к водоразделу. На другой день уехал и Бека с ямщиками, получив свою премию и продовольствие на дорогу.

ХVI. ВЕСНОВКА НА ОМОЛОНЕ

Мы остались одни и занялись устройством своего стана. Первый день был посвящен созданию домашнего уюта в наших палатках, устройству склада и метеорологической будки для наблюдений. Следующий день, 1 мая, мы отдыхали и наслаждались весенней погодой (в ночь на 2 мая впрочем температура достигла 30° мороза).

Почти полтора месяца мы провели здесь в полном одиночестве, отрезанные от всего мира. Только иногда забегали горностаи, чтобы поживиться нашими запасами, или прибегали белки, смотрели на нас своими круглыми любопытными глазами и гонялись друг за другом по снегу и стволам. Постоянными посетителями были кукши, которые сидели на деревьях и все время высматривали, что бы такое схватить из съестного. Как-то раз приходила к нам очень сердитая белка, которая отнеслась отрицательно к сидевшей на дереве кукше и немедленно согнала ее. Кукша перелетела на другое дерево, за ней помчалась белка и опять прогнала ее, крича ей что-то оскорбительное.

Перелет водяных птиц, на который мы возлагали очень много надежд, оказался ничтожным. В середине мая появились чай-

ки, которые основались в нашем районе, а гусей, лебедей и уток почти не было видно. В общем пролетело их штук 50—60, поэтому весенняя охота была чрезвычайно скромна.

В 1 км от стана находился тот лес, который Михаил выбрал для постройки лодки. Это была роща громадных лиственниц. Здесь рабочие стали рубить деревья и распиливать их продольной пилой на длинные доски; потом доски вытаскивали по снегу в протоку, ближе к устью Мунугуджака, куда, как мы рассчитывали, должна была дойти весенняя вода. Лодку было решено сооружать того же типа, что и на Таскане, но несколько короче, так как наш груз в этом году был значительно меньше, а управляться с длинной лодкой в узких извилистых протоках Омолона значительно труднее. Кроме того нужно было сделать небольшую лодку для разъездов и для связи с берегом на случай посадки на мель.

Каждый день рабочие с утра уходили на верфь и оставались там весь день, а мы с Салищевым сначала приводили в порядок материалы зимнего переезда, а потом начали экскурсировать на лыжах по окрестным горам. Снег таял так медленно, что до самого конца мая везде можно было пройти на лыжах, а по утрам, когда наст был достаточно тверд, можно было ходить по снегу даже без лыж, совершенно не проваливаясь. Весна наступала очень медленно; только 16 мая пролетели первые лебеди, а за неделю до этого появились первые паучки и жучки.

18 мая был знаменательный день в нашей жизни. Мы с Салищевым поднялись на большую вершину, лежавшую в 6 км за Омолоном, высотой около 700 м над рекой. Сначала мы шли

Весновка на Омолоне.

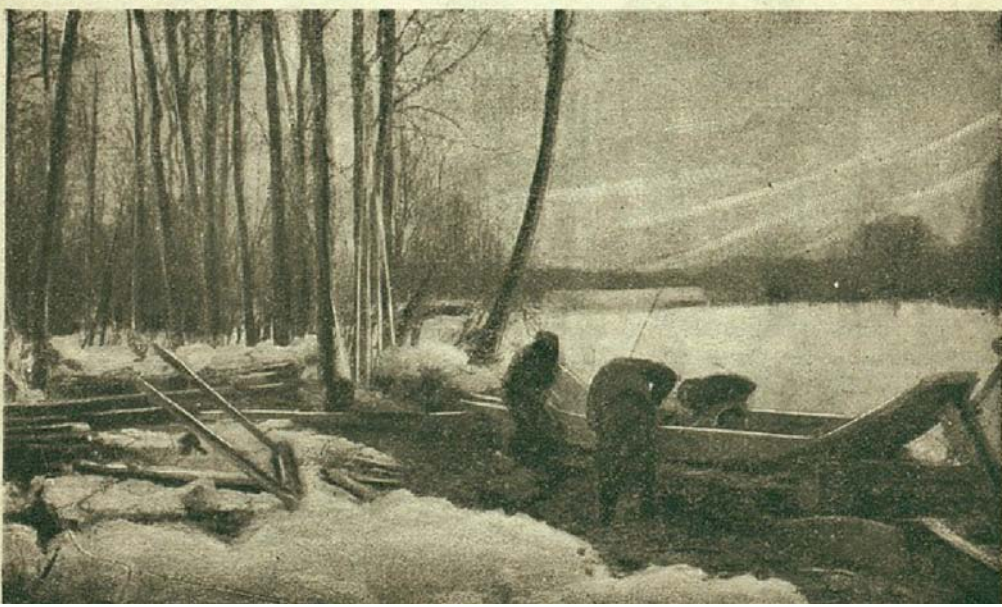

на лыжах, потом, когда склоны стали очень круты, а наст тверже, пошли пешком. Вершина в ее зимнем уборе имела совершенно альпийский вид, с крутыми склонами и громадными надувами снега. Мы сидели на ней, удобно устроившись во впадине, и грелись в лучах солнца, когда внезапно, посмотрев вниз по Омолону, я увидел всего километрах в шести ниже нашего стана громадный тарын, как раз в том месте, где река сужалась возле утесов, у которых, как клялся проводник-тунгус, лежат громадные толщи снега.

С горы мы возвращались в очень печальном настроении. Будущее представлялось опять довольно мрачным. Когда растает этот тарын и растает ли вообще или останется лежать мощной толщей льда, преграждающей реку, которая найдет себе проход в узком канале подо льдом? Мы решили ничего не рассказывать рабочим, чтобы не лишать их энергии при постройке лодки, которой они занимались с таким увлечением.

Через два дня мы с Салищевым пошли осматривать этот тарын. На твердом насте хорошо видны были следы лыж Куки, который недавно ходил сюда. Они уже оттаяли и выделялись в виде продолговатых бугров над поверхностью снега. Мы прошли по этим следам до самого тарына, убедились, что Кука останавливался над тарыном, спускался к его нижнему концу и несомненно хорошо его видел. Теперь объяснилось, почему Кука так поспешно ушел от нашего стана, даже раньше Беки, и почему так холодно с нами расстались якуты, несмотря на щедрое вознаграждение, которое я им дал. Им повидимому было все же стыдно, что они нас обманули.

Постройка лодки в верховьях Омолона.

Тарын занимал всю реку, но толщина его вероятно не была очень велика, — он захватывал только первую террасу с деревьями. В нижней части по нему уже текла обильная вода, и после прогулки на лыжах по яркому солнцу было приятно лечь на лед и напиться свежей воды прямо из потока. Выше тарына во многих местах на Омолоне видны были длинные полыньи, вернее узкие щели во льду с редкими хрупкими мостиками. 29 мая местами на Омолоне появились уже три параллельные щели, намечающие русло в 60 м шириной.

Конец мая я посвятил экскурсиям на вершины левого берега Омолона. Было очень приятно подниматься на широких лыжах по лесным склонам в полном безмолвии и взбираться на вершины, с которых открывался обширный вид, а потом быстро скользить вниз по насту крутого склона. Только к вечеру удовольствие бывало несколько отравлено: в сетке за спиной скапливалось до 16 кг камней, лыжи вязли в снегу, после полуденного солнца становившемся вязким и липким. Лыжи, которых утром я совсем не замечал, к вечеру казались пудовыми гириями, и подходя к стану с особенно тяжелым грузом камней, я иногда отдыхал через каждую сотню метров.

Во время этих экскурсий я хорошо изучил орографию нашего района. Долина Омолона проложена вдоль Охотского водораздела, но она является юной, не связанной с направлением хребта, с очень различными участками. Одни ее участки очень широки — это остатки древних ледниковых долин, почти ущелья, с крутыми склонами. Эти эпигенетические участки проложены в обход ледниковых долин. Ледники вероятно еще в конце третичного периода двигались с Охотского водораздела по существовавшему тогда уровню на 400 м выше дна современных долин и переходили прямо в долину Коркодона через Контиинскую цепь. Современная долина Омолона образовалась гораздо позже.

С ближних гор была видна на западе непрерывная гряда Контиинской цепи, а на востоке — ряд цепей, составляющих Охотский водораздел. Эти цепи входили в состав хребта, на прежних картах носящего название Колымского, который местные тунгусы и якуты называют Гыдан, т. е. морской. Это же название встречается и у Чихачева, который собирал на Охотском побережье сведения о верховьях Колымы еще в половине прошлого столетия.

К концу мая обе лодки были закончены и проконопачены.

Кроме основной работы по постройке лодок на стане было множество мелких дел, в которых все принимали участие.

Надо было изготовить толстый канат для причала лодки: купленные в Среднеколымске превосходные манильские тросы были слишком тонки. И вот Михаил сделал кустарный станок,

как делают в сибирских деревнях, для «спуска» каната, который вышел красивым и крепким на славу, и только взыскательный Михаил находил в нем узлы и неровные места.

Надо было починить резиновую байдарку — в прошлом году ее сильно ободрали на перекатах, и из семи слоев, из которых состоит ее резиновая покрышка, местами были пробиты уже три. В прошлом году я пробовал на Таскане варить на костре куски старых галош и заливать горячей массой лодку, но эти заплатки не застывали и скоро стирались о камни. Надо было собственно иметь с собой куски так называемой натуральной резины и растворять ее в бензине (вулканизированная резина не растворяется). В этом году мне удалось наконец добиться удовлетворительного результата — оказывается, надо брать красную резину и, расплавив ее на огне, растворять в бензине. Заливка сохнет и не стирается. Уже после экспедиции я узнал, что за границей теперь имеется для этих байдарок готовый состав в тубиках, быстро сохнущий и прочный.

Было много еще разных необходимых дел на стане — и слесарных, и столярных, и других: ведь мы были отрезаны от всего мира и должны были все сделать для себя сами.

Единственной связью с миром было радио; все время хорошо была слышна коротковолновая станция Хабаровска, но из-за того, что мы передвинулись значительно к востоку, ее работа пришлось на поздние часы ночи. Нам нужно было узнать, когда выйдет пароход на Колыму, чтобы рассчитать время приезда в Нижнеколымск, и мы дежурили у аппарата по очереди, но так до отъезда станция ничего и не сообщила о самом важном для нас вопросе.

Признаки весны начинали становиться все яснее и многочисленнее. 26 мая начали расцветать тальники, но снег еще лежал толщиной в 30 см, и ночью температура падала до 13-14° мороза. 28 мая мы слышали кукушку, голос которой, несмотря на его резкость, очень приятен в безмолвии здешних лесов. Но в ночь на 29 стал падать снег, и утром мы опять увидали зимний пейзаж — все было покрыто белой пеленой в 11 см толщины. Мунугуджак постепенно стал набухать, начали наполняться водой главное русло и ряд протоков, идущих через лес к нашему стану, но на Омолоне воды все еще было очень мало.

1 июня я с Аггеем отправился в далекую экскурсию, вверх по Мунугуджаку в Конгинскую цепь, наказав Салищеву посещать время от времени тарын, чтобы смотреть за его состоянием. Мы ушли на лыжах, потому что снег был еще достаточно толстый, хотя местами виднелись значительные участки сухой земли, которые приходилось обходить. На этих площадках уже 24 мая показались цветы, сначала пострелы, а к концу месяца

Утесы известняка в долине Мунугуджака.

и ветряницы; даже начали летать отдельные, очень редкие комары. Пауки же настолько осмелели, что стали бегать по снегу.

На третий день мы дошли до снежных вершин Конгитинских цепей. Здесь еще была зима, лежали громадные толщи снега, и в старых ледниковых цирках свет был нестерпимо резок для глаз. Мой спутник в тот же день заболел снежной слепотой так сильно, что не мог больше ничего делать и сидел в маленьком шалашике, который мы сделали для ночевки. За два дня весна так подвинулась вперед, что нам пришлось бросить наши лыжи в лесу даже не доходя до шалаша — их невозможно было тащить, особенно после того как у нас появился тяжелый груз камней. На наше несчастье мне попало очень много интересных окаменелостей, которые было бы жаль оставить, и я изрядно нагрузил наши рюкзаки. Кроме того Аггей как неисправимый охотник захватил с собой винтовку, но ему удалось только видеть свежие следы горных баранов.

Назад нам пришлось идти ночью — у Аггея так болели глаза, что днем он совершенно не мог идти. Маленькие ручьи, которые впадали в Мунугуджак, настолько вздулись, что переход через них представлял большие трудности. Нам приходилось отыскивать деревья, лежавшие над потоком, и переползать по обледенелому стволу в брызгах ледяной воды. Болота были покрыты водой, вода хлюпала даже в наших ичигах, протершихся от ходьбы по весеннему насту.

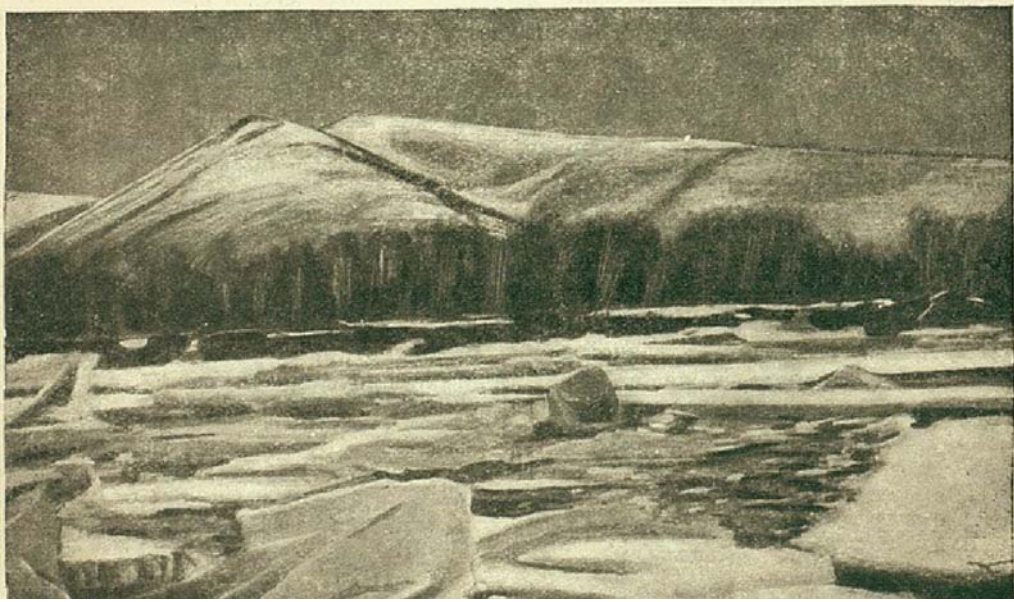
Когда мы достигли стана, там царило оживление. По Омо-
лону двигалась сплошная масса льда, а маленькая канава, про-
ходившая вблизи стана, оказалась главным руслом, в которое
бросился теперь Мунугуджак. Сухопутное сообщение с верфью
прекратилось, и приходилось пробираться к ней на лодке. Сали-
шев накануне ходил смотреть тарын; он все еще стоял, хотя на
нем ледоход нагромоздил громадный затор льда; вода скрыва-
лась куда-то вниз, под тарын, а его поверхность была так же
чиста и ровна, как раньше.

Лодка была уже спущена, и сомнения, которые так долго му-
чили Михаила, правильно ли он выбрал место для верфи и бу-
дет ли здесь достаточно воды, отпали. Рабочие предлагали на-
значить выезд в ближайшие дни, и пришлось наконец сказать
им, что наш выезд зависит не столько от нас, сколько от злове-
щего тарына.

Вода в Омолоне поднималась непрерывно и уже достигала
более 2 м высоты, начав подступать к нашей стоянке. 6 июня
наконец взломало тарын и сразу унесло весь лед. Таким образом
препятствий для нашего дальнейшего путешествия больше не было.

Можно было считать, что начинается лето. 8 июня была пер-
вая ночь с температурой выше нуля, и начали распускаться лист-
венницы. 9-го мы решили выехать, так как весь лед прошел и все
было готово к отъезду. Часть излишнего снаряжения, вроде за-
паса гвоздей для постройки лодки, пакли и лишних продуктов,
мы сложили на сделанной для этого платформе на столбах. По-
рядок плавания предполагался тот же, что и в прошлом году, —
я с Аггеем поеду на байдарке, а остальные в большой лодке. Но

Ледоход (1 июня) на Омолоне.

Михаил, наш главный лоцман и рулевой, упавший недавно на берег и ударившийся боком о корягу, почувствовал себя настолько плохо, что не мог стоять у руля, и мне пришлось ехать на байдарке одному. Я пробовал лечить Михаила компрессами, но только вспрыскивания морфия давали ему уснуть. Мы уже подумывали послать его вперед на легкой лодке с тем, чтобы возможно скорее доставить в больницу в Нижнеколымске, но к счастью дня через три он почувствовал себя гораздо лучше и боль скоро прошла. Даже в первый день плавания к вечеру он вдруг поехал на маленькой лодке ловить рыбу, как он говорил, «чтобы разогнать кровь».

XVII. ВНИЗ ПО ОМОЛОНУ

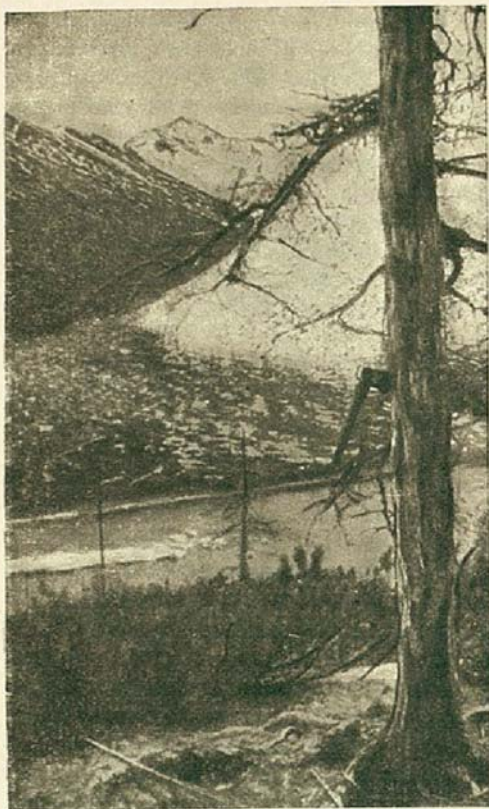
Как только большая лодка вышла из затона у весновки, река подхватила ее и помчала с невероятной быстротой. Скорость течения переполненного весенней водой Омолона достигала 15 км в час, и отчасти оправдывались слова Вани, что задержаться у берега будет очень трудно. Конечно остановки были возможны и канаты не обрывались, но привязывать лодку к деревьям все же приходилось, а остановить большую лодку у берега являлось задачей иногда довольно сложной.

Первые дни вода все еще поднималась. Она вскоре залила не только все острова, но также и берег с лиственничными лесами. Вода мчалась через тальники и захватывала местами всю долину реки. На изголовьях островов возвышались страшные заломы, которые топорщились множеством острых стволов, торчащих навстречу лодке. Благодаря искусству Михаила, вскоре ставшего опять к рулю, лодка избегала этих заломов, несмотря на страшную быстроту течения. Раз только крушение казалось неминуемым: лодку бросило прямо на залом, и по всем правилам она должна была встать немедленно на ребро, придавленная водой книзу, но Михаилу удалось направить ее так, что она ударилась серединой и пошла, как говорят на Лене, «на отурок», т. е. повернула на 180° и двинулась кормой вперед.

В такой обстановке нормальная работа по осмотру обнажений была очень тяжелой. С трудом можно было удержаться в нужном месте у утесов, а во многих местах совершенно нельзя было ухватиться, тем более что я был в лодке один, а в резиновой байдарке с размаха наезжать на камни нельзя.

Омолон ниже Мунугуджака делает в своем эпигенетическом ущелье крутое колено на юг и выходит затем в отрезок продольной ледниковой долины, по которой идет некоторое время на се-

Омолон у верхнего конца тарына
в начале июня.

веро-восток. Затем он отклоняется вправо, к устью Большой.

Большая Абыланджа в это время действительно была большой рекой, которая, так же как и Омолон, захватила своими мутными водами окружающие леса. На сохранившихся кое-где участках галечников лежали вынесенные с ее верховьев красивые полосатые гнейсы. От устья Абыланджи Омолон идет снова в довольно широкой долине с рядом островов.

Мы имели для ориентировки в нашем плавании только короткие и несколько сбивчивые рассказы разбитного тунгуса, описывавшего нам Омолон, его притоки и окружающие горы. И мы с нетерпением ожидали, что несколько ниже Большой Абыланджи мы выплывем к устью Крестика, где

весновал Ваня вместе с экспедицией Зонова, и начиная с этого пункта, он должен был хорошо знать реку как опытный в путешествиях человек.

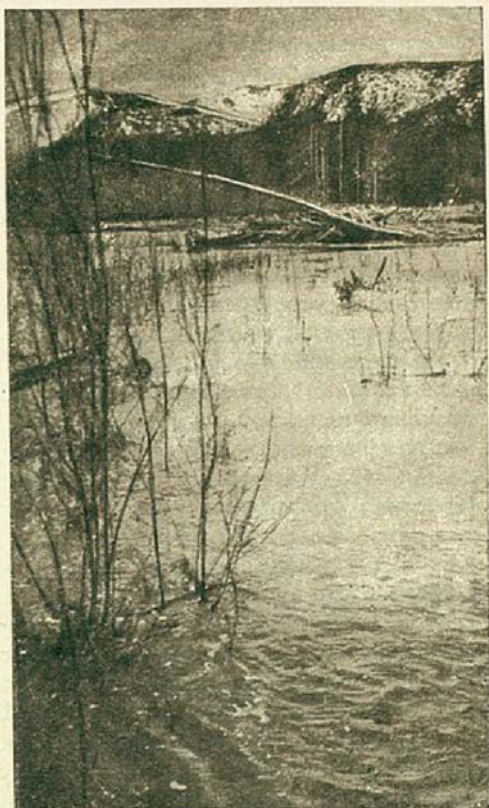
Расставаясь утром у Большой Абыланджи, я просил Салищева, который плыл на большой лодке, остановиться у устья Крестика и ждать меня. Отыскивать друг друга в этой сети островов был еще труднее, чем на Колыме, потому что здесь была масса маленьких протоков, особенно многочисленных весной, которые заводили меня в поисках за обнажениями очень далеко от главного русла. К концу дня я увидел справа большую долину, впадавшую ниже узкой скалистой гряды, очень похожей на ту, которая по словам тунгуса находилась у устья Крестика. Мы с

Агеем пытались пробраться к ней, но течение унесло нас от протоки, которая туда вела, и пришлось против желания снова идти к левому берегу. Неожиданно показалось несколько свежесоборанных деревьев на острове, а в затоне за мысом мы увидели наши палатки. Эти деревья были условным знаком, чтобы мы не пропустили стоянки. Я был убежден, что мы стоим напротив Крестика, но Ваня категорически заявил, что этого места он не узнает, что окружающие горы совершенно другие, что они жили в избушке на правом берегу Омолона на лугах за приречным лесом и против них находилась большая гора, покрытая снегом. Между тем на склонах той горы, у подножия которой мы стояли, совершенно не было снега и она была небольшой высоты.

Несмотря на полное совпадение описаний тунгусов с той картиной, которая открывалась перед нами, приходилось верить Ване.

На следующий день очевидно мы должны были дойти до настоящего Крестика, так как расстояние между ним и Большой Абыланджей не должно было быть больше двух переходов. Мы снова расстались, большая лодка пошла впереди, а мы в байдарке направились к утесам правого берега. Они здесь казались бесконечными. Обнажения были почти непрерывными и довольно сложными. Омолон от устья реки, у которой мы ночевали, идет в очень широкой долине, составляющей как бы продолжение широкой ледниковой долины этого правого притока. Кило-

Разлив Омолона в верховьях у устья
Большой Абыланджи.

метрах в сорока ниже Омолон внезапно сворачивает вправо, в сравнительно узкую долину с крутым склоном. Долина эта расположена в массиве плосковерхих гор высотой до 700 м.

Мы достигли этой долины при проливном дожде, который затянулся до ночи. Между тем обнажения правого берега представляли много интересного. Я обнаружил здесь фауну моллюсков, совершенно схожую с меловой фауной Анадыря, а дальше появились новые свиты, еще не изученные. Только поздно вечером мы выплыли к устью какой-то громадной реки, впадающей в Омолон справа в такой же узкой долине, и на стрелке под самым утесом, на маленьком островке, только что высохшем после паводка, увидели нашу палатку.

В середине этого дня на правом берегу под утесами мы нашли столб с надписью: «НКПС, 1929, № 4». Это был репер, поставленный Зоновым во время съемки в прошлом году. Поэтому я был вполне уверен, что большая река, к которой мы приплыли, это Кегали, следующий большой приток Омолона после Крестика. Высадившись на берег у палатки, я поздравил наших с тем, что мы достигли этой реки, от которой Омолон является уже судоходным, но на лицах их было написано недоумение. Ваня только что уверил их, что эта река ему совершенно неизвестна, и они гадали о том, не может ли она быть Большой Абыланджей, судя по ее размерам. Я с усмешкой рассказал ему о репере, который я видел сегодня днем, и о выжженной на нем надписи. Ваня сердито отвечал: «Мы надписей не выжигали, а писали красками», и снова несколько раз упрямо повторял, что «этой местности я признать не могу, и реки не признаю, и гор не признаю».

Только на следующий день, когда мы перешли несколько ниже к другому берегу и выбрали место для определения астрономического пункта, Ваня, увидав еще один репер с той же надписью и собственные свои инициалы, вырезанные им на стволе дерева, согласился, что здесь он действительно был в прошлом году.

Так рушились наши расчеты на последнего проводника. Впрочем мы еще немного надеялись, что в 400—500 км ниже, у устья Олая, нам встретятся юкагиры или тунгусы, которые может быть сообщат названия притоков Омолона.

Участок долины Омолона возле устья Кегали чрезвычайно любопытен. Обе реки идут здесь все время по новейшим эпигенетическим ущельям. В то время как древняя ледниковая долина Омолона остается западнее, он сам уходит к востоку, навстречу Кегали, в свою очередь только что покинувшей широкую древнюю ледниковую долину, по которой она текла долгое время, чтобы броситься в ущелье навстречу главной реке. Соединив-

шись, они на протяжении 10—15 км идут в узкой эпигенетической долине, заполнив ее почти полностью мощным водным потоком, и затем выходят уже в широкую древнюю долину, которая представляет продолжение описанной древней долины Кегали. Здесь кончается горный участок Омолона и начинается среднее его течение — в широкой долине со множеством островов и протоков.

Эта часть Омолона стала известна сравнительно давно. Топограф экспедиции Майделя Афанасьев был здесь еще в семидесятых годах; пройдя зимой на оленях от Большого Аня к устью Кегали, он потом сплыл отсюда на лодке до Нижнеколымска. У нас в руках была копия его съемок, но мы возлагали на нее не больше надежд, чем на рассказы Вани. Проплывая по Колыме, мы могли убедиться в фантастичности съемок Афанасьева. Тотчас выше Среднеколымска он показал на карте Колымы два изумительно острых колена со множеством зазубрин, в то время как в действительности река идет от займки Вяткиной до Среднеколымска почти прямо. Мы объясняли это тем, что Афанасьев выехал из Среднеколымска в очень веселом настроении (ведь он уезжал в трудный зимний путь в Верхнеколымск и дальше к Якутску) и вряд ли вообще мог что-либо увидеть. Но как оказалось, эти причины действовали на него и на Омолоне. При том множестве протоков, на которые разбивается Омолон, было чрезвычайно трудно проверить, верно ли его изображение реки, для которой он показал только пройденное им русло. Но расположение утесов было чрезвычайно интересно. Несмотря на то, что Омолон от Кегали вплоть до самого устья течет вблизи гор — сначала вблизи отрогов хребта Гыдан, а потом вдоль окраины Юкагирского плоскогорья, — Афанасьев нанес на съемку отдельные выступающие утесы только местами. При этом были и целые дни, когда он утесов не наносил совершенно, зато в другие дни он был чрезвычайно прилежен и заполнял реку утесами больше чем на 100%.

Кроме Афанасьева и Зонова в этой части Омолона проходил в 1921 г. Н. Н. Березкин, колымский житель, который много лет занимался исследованиями края и составил несколько глазомерных карт. Ему было поручено выяснить возможность устройства тракта для перевозки грузов из Гижиги в Среднеколымск через Омолон. И вот, двинувшись с большой экспедицией из Среднеколымска, он прошел по Омолону до устья Крестика, устраивая в некоторых местах поварни для будущих путешественников. Вероятно большинство читателей не знает, что такое поварня. Вот как описывает ее И. Гончаров, путешествовавший из Аяна в Якутск после своего плавания на фрегате «Паллада» (как ни странно, этот писатель-домосед и лежебока, писавший

Обломова наверно с себя самого, проехал верхом из Аяна в Якутск и оттуда зимой по Лене в Иркутск):

«Поварня, — говорят мне, — пустая, необитаемая юрта, с одним искусственным отверстием наверху и со множеством природных щелей в стенах, с очагом посредине — и только. Если хотите сделать ее настоящей поварней, то привезите с собой повара, да кстати уже и провизии, а иногда и дров, где лесу нет; не забудьте взять и огонь: попросить не у кого, соседей нет кругом; прямо на тысячу или больше верст кругом пустыня, направо — другая, налево — третья и так далее».

Березкин из Крестика поехал в Гижигу, потом вернулся обратно по Омолону, но по этому пути после него не ездил почти никто, и поварни его разваливаются. Этот путь слишком длинный и трудный, для того чтобы выгодно было по нему возить груз в Среднеколымск. С начала XX в. наиболее удобным оказался путь из Олы в Сеймчан, и в то время как по гижигинскому пути в конце прошлого столетия и в начале нынешнего перевозились отдельные случайные партии товара, через Олу на Колыму до организации северных рейсов наладилась регулярная доставка.

На протяжении около 100 км от Кегали Омолон идет в широкой долине прямо на север. Здесь его сопровождают справа сначала все более понижающиеся отроги Гыдана, а потом на западе открывается широкая болотистая впадина, достигающая свыше 70 км длины, по которой текут реки Молонда и Уяган. С севера эта Уяганская впадина ограничена большим широтным отрогом Гыдана, цепью Ушуракчан. Против нее на левом берегу Омолона высятся красивые утесы, состоящие из черных базальтов и разноцветных порфиров, с живописным названием Гремячий камень.

Мы остановились ниже этого утеса, для того чтобы сделать экскурсию в конец цепи Ушуракчан. Я отправился пешком с моим неизменным спутником Аггеем, взяв с собой легкую палатку, потому что комаров стало уже много и они не дали бы по ночам покоя. Салищев остался на Омолоне для определения астрономического пункта. Путешествие тут было уже значительно утомительнее, чем по Мунугуджаку, потому что болота растаяли, и до подошвы гор мы брели по громадной топкой равнине. Но зато восхождение на горы вознаградило нас снова чудесным видом на Уяганскую впадину и на Юкагирское плоскогорье, которое расстилалось на запад до горизонта, кое-где с небольшими горными группами, возвышающимися над общей монотонной линией.

Ось цепи Ушуракчана сложена гранитами, и когда мы достигли центральной части цепи, то увидели красивые столбы «ки-

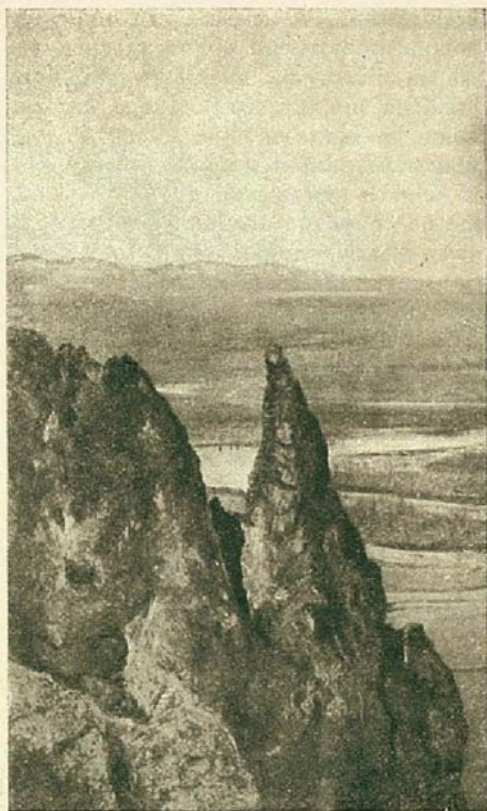

гиляхи», высившиеся над крупными глыбами праниа. К северу от Ушуракчана находится бассейн самого большого притока Омолона — Большого Олая. Это уже область, населенная чукчами, которые частью переходят и в Уяганскую впадину.

От Гремячего камня Омолон поворачивает на короткое время на северо-запад, огибая конец Конгинской цепи. У ее западного края он принимает слева большой приток Кедон, который своими верховьями далеко заходит в Конгинскую цепь, достигая верховьев Мунугуджака и правых притоков Коркодона.

От Кедона пейзаж несколько изменяется. Омолон идет по восточной окраине Юкагирского плоскогорья, подымая то на правом, то на левом берегу отдельные группы вершин, выдающихся над плато и состоящих большей частью из изверженных пород. Долина реки все время широка — от 10 до 15 км, и сам Омолон вместе с притоками достигает 4-5 км. Если посмотреть с одного из береговых утесов, так называемых «каней», на долину реки, то вы увидите очень сложную сеть протоков и островов, покрытых лиственницами, бальзамическими тополями, чосений и тальником того же типа, что и на Колыме. Эти тальники дают приют для лосей, и, как нам рассказывал Ваня, когда появятся много комаров, лоси будут выходить на берег и хлопать ушами. Но мы относили эти рассказы к области обычных басен Вани.

По обе стороны долины Омолона, вдоль подножия гор, лежат громадные болота, кое-где с остатками стариц в виде озер. Долина Омолона, по рассказам, еще более трудно проходима,

Омолон и цепь Ушуракчан с Гремячего камня.

чем долина Колымы. Судя по тому количеству комаров, которое вскоре появилось, болот здесь должно быть больше, чем где бы то ни было. За двадцать лет моих путешествий по Сибири я никогда не встречал такого количества комаров, как здесь, — даже на Подкаменной Тунгуске, которую я когда-то считал самым комариным местом в Сибири.

Здесь комары не давали нам покоя в течение всего дня. Даже на середине большой реки при слабом ветре они носились тучами вокруг лодки, сидели сплошными массами на поверхности брезента, покрывающего лодку, и на нас самих. Нельзя было что-нибудь делать не только без сетки, но даже без перчаток. Только во время очень сильных дождей и ветра можно было от них избавиться. Спать пришлось в специальных пологах, которые мы тщательно подтыкали под себя на ночь, а для письменных работ ставить на берегу палатку и окапывать ее кругом землей или галькой, чтобы снизу не проникли комары. Неудивительно, что лоси, которым некуда было деваться от этого страшного бича, в конце концов выбегали на берег, где было хоть немного ветра, и залезали в воду по самую морду.

Ниже устья Большого Олоя у Широкого камня мы наконец увидели первого лося. Он стоял в воде и действительно хлопал ушами, отгоняя комаров. Мы с Аггеем увидели его первые, проплывая в байдарке вдоль другого берега. В это же время подошла большая лодка, и началась ожесточенная стрельба из всех имевшихся ружей. Попали только две пули, и рьяные стрелки должны были с завистью констатировать, что обе пули выпущены Салищевым. После первого выстрела лось повернулся и побежал на берег, но второй выстрел свалил его на мелком месте вблизи берега. Это был молодой двухгодовалый зверь.

Мы немедленно принялись за его разделку, и скоро изыщное молодое животное превратилось в кучу мяса и костей. Были взяты наиболее вкусные части, в том числе и губы, представляющие большое лакомство, а остатки были брошены на берегу. Это первая наша жертва оказалась и последней. Мяса было так много, что, несмотря на повторявшиеся в ближайшие дни постоянные встречи с лосями, нам было совестно их убивать — мяса и так хватило до самого устья Омолона.

В течение нескольких дней мы встречали лосей непрерывно. Одни из них лежали в воде, развесив громадные ветвистые рога, другие, более молодые, выходили на отмели, с любопытством разглядывая нас и позволяя подплыть к ним на 80—100 м и сфотографировать. Более осторожные старые звери убегали, уже заведя нас издалека, своей крупной и легкой рысью, изгибно поднимая голову и энергично бросая вперед свое крепкое горбатое туловище.

Два раза нам попадались лосихи с молодыми лосятами. Одна бежала по зарослям впереди, а на некотором расстоянии за ней бежали рядом два рыжих лосенка. Другая стояла с лосенком на отмели, как раз вблизи нашей остановки, и когда Салищев подкрался к ним, чтобы снять их поближе, переплыла на противоположный берег, а лосенок, побоявшись широкой реки, стоял на отмели, долго колебался и жалобно кричал, пока наконец решился плыть вслед за ней.

Ниже Олая мы нашли единственных летних жителей Омолона — две урасы тунгусов, стоящие на отмели реки. Это было довольно живописное место с видом на дальние вершины Юкагирского плато и с густой стеной леса вокруг. Но комары не оставляли их ни на минуту. Не только снаружи нельзя было стоять без сетки, но даже и внутри урасы все время, пока мы сидели, нас нестерпимо кусали комары. Мы пробыли у этих тунгусов очень короткое время, спросив их о названиях соседних гор и речек. Они сами ходили вверх по Омолону недалеко и могли сообщить названия только для самых ближайших окрестностей. Обычно они кочуют между Омолоном и верховьями Березовки, большого притока Колымы.

Население левого берега нижнего и среднего течения Омолона, а в низовьях частью и правого, составляют, по данным Зонова, около 200—250 тунгусов, кочующих в стороне от реки. На Большом и Малом Олаях живет несколько юкагиров — не более 35 человек, остатки когда-то многочисленного юкагирского населения Омолона, память о котором сохранилась только в названиях рек.

Ураса тунгусов ниже Б. Олая и тунгусская девочка.

Более многочисленны чукчи (до 300 человек), которые живут по всему Олою, в Уяганской впадине и по Кегали. Их изучал тридцать лет назад Тан-Богораз и описал в ряде статей и монографий. Зимой, когда мы были в Среднеколымске, оттуда выехал на Олой ветеринарный врач Поляков. Его задачей было изучить условия оленеводства на Олое и выяснить возможность улучшения стад чукотского оленя и выработки лучших пород ездовых оленей. Здесь на Омолоне у встречных тунгусов мы попытались узнать что-нибудь о Полякове. Никто не видел, чтобы он проезжал, и так как он должен был выехать с Олая по весенней воде, то Ваня немедленно решил, что Поляков погиб.

Когда мы выехали на Колыму и выяснилось, что Поляков туда действительно не приезжал, то догадки Вани превратились в уверенность, и он всем рассказывал о гибели Полякова, постепенно украшая свой рассказ подробностями. Велико было его разочарование, когда однажды в Нижнеколымске, встречая прибывший сверху катер, он увидел выходящего на берег Полякова, сильно обросшего огромной черной бородой. Поляков поздоровался с ним, но Ваня сделал последнюю попытку спасти свое творчество и сказал: «Я вас не признаю».

Поляков во время своей поездки долго пробыл у чукчей на Олое и перевалил дальше на Молонду и Уяган. При этом он там встретил последнего эрема (короля) чукчей. Это был Тынапо, сын Эгели, о котором пишет Тан, и внук могущественного короля чукчей Амвраургина, с которым когда-то вел переговоры Майдель. В настоящее время величие этого королевского рода значительно упало, и последний его представитель, растратив всех своих оленей, живет в качестве приживальщика у богатого чукчи, владеющего стадом в 5 тыс. голов. Поляков воспользовался случаем, сверг короля Тынапо и провел выборы наследного совета. Поляков хотел вывезти с собою в Среднеколымск облачение короля, говоря, что оно необходимо для музея, но чукчи облачения не отдали: «Мы устроим музей у себя, чтобы наши дети могли видеть, как одевались наши короли». По словам Полякова облачение это состояло из красного фрака, подбитого горностаем.

Вывезенный Поляковым королевский архив содержал главным образом требования духовных пастырей о своевременной уплате пушнины за требы и печатные присяги с параллельным текстом на русском и чукотском языках.

Ниже Олая долина Омолона довольно однообразна; она еще шире чем раньше, и река образует в ней множество протоков с бесчисленными островами. «Камни» — утесы, которые несколько разнообразили путешествие по Омолону, — становятся все более редкими. Некоторые из них носят своеобразные названия,

например «Шепеткой», на левом берегу Омолона, что на местном русском языке значит красивый. На одном из высоких камней правого берега стоит старинный столб с надписью конца XVIII в. Омолон уже в XVII в. служил путем, по которому перевозились грузы на Анадырь (вверх по Олою). Другой путь лежал через Анюй.

Течение становится все медленнее, наконец в низовьях кончаются «камни», и Омолон начинает уже совершенно напоминать Колыму. Появляются такие же талы с массами костей четвертичных животных у их подножия. Относительно одной из таких тал, лежащей вблизи заброшенной заимки «Сибирь», Ваня особенно предупреждал нас, что подплывать к ней чрезвычайно опасно, что не раз бывали случаи, когда юкагиров и тунгусов, плывших на маленькой лодке, затягивало под эту талу, и они погибали под обвалом.

Тала тянется на 2 км и действительно представляет интересное зрелище: река бьет под нее на повороте, и тала образует непрерывный вертикальный обрыв, основание которого все время подмывается.

На этой тале можно хорошо убедиться, что внутри древних четвертичных отложений здесь совершенно нет льда. На всем протяжении талы не видно было ни одной даже маленькой линзы последнего. Остановившись ниже этой талы, я на отмели еще раз попытал удачу и нашел целый ряд костей носорога, полузамытых в галечнике.

В низовьях Омолона на протяжении последних 50 км расположен ряд заимок, к ним иногда выезжают для рыбной ловли жители из ближайших к устью Омолона постоянных заимок на Колыме. Раньше они были населены гораздо больше, и в них жили и зимой и летом.

12 июля мы выплыли на Колыму на веслах, потому что течение у устья Омолона становится слишком медленным. Омолон на устье образует вместе с Колымой широкое водное пространство в 3 км шириной. Мы стали у правого берега, у высокой талы.

Предстояло позаботиться о дальнейшем пути до Нижнеколымска. Снова мрачные предсказания Вани. Уже задолго до выезда на Колыму он нам рассказывал, что в низовьях встречные ветры часто задерживают лодку и остающиеся нам 140 км можно будет вероятно пройти только в неделю или еще дольше. Действительно, вскоре после выхода на реку начался низовой ветер, который должен был задержать нас здесь на некоторое время.

Мы воспользовались этой задержкой, для того чтобы нала-

доть парус и съездить на другой берег в займку Колымскую. Эта займка расположена на террасе на порядочном расстоянии от берега. В ней живут юкагиры, которые в настоящее время совершенно обрусели и не знают юкагирского языка, а говорят по-русски и по-якутски.

В середине займки возле сруба маленькой часовни находится могила Черского. Раньше здесь был простой крест, а в прошлом году экспедиция Наркомвода поставила столб, к которому прибила медную доску с надписью на русском и польском языках. Здесь в вечно мерзлой почве, за полярным кругом, лежит Черский, этот, как нам говорил один старичок в Среднеколымске, «знаменитый экспедитор — императорских наук академик».

В займке Колымской мы получили свежие новости из культурного мира, частью от проезжавших на лодке из Среднеколымска в Нижнеколымск служащих, а частью быстро доставленные Ваней по местной, так называемой «торбасной», почте (торбаса — якутская обувь). Сведения Вани были как всегда фантастичны и увлекательны. Между прочим сообщались самые верные известия о двух ледоколах, идущих северным путем вместе с пассажирскими судами.

Назад на свой берег мы вернулись в большую волну, которая здесь легко разводится при всяком ветре, и имели случай еще раз испытать мореходные качества байдарки с ее непромокаемым резиновым верхом. Еще целый день мы сидели на берегу, с волнением следя за колебаниями ветра, который время от

Могила Черского возле часовни в займке Колымской

времени делал вид, что собирается повернуть и перейти в попутный. Но он повернул только на 90° и стал дуть в бок. Пришлось рискнуть идти дальше, и к вечеру мы отплыли.

Наша мачта представляла сооружение, далекое от правил мореходного искусства. Это были две большие жерди, привязанные к бортам лодки и связанные наверху вместе. Такая система была принята, для того чтобы не проводить мачту сквозь брезент, из которого сделана крыша на нашей лодке.

Первоначально плавание было очень трудно, потому что приходилось все время отгребаться от берега и мелей, к которым нас прибывал ветер. Кроме того сбоку хлестали большие волны, которые заливали через борт. Ваня несомненно должен был испытывать полное удовлетворение.

Но вскоре направление реки немножко изменилось, ветер стал более благоприятным, и наше неуклюжее плоскодонное судно пошло быстрым ходом. Постепенно наша уверенность в возможности достигнуть Нижнеколымска становилась все прочнее, и мы стали уже точно рассчитывать, в каком часу при таком ходе мы будем в городе.

Ветер дул не прекращаясь. Мы быстро скользили мимо заимок, которые здесь нередко, и решили плыть всю ночь, чтобы не упускать такого благоприятного случая. Среди ночи, когда ветер был не так яростен, все легли отдохнуть. Я стоял на вахте, песка наконец на рассвете погода, как говорят моряки, не засветела и мне одному нельзя было удержать тяжелый руль. Надо заметить, что еще с вечера я подшил к имевшемуся у нас парусу, достигавшему около 12 кв. м, кусок ткани в 7 кв. м, и сейчас такой большой и высокий парус становился опасным для плоскодонной лодки. Пришлось по всем правилам взять рифы и идти с уменьшенной парусностью.

Эта часть Колымы довольно скучна. Утесов нет совершенно, и только по правому берегу нередко тянутся большие талы, достигающие 40 м высоты. В одной из таких тал против заимки Дуванное, по рассказам местных жителей, лет шесть назад был вымыт в обрыве труп мамонта. Отсюда мне привезли череп носорога и замечательный череп молодого мамонта с бивнями всего в 20 см длиной — кажется единственный в мире. Еще более маленького мамонта, но только кусок черепа с малюсенькими зубками, нашел я как-то у талы выше Среднеколымска, в урочище Рыжое.

Прошлой осенью, когда снизу шел последний катер, приближаясь к Дуванному, капитан его увидал странное зрелище: кто-то сидел на крыше избы, а кругом ходили какие-то три черных зверя. Оказалось, что это четыре медведя, которые уже в течение двух дней осаждали заимку и не давали ее жителям выйти.

В последовавшем сражении один медведь был убит, а остальные убежали.

Не так еще давно эта часть Колымы была гораздо более богата дикими животными. Лет десять назад стада диких оленей переправлялись через Колыму вплавь с одного берега на другой, и лоси были обычным явлением, а теперь только при особенно удачном рейсе попадают навстречу катеру один или два плывущих лося, которых редко удается убить.

Через двадцать часов после отплытия от устья Омолона мы подошли к Нижнеколымску. Города с реки совершенно не видно — перед вами только широкое плесо реки. Город лежит в глубине, а вдоль берега на краю террасы растут обильные тальники. Но все же колокольня церкви бывает видна издали, а на реку выступают мостки — пристань, приготовленная к приходу парохода.

Ко времени нашего прихода к Нижнеколымску ветер начал спадать, но к счастью его последних порывов хватило на то, чтобы подойти к пристани на парусах по всем правилам искусства, не осквернив себя ни одним ударом весел. В последний момент я имел удовольствие отдать фал, сбросить парус и видеть, как лодка врезается в топкую прибрежную няшу.

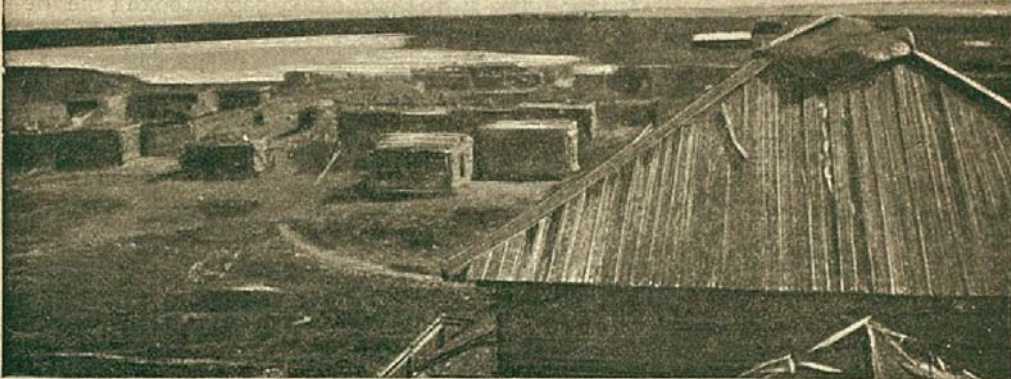
ХVIII. НА ПАРОХОДЕ СРЕДИ ЛЬДОВ

В Нижнеколымске всего только тридцать или сорок домов, расположенных на маленьком возвышении, тянущемся между двумя болотами с озерами. Вблизи самого города леса вырублены, остались только тальниковые кусты. В церкви, построенной в середине прошлого века и не представляющей ничего интересного в архитектурном отношении, помещается клуб, а на колокольне можно видеть еще вырезанные инициалы и подписи побывавших здесь в годы разрухи командиров белых шаек. Дома той же обычной колымской архитектуры.

Здесь нам предстояло провести время в ожидании прихода парохода. Еще не было точных сведений о его передвижении, но можно было ожидать, что уже во второй половине июля пароход придет в Нижнеколымск. Все зависело от степени ледовитости этого года.

В Нижнеколымске собралось значительное количество служащих из Среднеколымска, которые должны были в этом году выехать на «материк», как здесь говорят, т. е. во Владивосток, а на смену им ехали с пароходом новые. Обычно служащие проводят здесь два года, уезжая потом обратно. Несколько позже должны были прийти еще катеры сверху и привезти последних

Нижнеколымск.

пассажиров. Поэтому население Нижнеколымска очень сильно увеличилось и в каждой избе жило по несколько семейств.

Колымчане низовья сохранили больше, чем в среднем течении реки, остатки языка и обычаев древних русских жителей края. Здесь гораздо больше старых слов и оборотов, лучше сохранились старые песни, и еще больше дифференцировался сюсюкающий и картавящий говор, который так характерен для Колымы. Даже и в официальных объявлениях нередко отражается это местное произношение. Например на дверях сельсовета висит записка: «А также просьба не производить салости и пение в помещении сельсовета».

Очень красочно и верно описаны нижнеколымские нравы и обычаи в книге Вагнера «Человек бежит по снегу». Вагнер работал на Колыме экономистом в ихтиологическом отряде Якутской экспедиции Академии наук, провел много времени в низовьях Колымы и имел возможность хорошо ознакомиться с жизнью местного населения.

Скоро пришло первое известие о пароходе. К счастью для нас в Нижнеколымск прибыл радист со Среднеколымской станции М. и установил здесь маленькую приемно-передаточную станцию.

Ежедневно с утра до вечера он должен был отбиваться от любопытных, желавших узнать, когда придет пароход и возможно ли будет в этом году выехать из Нижнеколымска.

Несмотря на то, что рейсы через Ледовитый океан на Владивосток начались уже с 1911 г., до сих пор плавание этим путем не представляется вполне обеспеченным, и бывают случаи зимовок пароходов на обратном пути. Путь на Колыму совершается почти всегда благополучно, и только один раз пароход не решился дойти до устья Колымы и выгрузил весь груз в 300 км восточнее. Но на обратном пути зимовки были несколько раз; пассажиров принимают на борт только с годовым запасом продовольствия, и все пассажиры невольно с некоторым страхом старались подсчитать шансы зимовки и взвесить, не выгоднее ли выехать осенью на оленях через Якутск. Последний путь во всяком случае обещал верное возвращение в Москву к февралю будущего года, в то время как на пароходе в случае зимовки можно было притти во Владивосток только к августу.

В колымские рейсы ходили пока только два парохода — «Колыма» и «Ставрополь», — совершенно непригодные для работы среди льдов и попавшие сюда только потому, что они подходили по тоннажу. Несмотря на плохую славу этих рейсов в широких кругах населения, на долю зимовок на обратном пути приходится всего только 20%, и во всяком случае со времени начала рейсов край ежегодно бывает обеспечен в достаточном количестве продовольствием, которого раньше часто бывало совершенно недостаточно.

Но последние годы были для плаванья здесь как раз довольно неблагоприятны и повидимому сильно ледовиты. В 1928 г. по этому пути шло четыре судна. Из них «Ставрополь» благополучно успел дойти до Нижнеколымска и вернуться во Владивосток. Другой пароход «Колыма», который должен был дойти до Лены, вернулся от Новосибирских островов, не пробившись через льды, и на обратном пути зазимовал в начале сентября у острова Шалаурова — несколько преждевременно, потому что судоходство здесь возможно до середины сентября.

В том же году две американские шхуны, принадлежавшие богатому американскому промышленнику Свенсону, завожившему по договору с Госторгом товары на Колыму, при проходе во льдах были менее счастливы. Из них шхуна «Нанук» была повреждена льдами и вернулась в Америку. Вторая, «Элизиф», не пробившись через льды, стала на зимовку у Северного мыса. В 1929 г. зазимовавшие суда освободились из льдов. «Колыма» вернулась во Владивосток, а «Элизиф» попробовала двинуться на Колыму, но у мыса Биллингса была раздавлена льдами и выбросилась на прибрежную отмель. Груз был подмочен и частью выгружен на берег, а потом постепенно перевозился на собаках в Среднеколымск. Но в том же году на Колыму пришли с гру-

зом «Ставрополь» и «Наннук». Обратного выйдти они не успели, и оба стали на зимовку у Северного мыса.

Рейс этого года с самого начала стал проходить при довольно мрачных предзнаменованиях. Не войдя еще во льды, «Колыма» сильно пострадала. При входе в бухту Лаврентия пароход получил повреждение дна. Оказалось, что пробито внешнее (первое) из двух днищ парохода и соленая вода проникла в цистерны, в которых хранится пресная вода. Одна цистерна была совершенно повреждена и не поддавалась откачке. Таким образом в случае зимовки пароход был почти наверняка обречен на гибель — воду из цистерн откачать нельзя и при замерзании она разорвала бы днище.

Капитан Сергиевский не решался сообщить об этом сразу во Владивосток, чтобы не напугать родственников пассажиров и матросов, и только гораздо позже все узнали о ее печальных приключениях. 16 июля, войдя в Ледовитый океан, пароход сразу же попал в тяжелые льды. У мыса Сердце-камень льды оказались настолько тяжелы, что пароход пробивался здесь пять дней, то останавливаясь среди льдов, то дрейфуя с ними обратно на восток, то спасаясь под самым берегом от нажимов льдов. Только 22 июля с большими трудом «Колыма» дошла до Колючинской губы.

Здесь «Колыма» нашла у острова Колючина зажатую льдами шхуну Камчатского акционерного общества «Чукотка», которая едва не была выжата льдами на берег. Эта шхуна, превосходно приспособленная для плавания во льдах, с очень мощной обшивкой бортов, в 1931 г. погибла при плавании вдоль этого же побережья.

Два или три дня «Колыма» пробивалась, затем у острова Шалаурова и помогала здесь шхуне «Кориза», принадлежавшей Свенсону и шедшей также на Колыму.

1 августа, проходя возле острова Айона, лежащего у входа в Чаунскую губу, «Колыма» в тумане ударились о большую льдину правой скулой и, отскочив от нее, ударились другой стороной о соседнюю льдину. Оказалось, что у парохода пробиты подводными выступами льдин (которые выдаются в виде таранов на глубине 1 м ниже ватер-линии) обе скулы вблизи носа. Несмотря на работу всех отливных машин, вскоре вода в трюме достигла 7 фут.; поэтому капитан решил выброситься на отмели острова Айона. Вода в трюме все прибывала и достигла уже 11 фут. Пришлось спешно разгружать передний трюм и наваливать груз на палубу и частью на подошедшую на помощь «Коризу». Починить пробоину цементом, взятым с собой из Владивостока, оказалось невозможным, так как цемент был плохой и не отвердевал. Пришлось только подвести брезентовый пла-

стырь и закрепить его. В таком состоянии пароход пошел дальше к Колыме. Кроме того у него были во время плавания во льдах отбиты две лопасти винта и поврежден руль.

В Нижнеколымске мы не знали обо всех этих подробностях, было известно только, что пароход получил какие-то повреждения, вследствие которых часть груза подмокла и он должен был его перегружать. Тем не менее как всегда стали уже распространяться самые мрачные слухи, которые приводили в уныние малодушных. Особенно мучился наш Михаил. Он давно уже говорил, что ни за что не поедет на пароходе, потому что не желает зимовать во льдах, и хотел вернуться вверх по Колыме, в Средникан, чтобы работать на золотых приисках. Он уговаривал Василия итти вместе с ним и тянуть лодку бичевой от Верхнеколымска. Когда он увидел, что все собираются в Нижнеколымск и хотят ехать на пароходе, решение его несколько поколебалось, но печальное известие о «Колыме» снова заставило его бояться плавания. Так он колебался до самого последнего дня, но когда капитан, придя в Нижнеколымск, заявил официально, что он не принимает на себя никаких ручательств за обратное плавание и предупреждает пассажиров об аварийном состоянии парохода, наши рабочие решили возвращаться санным путем.

От Нижнеколымска до устья еще около 200 км. Здесь есть некоторое препятствие для морских судов — ряд перекатов и бар на устье. Бар этот равен 12 фут. при низкой воде, но при ветрах с севера глубина иногда увеличивается до 18 фут. Для прохода судов до Нижнеколымска обычно откомандировывается лоцман из местных жителей, который должен вести судно по реке. Но в этом году Якутгосторг поскупился, взял наименее сведущего лоцмана и не обставил как следует реку. Поэтому, поднимаясь по Колыме, пароход сел на мель и должен был выгрузить часть груза на речные баржи (часть груза уже было отгружена перед баром).

В Нижнеколымске, несмотря на то, что время было сравнительно позднее (14 августа), работы по выгрузке производились очень медленно — настоящими колымскими темпами. Для выгрузки парохода обычно собираются в Нижнеколымск жители окрестных заимок. Местное население, как якуты, так и русские, довольно слабосильно и как грузчики не особенно пригодно.

Только 18 августа пароход мог двинуться обратно. С самого выхода из Нижнеколымска начался ряд приключений, которые сделали это плавание «Колымы» еще более красочным. Уже в 10 часов утра пароход был благополучно посажен лоцманом на мель. В течение нескольких часов пробовали итти то вперед, то назад, но ничего не выходило, и пришлось прибегнуть к единст-

венному возможному способу — свозить груз на берег на кунгасах, которые мы везли с собой на палубе. Для этого были мобилизованы кроме команды все пассажиры, и в продолжение вечера и всей ночи мы выгружали тяжелые ящики, кули с мукой и солью, весь зимовочный запас парохода, затем кирпичи, которые он вез для устройства печей на случай зимовки. После того как трюмы были облегчены, пароход снялся с мели. Затем надо было снова все свозить с берега обратно, и только в 5 часов вечера следующего дня Колыма пошла дальше.

В течение следующих двух дней лоцману еще два раза удалось посадить пароход на мель, и в общем эти 200 км были пройдены в трое суток. В конце концов капитан ссадил лоцмана на шлюпку и отправил его обратно, решив проходить остальную часть реки на свой риск.

Колыма впадает в море двумя большими протоками — Походской, в которой стоит большое селение Походское, и Каменной, восточной, к которой выходят отроги Аннойского хребта. Конец этого хребта представляет ряд изолированных округлых сопков, а дальше на севере тянется довольно плоская и низкая страна. У подножия утесов видны громадные надувы снега, которые сохраняются из года в год, а зимой достигают колоссальных размеров. Здесь у выхода в море нередко приходится сгружать часть привезенного судами груза, и затем его заносит снега настолько, что в следующее лето его бывает даже трудно найти.

Первые льдины мы встретили тотчас же по выходе в океан, но сначала они были очень редкие, и первые две ночи капитан

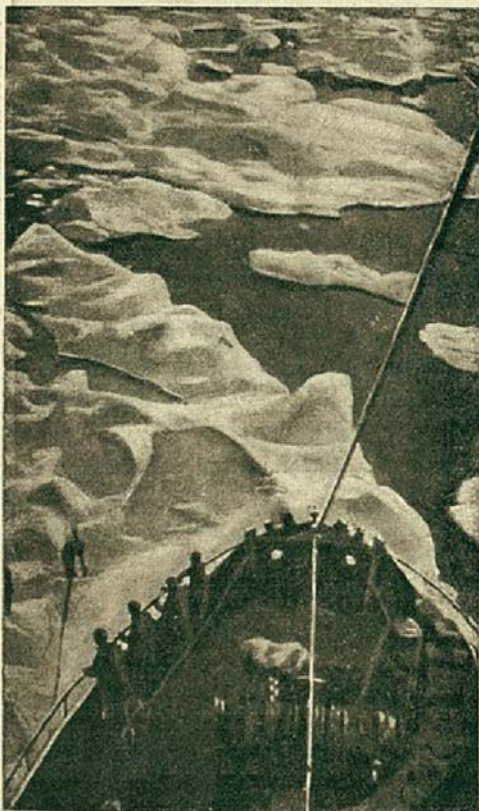
«Колыма» пробивается сквозь льды.

решил идти без остановок, несмотря на туман и темноту. Благодаря этому уже 24 утром мы прошли Чаунскую губу и в отвратительную погоду, при тумане, который закрывал берег, приблизились к Шелагскому мысу, представляющему самую северную оконечность этой части континента.

Под крутыми утесами на узком каменистом берегу было видно несколько чукотских яранг, и среди них белела палатка. В этой палатке жил учитель Форштейн, который приехал сюда из Ленинграда для изучения чукотского языка и для обучения чукотских детей. «Колыма» высадила его вместе с женой и выгрузила их груз, включая мебель, которую они привезли с собой. Но расставить здесь мебель было нелегко, не было никакой фактории, и им пришлось жить в палатке, внутри которой надо было повесить полог — вторую палатку для сохранения тепла.

На маленькой байдарке, лодочке, сшитой из моржевых шкур,

Льдины растаскивают якорями.

Форштейн, одетый уже совершенно по-чукотски, в высоких сапогах из тюленьей кожи, с двумя чукчами приплыл на «Колыму» и сдал последнюю почту, которую он мог отправить в этом году на родину. Ответ на него он мог получить приблизительно в то же время в будущем году, со следующим рейсом парохода, если «Колыма» не зазимует на обратном пути.

Уже в 12 км от острова Шалаурова мы встретили такие тяжелые льды, что пароход был ими совершенно остановлен. Ночью давление льдов усилилось, и был снова поврежден руль. «Колыма» получила вмятину правого борта на протяжении двадцати шпангоутов, борт прогнулся внутрь трюма на 2 фута, и некото-

рые шпангоуты лопнули. Надо заметить, что еще предыдущей ночью во время плавания в тумане «Колыма» наскочила раз на льдину и помяла подводную часть; началась течь которую однако удалось устранить.

К утру 26 августа выяснилось, что положение наше довольно безнадежное, по крайней мере на ближайшее будущее. Мы стояли в 8 милях на запад от острова Шалаурова среди сплошной массы тяжелых льдов. Для малоопытных в полярной терминологии читателей следует пояснить, что тяжелыми льдами называют многолетние льды, состоящие не из одного ледяного слоя, лежащего горизонтально, а из массы льдов, переломанных, сдавленных и спаянных вместе в новые толстые льдины. Тяжелые льды Восточносибирского моря и моря Лаптевых по сравнению с льдами Карского моря являются действительно тяжелыми: они неизмеримо труднее для прохождения и опаснее. Толщина их нередко достигает 5-6 и даже 10 м. Обычно в подводной части льдины на глубине 1-2 м выдвигается ледяной таран: верхняя часть льдины быстро тает, а нижняя тает медленнее. При сдавливании льдов во время ветров эти льдины с очень большой силой давят на подводную часть корабля, а так как «Колыма» совершенно не приспособлена для плавания во льдах — борта ее почти вертикальны и дно плоское, — то давление льдов может произвести сильные разрушения.

В течение четырех дней «Колыма» пробовала пробиваться сквозь льды, маневрируя между ними, как только они сколько-нибудь расходились. Это производилось крайне медленно и было

Льдину взрывают динамитом.

очень тяжело для всего экипажа. Самый простой способ при таком передвижении заключался в том, что «Колыма», отойдя немного назад, старалась с разбега раздвинуть льдины. Непрестанно с капитанского мостика передавалась команда в машинное отделение: «Назад». «Тихий вперед». «Полный вперед». «Стоп». «Назад» и т. д.

Когда льды не поддавались и дорогу загораживала особенно большая льдина, ее старались оттащить в сторону. Для этого на льдину спускались матросы, сносили на нее якорь, а затем трос, ведущий от якоря, наворачивался лебедкой на барабан. Льдина медленно, едва заметно для глаза, отплывала в сторону, и пароход получал возможность продвинуться на несколько метров. Затем новый разбег вперед, новые страшные толчки — и опять следующая маленькая льдина отодвинута.

Но иногда приходилось прибегать к еще более энергичным способам борьбы с льдинами. На лед спускался помощник капитана с одним-двумя матросами и в отверстие во льду пропускал патрон динамита с бикфордовым шнуром. Шнур поджигали, из отверстия вылетал столб воды, и льдина разламывалась на несколько частей. Но на «Колыме» было очень мало динамита, его экономили и прибегали к взрывам в редких случаях. Точно так же «Колыму» не снабдили аммоналом, этим новым веществом, позволяющим пробивать льды, и новыми термитными составами, которые дают возможность резать льдины при помощи тепловой энергии. Долгие часы и даже целые сутки «Колыма» стояла во льдах, ожидая их подвижки, крепко зажата громадными льди-

«Колыма» в тяжелых льдах.

нами, покрытыми многолетними торосами. Во время этих вынужденных стоянок матросы и пассажиры выходили на лед погулять, пострелять, а капитан использовал стоянку, чтобы запастись свежей воды из больших луж с поверхности льдин, образовавшихся от таяния снега. Для этого на льдину ставили насос и протягивали шлангу на палубу.

28 августа удалось продвинуться на 4 мили к острову Шалаурова. 29-го капитан направил судно ближе к берегу, и здесь в небольших прогалах между льдинами он подошел к проливу между островом Шалаурова и материком. В это время ветер усилился до шторма, тем не менее лед не двигался и стоял всей массой на месте. Попробовали пройти между островом Шалаурова и материком, но здесь было слишком мелко; пришлось огибать остров.

30 августа в течение 12 часов (с 4 часов утра и до 4 часов вечера) пароход обходил этот маленький островок, ширина которого меньше 1 км. Льды обступили его со всех сторон, и только вблизи самого острова оставался проход, иногда шириной всего только 20—40 м. Капитан Сергиевский, который уже на пути в Нижнеколымск выяснил, что вблизи берега нет подводных камней, решил проходить вблизи самого острова, и в некоторых местах «Колыма» шла всего в 10 м от утесов, задевая правой стороной днища за грунт. Слышался зловещий шорох, но податься влево было невозможно, потому что тут выдвигались льдины со своими подводными таранами. Мы потеряли здесь одну лопасть винта, так что неповрежденной осталась только одна.

На ботике к мысу Северному.

Фактория на мысе Северном и «Колыма» во льдах.

Чтобы защитить винт от ударов льда, все время около кормы стояли пассажиры и матросы и отодвигали льдины шестами.

За эти пять дней нередко начиналась пурга, и берег от нас скрывался. Самое побережье плоское и унылое, но уже недалеко от берега возвышаются довольно значительные горы. На самом побережье хорошо видны древние террасы, и на нижней из них стоят местами яранги чукчей, покрытые шкурами животных, отчего издали они совершенно сливаются с осенней травой.

31 августа мы шли довольно быстро вдоль кромки льда, которая оставляла возле берега все-таки значительную полосу в несколько километров свободной воды. В этот день опять началась пурга с сильным штормовым ветром, и от мыса Якан мы опять попали в тяжелые льды, так что к концу дня принуждены были остановиться, пришвартовавшись к большой льдине — стамухе. Стамуха — это специальный сибирский термин, обозначающий большую ледяную массу, которая по внешности напоминает ледяную гору, но совсем другого происхождения. В то время как ледяная гора (айсберг) представляет оторвавшуюся часть наземного ледника, стамуха образуется из морских льдин, нагромождающихся постепенно друг на друга. Она возвышается над уровнем воды иногда на десяток метров и больше и соответственно глубоко (до 60 м) сидит в воде. Обычно эти стамухи сидят на мелких местах, и ряды их обозначают границу более глубокой части моря.

Ночью на «Колыме» снова были неприятности, которые прошли незаметно для пассажиров. Лопнул проволочный трос, прикреплявший пароход к стамухе; судно понесло, и при этом винт запутался в тросе. Пришлось отдать якорь и начать очистку винта. Но здесь прибавилось новое несчастье: на якорный канат навалилась большая льдина, которая грозила порвать его. Надо сказать, что еще на пути из Владивостока «Колыма» потеряла у Шелагского мыса один из своих якорей благодаря разрыву цепи (на морском языке якорная цепь называется канатом). Сейчас у «Колымы» был только один якорь. С большим трудом удалось справиться с этим несчастьем, и к утру мы укрылись в расщелину между двумя стамухами. Стамухи, сидящие на мели, представляют лучшую охрану для парохода, потому что не двигаются и сдерживают напор льда, который непрерывно дрейфует под влиянием ветра и течения.

1 сентября, пробираясь вдоль берега и лавируя между тяжелыми льдами, мы наконец добрались до мыса Северного. Мыс Северный совсем не самый северный мыс этого побережья. Как я уже говорил, Шелагский мыс расположен значительно более к северу. Но так назвал этот мыс знаменитый Кук, который в XVIII в. доходил до него, пробравшись на своих парусных судах через Берингов пролив.

В этот день «Колыме» не удалось дойти до самого мыса Северного, — нас отделяла от него полоса очень тяжелых и сплоченных льдов. На следующий день мы начали пробираться через них, и временами казалось, что это будет невозможно. Было решено отправить кого-нибудь в факторию, расположенную на берегу возле мыса. На берег поехали вдвоем: второй механик Чаусенко, радист из Среднеколымска и я. Мы спустили маленький складной брезентовый ботик и потащили его через льдины. В некоторых местах между льдинами были свободные пространства воды, и можно было несколько десятков метров проплывать на веслах.

Ботик, который нам дали, оказался совершенно дряхлым — ему было уже не менее двадцати лет. Когда мы его протащили больше километра по льду, пересохший брезент разорвался. Чуть только мы дошли до края сплошных льдов и поплыли через отделявшее нас от берега водное пространство, ботик начал наполняться водой. К счастью на пути было несколько льдин. У первой же из них пришлось пристать и отлить воду. У второй, находившейся на середине этой полосы открытой воды, наше путешествие кончилось. Когда мы подходили к этой льдине, ботик уже наполнился наполовину, и мы сидели в ледяной воде.

Льдина, на которую мы вылезли, равнялась в поперечнике всего 3 м. Мы вытащили на нее ботик, вылезли сами и стали

ждать — промокшие и на ветру, — что кто-нибудь придет к нам на помощь. В это время «Колыма» пробилась через льды и даже опередила нас, и наши спутники, сидя на палубе, смеялись над нами. На берегу собрались чукчи, которые наконец сжалились и вывезли нас со льдины поодиночке: их байдарка была слишком мала, чтобы поднять сразу трех человек. Вода уже покрылась тонким слоем льда, который звенел и трещал под напором легкой лодочки.

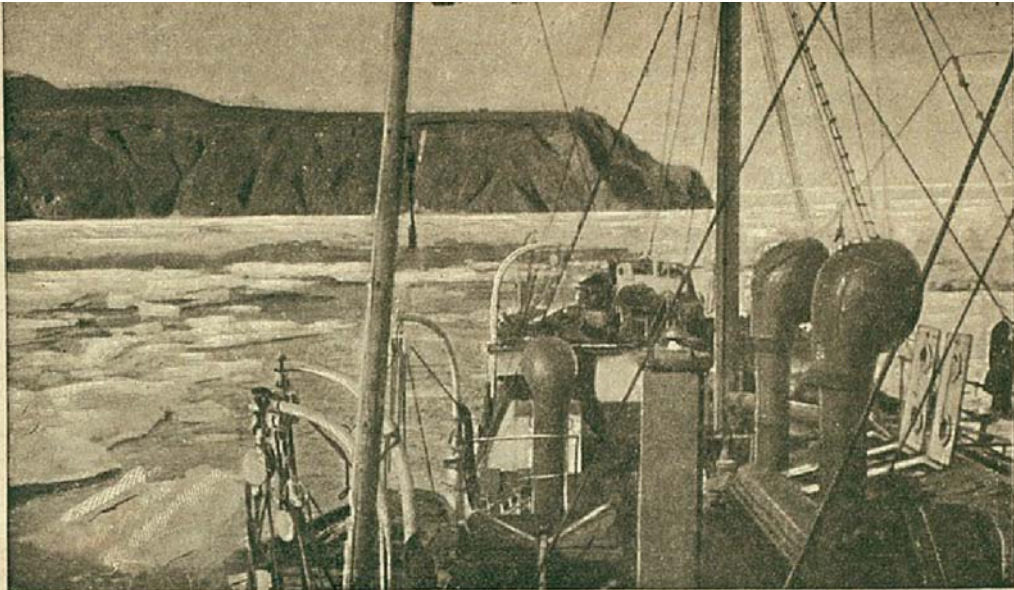
На берегу мы прежде всего забрались на утес, который возвышался на северном конце мыса; с него открывался далекий вид на море, которое всюду было покрыто сплошными тяжелыми льдами, и только у северного подножия утеса несколько наискось тянулась небольшая полынья, в которую нужно было пробиться «Колыме».

Скала отделяется от материка узким перешейком, за которым лежит уже на материке фактория Госторга. Это хорошее новое здание, крытое оцинкованным железом, с большими окнами. Оно представляет странный контраст с ярангами, стоящими вокруг. Чукотские яранги значительно отличаются от тунгусских чумов. Это несколько асимметричное коническое сооружение с округленным верхом, напоминающее круглый колпак от лампы, сдавленный на одну сторону. Яранги довольно вместительны, и большие яранги достигают 10 м в поперечнике. С одной стороны внутри расположен полог из шкур; под этим пологом укрывается все семейство чукчей во время холодов, согреваясь собственным дыханием и жаром светильни, непрерывно горящей в плошке с тюленьим жиром. В пологе бывает так жарко, что приходится раздеваться догола. Сейчас было еще тепло, и полог был открыт.

Местных чукчей мы встретили на берегу. Они только что приехали в большой байдаре с охоты на тюленей и вытаскивали свою добычу на берег. Большая чукотская байдарка поднимает до гонны груза; она представляет собой лодку с плоским дном и крутыми бортами, сделанную из деревянных или костяных уругов, обтянутых выскобленными моржевыми шкурами. Они превосходного желтого цвета и особенно красивы на воде, когда сквозь эти желтые шкуры просвечивает берilloвая зеленоватосиняя вода. Чукчи привезли несколько тюленей и кроме того выкидывали из лодки поплавки, которые брали с собой, чтобы привязывать их к гарпунам во время охоты за морским зверем. Эти поплавки представляют собой тюленьи кожи, зашитые и надутые.

К фотографическому аппарату чукчи отнеслись с большой иронией, и некоторые старались высунуть мне язык во время фотографирования. Повидимому эта операция для них не была нова.

Вблизи мыса Северного.

На мысе Северном на пароход сел заведующий факторией, срок пребывания которого здесь кончился, а в фактории остался один молодой лингвист Штакеншнейдер, недавно приехавший из Ленинграда, чтобы учительствовать здесь и изучать чукотский язык.

Капитан попробовал пробиться вокруг мыса Северного таким же образом, как и вокруг острова Шалаурова. Но здесь льды были еще тяжелее, и никакие усилия не помогли. К вечеру в отдалении от мыса позади показалась небольшая узкая полынья, и было решено вернуться назад, чтобы попробовать пробиться через нее. Для того чтобы повернуться, пришлось рвать льды динамитом, растаскивать их якорями и тросами. Только на рассвете 3 сентября наконец пароход вырвался в большую полынья.

Дальнейшее плавание до острова Колючина, лежащего у входа в Колючинскую губу, прошло без особых приключений. Только у реки Ангуэмы мы ненадолго сели на мель возле лагуны, но скоро снялись. В этой части Чукотского побережья лагуны достигают громадного развития. Это участки моря, отчлененные намывными косами, которые, постепенно вырастая, отделяют от моря продолговатые заливы. В глубине страны видны высокие островерхние горы, закрытые тучами.

Все надеялись, что больше льдов не будет, потому что восточная часть этого побережья почти всегда свободна от льда, и за Колючинской губой можно считать, что опасное плавание

уже кончилось. У мыса Северного мы потеряли еще одну лопасть, и у нас оставалась всего половина одной и треть другой. Удивительно, как при таком винте «Колыма» могла еще идти вперед. При выходе из Владивостока на нее не удалось поставить стальной винт, и пришлось довольствоваться чугунным, который очень хрупок и легко разбивается во льдах. На всякий случай взяли с собой второй, запасный винт, также чугунный.

Льды со свежими торосами.

Возле острова Колючина нас снова встретили тяжелые льды, и целый день мы пробивались сквозь них. Все пространство на востоке, как оказалось — вплоть до самого мыса Дежнева, было занято льдами. Вокруг мыса Сердце-камень «Колыма» в течение пяти дней боролась со льдами. С 5 сентября вплоть до 10-го «Колыма», шаг за шагом раздвигая льды, пробиралась к востоку, и каждую ночь обратное течение относило ее к западу. Несмотря на то, что по описанию лодии здесь должно быть течение, направленное вдоль берега к востоку, каждое утро мы просыпались всегда снова западнее той точки, у которой мы стали на ночь вечером. Ночью идти было очень опасно, так как ночи были очень темные и можно было разбить судно. Кроме того нередко и днем был туман, и продвижение вперед прекращалось. Но в конце-концов капитан все-таки рискнул идти и ночью и днем, в пурге и тумане вперед. В ночь на 11 сентября наконец льды стали реже, и можно было двигаться вперед малым ходом. Утром открылся вдали на восток мыс Дежнева.

Чукотская байдарка.

Мыс Дежнева — это большой утес, расположенный на самой оконечности Азиатского материка. Он отделен с запада от материка понижением, которое недавно еще занимало море. На северной стороне перешейка лежит поселение Уэллен, а на южном — пост Дежнева. Во время короткой стоянки в Уэллене к нам на борт приехало множество гостей — местное начальство и чукчи — на больших и малых байдарках. Некоторые из чукчей были с явной примесью русской и американской крови — розовощекие, иногда даже со светлыми глазами.

Уэллен является одним из наиболее культурных поселений северо-восточной Азии. Благодаря близости Америки чукчи познакомились с европейскими изобретениями, и вы нередко увидите здесь моторный бот, которым ловко управляет чукча или эскимос в желтой камлейке. Сейчас во всех крупных селениях имеются школы, где преподавание ведется на родном языке. Эксплуатация местного населения американскими хищниками уже прекратилась. Побережье совершенно недоступно для американцев, которые раньше приходили сюда на своих шхунах и ввозили контрабандные товары (оружие и спиртные напитки), а вывозили во множестве пушнину и продукты охоты на морского зверя, приобретаемые за бесценок. В ряде пунктов Чукотского побережья теперь имеются фактории, которые ведут правильную торговлю с местными жителями.

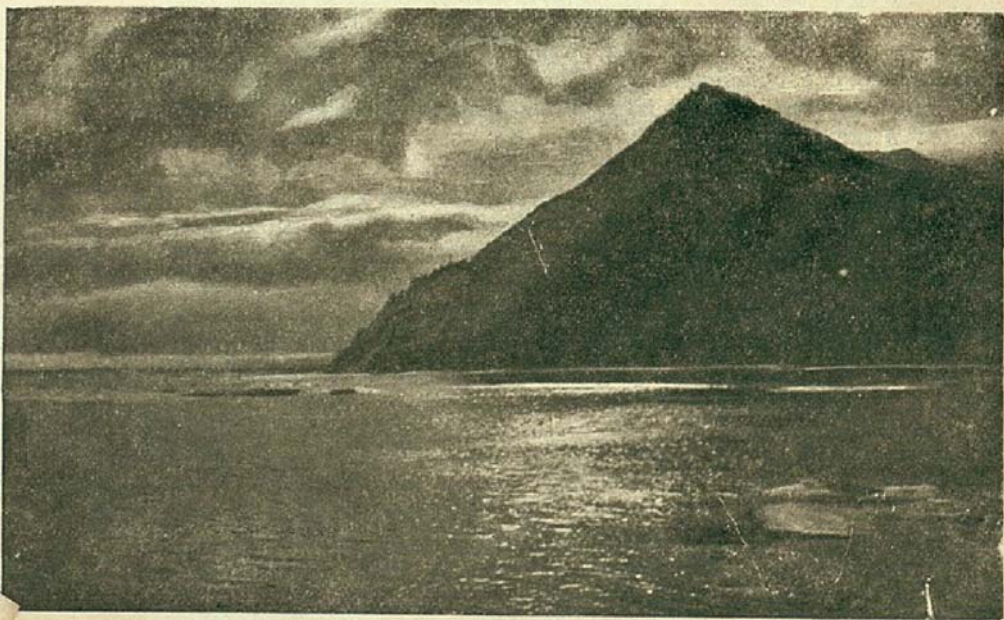

После короткой стоянки в Уэллене «Колыма» двинулась далее на юго-восток, огибая мыс Дежнева. Он редко бывает открыт, здесь почти всегда гнездятся туманы, но в этот раз на наше счастье туман поднялся, и нам удалось увидеть величественные и мрачные скалы и между ними, на полусклоне, селение эскимосов Наукан, напоминающее кавказский аул. Яранги наплавину сложены из камней, и только верхняя часть их прикрыта крышей из шкур.

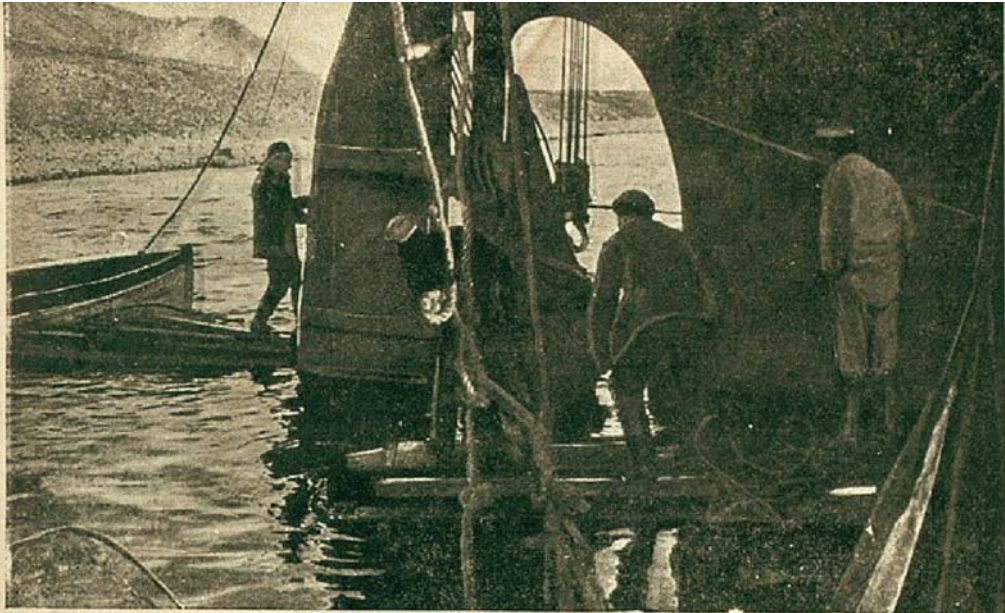
Иногда от мыса Дежнева бывают видны берега Америки, но нам не повезло, — они были закрыты туманом, и удалось разглядеть только маленький остров Диомиды, лежащий в Беринговом проливе. Островов Диомиды два — один русский, ближе к нашему берегу, другой американский.

В Беринговом проливе льды нас еще не оставляли. Только 12 сентября исчезла последняя маленькая льдина. Здесь они были уже не страшны — они оттаяли со всех сторон, были рыхлые и ноздреватые. Как только мы вышли из льдов, обнаружилось, что «Колыма» не в состоянии дойти даже до Камчатки. Благодаря волнам носовая часть парохода, которая была разбита льдами, стала расшатываться, все клинья и бревна, которые ее держали, выскакивали, и в переднем трюме появилась течь, которую не могли откачать насосами. Надо было спешить пройти куда-нибудь в спокойную бухту, для того чтобы зачинить пробоины. Кроме того следовало переменить винт, потому что с этим винтом мы не могли, как говорили моряки, выгрести против шторма.

Мыс Дежнева.

Меняют винт на «Колыме».

Другой наш спутник по несчастью, норвежско-американская шхуна «Кориза», которая шла в двух днях пути за нами, застряла вблизи Сердце-камень, и потом мы долго о ней не имели известий. Повидимому она выбралась из льдов дней на десять позже нас.

Для стоянки была выбрана бухта Провидения — большой залив в юго-восточном углу Чукотского полуострова. Рассматривая еще по дороге карту этой бухты, я решил, что она должна быть типичным ледниковым фиордом; и действительно, когда мы вошли в нее, перед нами открылась картина, которую можно видеть где-нибудь в Норвегии. Это был длинный извилистый залив, лежащий между высокими горами с очень крутыми склонами. Ясно выделялось на высоте 400—500 м склона так называемое плечо — тот уровень, до которого долина была когда-то наполнена льдами. Кое-где сохранились морены, а на выходе в море резкое уменьшение глубин указывало на существование здесь конечной морены. Таких ледниковых фиордов на Чукотском полуострове несколько.

В бухте Провидения «Колыма» зашла в более тихий маленький залив, который носит название бухта Эмма, и стала против построек фактории Госторга. В настоящее время здесь живут несколько эскимосов и уполномоченный Госторга, но раньше это был довольно оживленный пункт. Видимо в дальнейшем бухта, чрезвычайно удобная для стоянки судов, будет иметь большее значение как угольная база.

Первой задачей при ремонте «Колымы» было откачать воду из трюма. Ни донные помпы, ни насосы, поставленные на палубе, не в состоянии были бороться с непрерывным притоком воды. На помощь пришла изобретательность экипажа. Механик Чаусенко придумал оригинальную бадью: в железной бочке было пробито дно и сверху заложено в виде клапана доской. Бадью на лебедке спускали в трюм, вода поднималась до клапана и проникала внутрь. Затем клапан захлопывался, бочка вытаскивалась, клапан поднимал сидевший на бадье матрос и содержимое выливалось на палубу. Довольно быстро этим приспособлением вода была отлита, и можно было приступить к ремонту трюма. Он представлял ужасное зрелище. Во многих местах были щели, заклепки выскочили, бревна, которые при выходе из Владивостока были поставлены внутри для упора в качестве укреплений против ударов льда, выскочили из пазов. Нечего говорить уже о носовом отсеке корабля — он давно уже был изрешетен ударами и полон водой, так же как и донные цистерны.

После ремонта трюма уголь и часть груза были перегружены в переднюю половину корабля. Судно подошло кормой к берегу и выдвинулось настолько, что стал виден винт. Работа по съемке последнего в обычное время тянется довольно долго. В береговых условиях во Владивостоке для того, чтобы поставить новый винт, тратится одна-две недели. Но тут желание попасть скорее домой, а также соревнование воодушевляли механиков и матросов, и после 30 часов непрерывной работы старый винт был снят, поднят на таях на палубу, и новый поставлен на его

Винт «Колымы» после полярного рейса

место. Старый винт сохранили, чтобы доставить во Владивосток; он был вполне достоин того, чтобы фигурировать в музее. В восемь дней весь ремонт был закончен, и можно было двинуться во Владивосток.

Время стоянки в бухте Провидения мы использовали для того, чтобы сделать ряд экскурсий в ближайшие окрестности. Пейзаж Чукотского полуострова представляет много общего с арктическими островами — Шпицбергом и Новой Землей. Тут также нет деревьев, низкая и редкая трава, снег лежит круглый год в больших надувах на уровне моря, и нередко встречаются ясные и свежие следы недавних ледников. Во время одной из таких экскурсий мы пересекли перешеек, отделяющий бухту Провидения от соседнего залива Ткачен — такого же ледникового фиорда. В его долине мы увидели большие морены и стадо чукотских оленей, которое пасли два пастуха. На следующий день туда отправилась депутация от парохода, чтобы приобрести оленье мясо для экипажа, потому что свежая провизия у нас давно кончилась.

После бухты Провидения мы прошли на юго-запад, не заходя в Анадырский лиман, который лежит несколько в стороне, и завернули в бухту Глубокую, лежащую на побережье Коряцкой земли. Эта бухта и целый ряд других возле нее оказались такими же ледниковыми фиордами, как и бухта Провидения, только с еще более острыми и живописными окружающими скалами. Один из заливов этой бухты носит название Иматра, в честь водопада, который спадает здесь с крутого склона горы. Этот водопад является также превосходным доказательством существовавшего здесь когда-то ледника. Он падает из устья висячей боковой долины по крутому боковому склону главной. Горы покрыты густыми зарослями кустов со множеством ярко красных проздьев рябины. В речке, которая впадает между старыми моренами в Иматру, плавали в прозрачной воде большие рыбы. Это была знаменитая дальневосточная кета. Матросы и пассажиры обрадовались свежей пище и безжалостно истребили все население этой речки при помощи динамита.

Мы надеялись, что после такого тяжелого плавания, которое выпало на долю «Колымы», ей позволят идти прямо во Владивосток, не заходя по дороге для съемки рыбалок, как это обычно делают пароходы, которые возвращаются порожняком с севера. Но «Колыма» получила все же приказ снять одну из таких рыбалок, и около трех дней мы стояли вблизи Усть-Камчатска. В результате пароход был до отказа запружен рыбой и людьми.

Рыбалка была расположена на самом берегу и представляла большое поселение с консервным заводом и множеством жилых

домов. Здесь готовятся консервы из пяти важнейших сортов местной рыбы — кеты, красной и др. Кроме того заготавливается икра и производится сухой засол для японского населения. Этот последний способ сводится в сущности к порче ценной рыбы — в результате получаются очень сухие, жесткие и невкусные распластанные куски рыбы. Она солится прямо на берегу в больших кучах, густо пересыпанная солью.

Попрузка парохода у берегов Камчатки представляет часто очень трудную операцию. Рыбалки расположены на открытом берегу, и при сильном ветре и прибое иногда пароходу приходится неделями стоять в ожидании возможности попрузки. При нас, несмотря на совершенно слабую зыбь, прибой у берега был настолько силен, что грузчикам приходилось выжидать момент, чтобы взбежать по сходням на высоко поднимающуюся корму кунгаса.

Наконец трюм был набит рыбой, поверх рыбы на нижней палубе помещены люди, на верхней палубе также сделаны различные перегородки для людей — кухня, умывальные, уборные и т. д. На палубу были погружены лодки, и можно было двинуться в путь — на юг, вдоль обрывистых берегов Камчатки.

Берег представляет здесь красивое зрелище — непрерывные обрывы высоких утесов с узкой полосой пляжа у их подножия, заваленного водорослями и разным морским зверьем. В море отходят от мысов скалистые гряды, опасные для кораблей, и на одной из них виден был большой японский пароход, севший на камни в тумане и брошенный командой. Об него разбивались волны, постепенно разрушая корпус.

Еще изумительнее пейзаж внутри страны. Над волнистой поверхностью горной страны высотой около 1 000 м в виде гигантских конусов возвышаются вулканы — «сопки», поднимающие свои вершины на 4 000—4 500 м. Зрелище это настолько необыкновенно и настолько отлично от всех ландшафтов, которые я видел до сих пор, что казалось почти нереальным. Особенно фантастична и неестественна казалась исключительная, идеальная правильность конусов сопок, высившихся над обычным горным пейзажем. Некоторые из них непрерывно курились.

«Кольма» зашла на два дня в Петропавловск-на-Камчатке, чтобы пополнить запасы угля и воды и высадить часть рабочих-японцев, которые должны были ехать в Японию на другом пароходе. Мы имели возможность сделать экскурсию на соседние горы и еще раз насладиться видом вулканов; потом побродили по берегу, рассматривая бесчисленных студенистых громадных медуз, плававших в воде и лежавших на пляже в виде бесформенных масс вместе с красными морскими звездами.

Петропавловск — один из красивейших портовых городов Союза, хотя сам по себе он еще очень мал. Он обладает идеаль-

ной стоянкой в «ковше» — конечной части бухты, отрезанной косой; его вместительная бухта зимой не замерзает. Портовые качества Петропавловска и удачное положение на северо-востоке обеспечивают ему большое развитие в будущем. После Петропавловска оставался еще один этап, но довольно опасный. Надо было пройти мимо Охотского моря, которое в это время года захватывают тайфуны, прозные для нашего разбитого судна.

Но мы удачно проскользнули вдоль гряды Курильских островов с ее вулканами и благополучно вошли в Золотой рог Владивостока. Все стоявшие там суда были расцвечены флагами в честь прихода «Колымы», и в море навстречу нам вышел портовой пароходик с представителями общественных организаций.

«Колыме» после основательного ремонта пришлось снова в 1931 г. пойти в тот же полярный рейс из-за отсутствия других судов подходящего тоннажа. В этот раз она была менее счастлива и, пробившись к устью Колымы только к началу сентября, должна была стать на зимовку на обратном пути у острова Шалаурова. Вместе с ней ходило на Колыму и зимовало и другое судно — «Лейтенант Шмидт». «Колыма» под командой того же капитана Д. Сергиевского, который уже в 1930 г. доказал свое умение побеждать льды, благополучно перенесла зимовку и в августе 1932 г. вышла в Тихий океан.

Читателю может показаться, что плавание в таких тяжелых ледовых условиях мало продуктивно и что следует изыскать какие-то другие пути для снабжения Колымского края. Но нужно только вспомнить, что до сих пор к этим рейсам не были применены самые основные достижения транспортной техники: «Колыма» и «Ставрополь» со своими слабыми машинами, чугунными винтами и тонким железным корпусом, неприспособленным для плавания во льдах, в 1930 г. пробивались сквозь льды так же, как и в 1911 г., имея в запасе только завозный якорь и лебедку, чтобы оттягивать льдины. А между тем на западном конце того же полярного пути, в Карском море, уже давно караван судов сопровождают ледоколы и аэропланы, по побережью и на островах сооружены радиостанции, и опасные некогда рейсы стали теперь самыми обычными коммерческими плаваниями. Льды восточного сектора правда несравненно тяжелее, чем в Карском море, но здесь есть путь, который до сих пор не использовался: очень часто льдами занята только полоса вдоль побережья миль на 30, а дальше море свободно — ветер прибивает льды к берегу. Нужно чтобы судно могло пробиться сквозь эту полосу льдов и затем снова проникнуть сквозь льды к нужному пункту. Для «Колымы» и «Ставрополя» эта задача недостижима, но судно ледокольного типа могло бы легко ее выполнить.

Несомненно, через несколько лет, при правильной организа-

ции, рейсы к устью Колымы станут если и не такими же легкими и простыми, как к устью Енисея, то во всяком случае не менее регулярными, и риск зимовки во льдах будет почти исключен.

ХІХ. ИТОГИ ЭКСПЕДИЦИИ

Когда в 1926 г. я отправился в экспедицию на Индигирку, передо мной была совершенно неизвестная страна; никто не знал, как расположены в ней горы, как идут реки, можно ли пройти через нее с караваном вьючных лошадей, в какой срок можно пересечь ее. Через пять лет исследований мы можем уже дать карту страны, изображающую вполне точно не только главные реки, но и большинство крупных притоков, не только большие хребты, но и менее значительные цепи.

Наша экспедиция 1926 г. положила начало этим исследованиям — она выяснила, что существующие карты, основанные на расспросных сведениях, совершенно неверно изображают страну; открытие экспедицией промадного хребта Черского, неизвестного до тех пор, обратило внимание широких кругов на глухой Колымско-индигирский край.

Экспедиция 1929/30 г. должна была изучить восточную часть края, докончить исследование хребта Черского и дать полную картину расположения хребтов и рек и общую схему геологического строения. Одновременно с нами здесь побывало еще несколько экспедиций, работы которых существенно дополнили наши исследования.

Прежде всего следует отметить экспедицию Академии наук для всестороннего изучения среднего и нижнего течения Индигирки под начальством Ю. Чирихина (1928—1930 гг.); далее, также академическую экспедицию на р. Колыму для изучения ее рыбного населения. Большую работу на Колыме проделала экспедиция Наркомвода под начальством И. Молодых, которая дала серию интересных работ по экономике и путям сообщения края и превосходный атлас реки и ее притоков. Из горноразведочных экспедиций работали К. Пятовский, В. Вакар на р. Березовке и ряд экспедиций б. Геологического комитета, изучавших новый золотоносный район в верхнем течении Колымы.

Хребты северо-востока Азии начиная с XVIII в. изображались одинаково: Верхоянско-индигирский край отгораживался от всего мира каменной стеной, а от нее внутрь между крупными реками — Яной, Индигиркой, Колымой и Омолоном — отходили радиальные хребты. В семидесятых годах Майдель еще более укрепил и обосновал эту неправильную схему, создав на основа-

нии расспросных сведений представление о высоком Оймяконском нагорье, из которого во все стороны исходят хребты — Верхоянский на запад, Кех-тас на северо-запад, между Яной и Индигиркой, Томус-хая на северо-восток и Колымский хребет на восток, с его отрогами — Колымскими горами, лежащими между Колымой и Омолоном.

В 1926 г. я опроверг эту схему, выяснив, что хребты внутри страны идут не радиально, а параллельно внешней дуге, пересекая реки. Это было установлено для западного района Индигирки, и я предположил, что и далее на восток хребет Черского пойдет параллельно Охотскому водоразделу и завернет к северо-востоку между Колымой и Омолоном. Но в действительности оказалось, что эта схема, основанная на геологических гипотезах, верна только в геологическом отношении — к северо-востоку загибается и идет потом на север только палеозойская дуга хребта Черского — того хребта Черского, который существовал в верхнем палеозое, а современный хребет Черского загибается на юг и упирается в Охотское море.

Теперь мы можем дать ясную и точную схему орографии страны. Ее главные хребты — Верхоянский и Черского — идут параллельно, изгибаясь в виде латинской буквы S. Верхоянский хребет идет вдоль Лены и Алдана и затем переходит на юге в хребет Джугджур, окаймляющий с запада Охотское море. Здесь кончается эта дуга, а так называемый «Становой хребет» представляет самостоятельную горную страну, начинающуюся южнее.

Хребет Черского изгибается параллельно Верхоянскому; начинаясь от Полярного моря, он идет на юг под названием хребта Тас-хаяхта, потом поворачивает на восток, пересекает Индигирку, доходит до Колымы и, приняв здесь опять почти меридиональное направление, пересекает Охотский водораздел и замирает, не дойдя до моря, прикрытый новейшими отложениями. Эта громадная горная дуга срезана провалом Охотского моря — когда-то она простиралась далеко на юг, к низовьям Амура. Хребет Черского представляет целую горную систему шириной от 150 до 250 км, состоящую из ряда параллельных цепей.

Между хребтами Черского и Верхоянским лежит обширное более низкое плоскогорье, разделенное на юге узким хребтом Тас-кыстабыт на две части: восточную — Нерское плоскогорье — и западную — Оймяконское, с Оймяконской впадиной посередине. Тас-кыстабыт, высокий узкий альпийский хребет, тянется параллельно своим старшим братьям — хребтам Черского и Верхоянскому.

Таким образом бывший Колымский хребет, который тянулся непрерывной громадой от верховьев Охоты на восток вдоль Охотского моря, разбит на ряд кусков разного происхождения

и разного рельефа — два отрезка плоскогорий и два хребта почти меридионального направления, пересекающие Охотский водораздел. На востоке остается только меньшая половина этого Колымского хребта, и только эта половина повидимому однообразна в своем строении и формах и может быть названа хребтом. Но, изменив свой объем, этот хребет должен получить и новое название, тем более что у местных жителей он имеет уже давно другое имя, даже известное в научной литературе, — хребет Гыдан («морской»), а Колымского хребта никто не знает. Гыдан переходит на севере в показанный на картах хребет Анадырский, но здесь мы попадаем уже в совершенно неисследованную область, которую еще предстоит изучить будущим экспедициям Арктического института.

К северу от этих мощных, громадных хребтов лежат два плоскогория — одно между Омолоном и Колымой, названное мною Юкагирским, и второе, занимающее пространство между низовьями Индигирки и Колымы, для которого Салишев в своей новой сводке предлагает название Алазейское. Юкагирское плоскогорие вытянулось в виде длинного аванпоста к северу от хребта Черского; Алазейское отделено от хребта широкой долиной р. Ожогойной. Вдоль Индигирки и Колымы к северу от хребта Черского лежат обширные низменности, тянущиеся по левому берегу этих рек к морскому побережью.

Весь этот комплекс горных хребтов и плоскогорий представляет громадную горную страну — одну из обширнейших в мире, чрезвычайно разнообразную в отношении геологического состава, очень суровую по климату и поэтому однообразную и скудную по своему растительному и животному миру и почти не населенную. На площадь более 1 млн кв. км — больше Франции и Германии, вместе взятых, — приходится всего 15 тыс. жителей.

Освоение этой страны является делом хотя и серьезным и сложным, но вполне выполнимым и в настоящее время необходимым для государства. Нашими исследованиями и другими геологическими и разведочными экспедициями выяснено, что Колымско-индигирский край обладает серьезными горнопромышленными богатствами. Сейчас ясно определилось, что одним из его основных минеральных ресурсов является обширный золотосносный район, связанный с гранитами хребта Черского. Граниты эти занимают громадную площадь в хребте и еще больше площадь оплодотворенных ими осадочных пород триаса; поэтому очень велика площадь той области, где можно надеяться найти золото, — она равна площади самого хребта. Пока золото в промышленном количестве обнаружено только вблизи Колымы, но разведочные партии постепенно двигаются на север вдоль хребта, где геологические условия такие же, как и на юге.

Пока трудно выразить в цифрах запасы этого района — он еще почти не исследован, — но то, что известно, позволяет предполагать, что Колымский район будет одним из крупных источников добычи золота для СССР.

Те же граниты, которые принесли золото, приносят с собой и другие металлы. Из них обнаружено уже олово (пока только в песках рек, а коренные его месторождения не найдены), и можно говорить о новой большой оловоносной провинции, обогащающей Союз этим редким у нас и столь необходимым металлом.

Вне хребта Черского, в хребте Верхоянском и на Юкагирском плато, найдены жилы, содержащие цветные металлы — свинец, цинк, медь, с примесью иногда серебра и золота. Эти металлы здесь также связаны большею частью с циклами извержений гранитов и других кислых пород. Обилие изверженных пород в разных частях страны и их величайшее разнообразие служат залогом, что и руды различных металлов будут встречены здесь в большом количестве.

Из нерудных полезных ископаемых пока найдены уголь, слюда, гипс, пуццоланы (цементные туфы). Месторождение угля только в 1931 г. посещено в первый раз геологом — молодым сотрудником Арктического института Павловым. Месторождение это лежит на р. Зырянке, в 70 км от Верхнеколымска, и заключает пласты до 9 м мощностью. Угленосная свита тянется вдоль Колымы, у подножия хребта Черского, и вероятно будет найдена и в других частях страны по мере их исследования.

В будущем горная промышленность будет главной базой для развития края; сельское хозяйство (земледелие и огородничество в южных районах, скотоводство — везде по долинам рек) явится подсобным для снабжения будущего населения рудников и заводов. Огородничество возможно в долине Колымы, в ее верховьях, примерно до Родчева; земледелие в этом районе также возможно, но вряд ли особенно выгодно в здешних условиях. В верховьях Индигирки из-за сурового климата этого района невозможны хорошие и верные урожаи. Скотоводство пока находится в примитивном состоянии: якутский скот мелкий (чистый вес коровы не более центнера — 6 пудов) и малоудойный — в Колымском районе корова дает около 4-5 бутылок молока в день, а в Оймяконе даже только 1 бутылку, и это в лучшее время года. Местное скотоводство требует улучшения породы скота, улучшения пастбищ и изменения способов ухода за животными.

Большое значение для края имеют пушное дело и оленеводство. Пушной промысел — исконное и основное занятие всего нашего севера — давал в Колымско-индигирском районе пушнины на 350 тыс. руб. в год по заготовительной стоимости; в зави-

симости от мировых цен экспортная стоимость этой пушнины в некоторые годы достигала 1 млн. руб. Очень большое увеличение добычи пушнины в южных частях страны вряд ли возможно, но несомненно, что на севере, где больше половины попавшихся в пасти песцов поедается их же собратьями, с улучшением способов охоты количество добываемой пушнины сильно повысится.

Точно так же можно значительно развернуть пушной промысел путем устройства заказников для песцов.

Крупное оленеводческое хозяйство может стать второй после горного дела основной базой экономики края. В настоящее время по данным И. Молодых в крае до 150 тыс. оленей, которые очень плохо используются. При рациональном хозяйстве это количество может быть быстро увеличено — нетронутых оленьих пастбищ еще очень много. В Аляске, где раньше не было северных оленей (местные карibu не пригодны для эксплуатации) и они были завезены из Сибири и Норвегии в количестве всего 1 274 штук (в 1899 г.), в настоящее время их несколько сот тысяч голов, и стоимость годовой продукции одного только оленьего мяса достигает 2 млн. долл.

Во второй пятилетке в Колымском округе будет организовано два совхоза. Мясное снабжение горной промышленности должно конечно базироваться на оленях, а не на долинном скотоводстве, площадь пастбищ для которого очень ограничена.

Рыболовство по самой Колыме при наличии превосходных сортов рыбы, но при несколько ограниченном ее количестве может служить только для снабжения местного населения. Большие неиспользованные рыбные ресурсы содержат озера, покрывающие густой сетью низменности Индигирскую и Колымскую и часть Алазейского плато, но эксплуатация их упирается в транспортную проблему — озера расположены среди болот, и вывоз рыбы в больших количествах возможен только зимой.

Лесное хозяйство не может дать материала для экспорта — единственными строевыми породами являются здесь лиственница и бальзамический тополь. Но заросли хороших бонитетов этих пород имеются только в долинах рек — по островам и на берегах вблизи русла. Ширина этих зарослей до 1—2 км, редко более, и общее количество леса вероятно достаточно для будущих потребностей самого края, но не для вывоза. В стороне от реки, на кунтуках и на горах, лиственница плохого качества, имеет часто гнилую сердцевину, сучковата, и из нее нельзя делать доски. Для постройки простых изб она пригодна, но для серьезных строительных работ нужно пользоваться лесом из поймы рек.

Главным препятствием для развития края являются его тяжелые дорожные условия. Снабжение северной части края и завоз тяжелых грузов в южную должны идти попрежнему северным морским путем, который, как я говорил выше, при надлежащем его оборудовании является вполне надежным. Но для регулярного снабжения южных районов необходимо устройство автомобильной дороги, пригодной для перевозок и зимой и летом. Такая дорога уже начата постройкой от лучшей на Охотском побережье бухты Ногаева (близ Олы) по направлению к головному участку судоходной Колымы — к устью р. Бохатчи. Дорога эта будет всего длиной до 350 км, с перевалами не выше 750 м.

Работы экспедиций последних лет совершенно изменили прежнее представление о размерах рек Колымского края и их расположении. Раньше предполагалось, что Колыма течет далеко от Охотского побережья и что Сеймчан — начало прежнего сплава при купеческих перебросках груза из Олы в Среднеколымск — находится по прямому направлению от Олы в 480 км. Астрономические пункты, определенные К. Салищевым и И. Агафоновым, показали, что Колыма делает громадную дугу к юго-востоку, так что Сеймчан перемещается на 100 км к югу и на 200 к востоку (на 1° широты и на 4° долготы); смещаются все притоки Колымы — например Коркодон на 200—250 км к северо-востоку. Там, где были показаны горы, текут реки, и наоборот. Вследствие этого истинное прямое расстояние Сеймчана от Олы 375 км, а наиболее южный пункт Колымы, устье Дедрина, находится всего в 225 км от Тауйска, лежащего на Охотском побережье. Это конечно значительно сокращает расходы по постройке перевальной дороги.

Можно ясно представить себе будущее развитие края — оживленные поселки, рудники и прииски в безлюдных пока долинах, мощные заводы, осушенные болота, пастбища на месте кочковатых лугов, энергетические станции на мрачных порогах Колымы и позже на Индигирке.

Страна, которая пять лет назад представляла совершенно неизвестную область, «белое пятно», не уступающее антарктическим, за короткое время изучена, и намечены основные линии ее развития. Здесь мы имеем возможность широкого и исчерпывающего применения новых принципов социалистического строительства в девственной и почти не населенной области. В этом крае живет в настоящее время несколько тысяч тунгусов, якутов, юкагиров и чукчей; индустриализация края принесет им переход к новым и высшим формам жизни, создавая из бывшей «Колымской землицы» мощную социалистическую базу на крайнем северо-востоке Союза.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	ПРЕДИСЛОВИЕ	5
I.	НА САМОЛЕТЕ	7
II.	НА ВЫКАХ	14
III.	НА ОЛЕНЯХ ЧЕРЕЗ ВЕРХОЯНСКИЙ ХРЕБЕТ	21
IV.	СНОВА В ОЙМЕКОНЕ	30
V.	ВЕРХОМ К ИСТОКАМ КОЛЫМЫ	33
VI.	В РЕЗИНОВОЙ БАЙДАРКЕ ЧЕРЕЗ ПОРОГИ	40
VII.	ПО НОВОМУ ЗОЛОТОНОСНОМУ РАЙОНУ	53
VIII.	ОТ СЕЙМЧАНА ДО СРЕДНЕКОЛЫМСКА	61
IX.	В НИЗОВЬЯХ КОЛЫМЫ	69
X.	СРЕДНЕКОЛЫМСК	76
XI.	ТЯЖЕЛЫЙ ПУТЬ ПО ЛЕГКОМУ ТРАКТУ	89
XII.	В СТРАНЕ ЮКАГИРОВ	98
XIII.	ПО СЛЕДУ	103
XIV.	БЕЗ ДОРОГИ	111
XV.	ПЕРЕВАЛ НАЙДЕН	119
XVI.	ВЕСНОВКА НА ОМОЛОНЕ	126
XVII.	ВНИЗ ПО ОМОЛОНУ	133
XVIII.	НА ПАРОХОДЕ СРЕДИ ЛЬДОВ	146
XIX.	ИТОГИ ЭКСПЕДИЦИИ	168

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КАРТА ЮЖНО-ИНДИГИРСКОГО КРАЯ

составлена К.А.САЛИЩЕВЫМ.

PRELIMINARY MAP SOUTH-INDIGIRKA REGION

compiled by K.A. SALISCHEV.

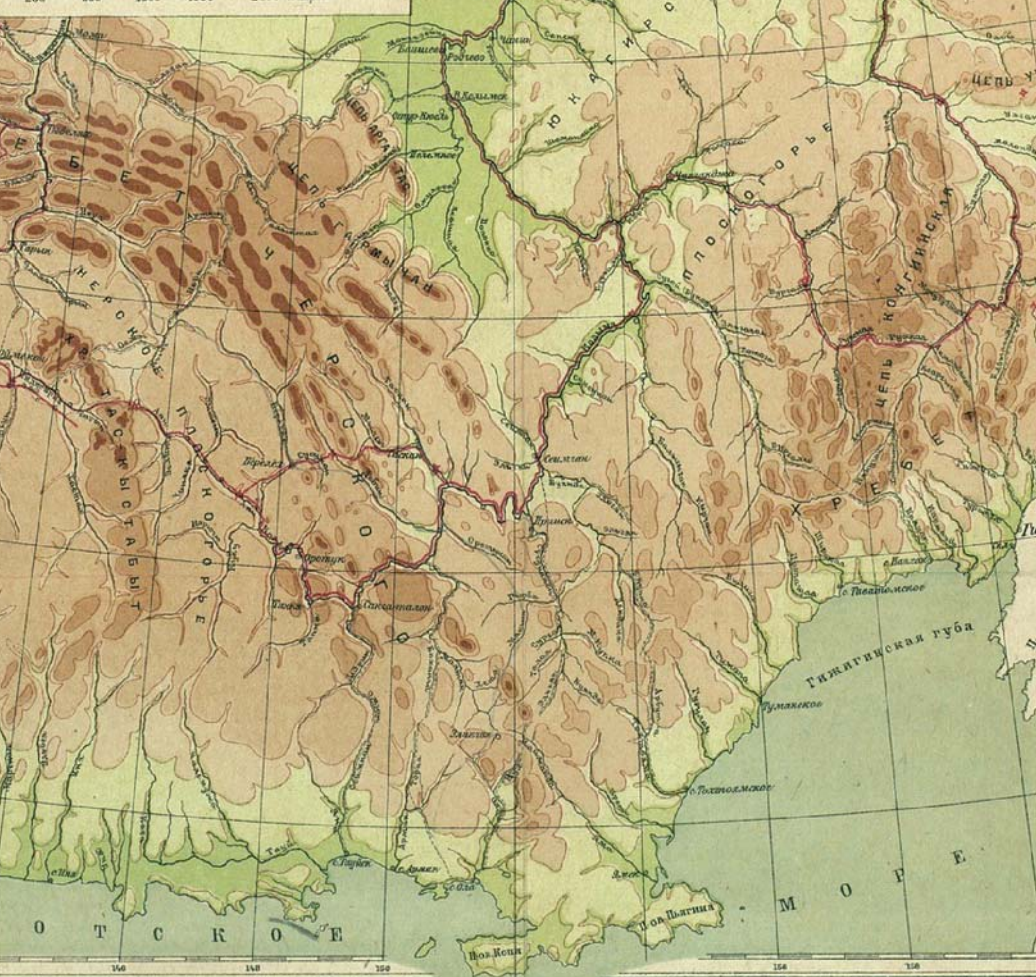
Условные знаки.

- Ограниченные юрты или заимки.
- Населенные пункты.
- Временные пути.

Масштаб 1:5000000.

0 50 100 150 200 км.

200 200 1000 1500 2000 метров

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКАЯ АЗИЯ

Москва, Софийская набережная, 38, телефон В 1-42-09

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ СЕВЕРА

сборник статей,
посвященных вопросам освоения севера

ВИВИАН ИТИН

МОРСКИЕ ПУТИ СОВЕТСКОЙ АРКТИКИ

САМОЛЕТ НАД ЯКУТИЕЙ

сборник статей

В. А. ВАРСОНОВЬЕВА

ЖИЗНЬ ГОР

2-е издание

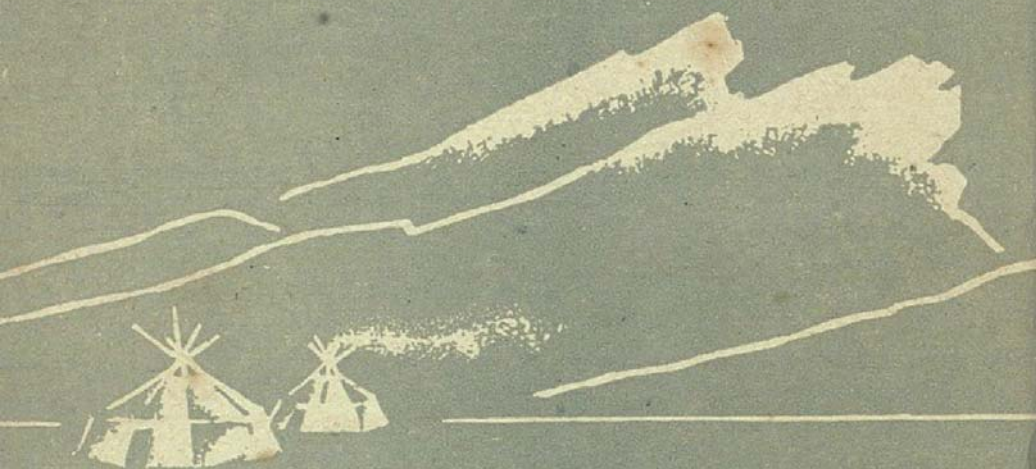

Н. МИХАЙЛОВ

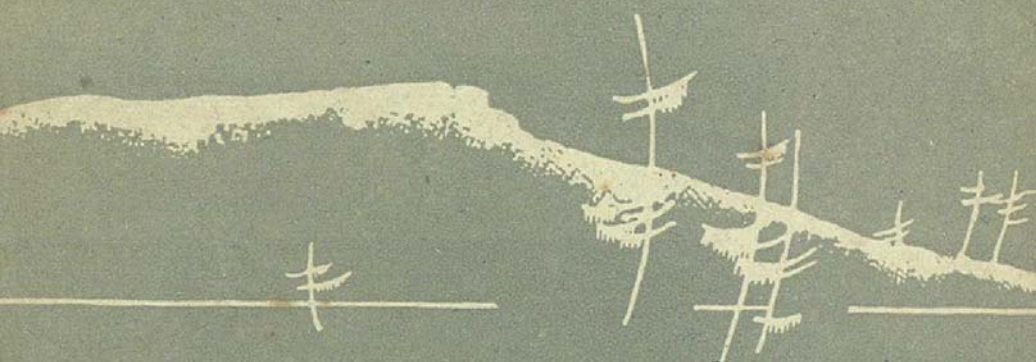
ХАН-ТЕНГРИ

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ

Цена 5 руб. 50 коп.
переплет 60 коп.

1413.6

